This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HW 2SSB 3

KE 16801

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

N. 18106.—

БІОГРАФІИ

РОССІЙСКИХЪ

ГЕНЕРАЛИССИМУСОВЪ

и

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛОВЪ.

БІОГРАФІИ

РОССІЙСКИХЪ

ГЕНЕРАЛИССИМУСОВЪ

и

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛОВЪ.

съ 48 портретами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Третьяго Департамента Министерства
Государственныхъ Имуществъ.
1840.

KE/6801 (2)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, Апрѣля 23 дня 1840 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Государствованіе Императрицы Екатерины II-й.

Біографіи Генералъ-Фельдмаршаловъ:

Стран.

24. Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина 1
25. Князя Александра Михайловича Голицына . . 17
26. Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго 25
27. Графа Захара Григорьевича Чернышева . . 50
28. Князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго 56
29. Князя Александра Васильевича Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго, 3-го Генералиссимуса 89

Государствованіе Императора Павла I-го.

Біографіи Генералъ-Фельдмаршаловъ:

30. Князя Николая Ивановича Салтыкова . . . 198
31. Князя Николая Васильевича Репнина . . . 204
32. Графа Ивана Григорьевича Чернышева . . . 234
33. Графа Ивана Петровича Салтыкова . . . 240
34. Графа Ивана Карповича Эльмта 247
35. Графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина 251
36. Графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго . . . 255
37. Дюка Виктора-Франциска Брольо 265

Графъ Алексѣй Петровичъ

БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

Литог. Тюлева.

24-й

Генералъ-Фельдмаршалъ

Графъ Алексѣй Петровичь

БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

Графъ Алексѣй Петровичь Бестужевъ-Рюминъ (*) одинъ, изъ Генералъ-Фельдмаршаловъ Россійскихъ, получилъ это достоинство не предводительствуя ни-

(*) Бестужевы-Рюмины происходятъ отъ древней Англійской фамиліи Графства Кентскаго. Предокъ ихъ, Гавріилъ *Бестъ* выѣхалъ въ Россію въ 1403 году; сынъ его, Яковъ *Рюма*, писавшійся *Бестужевымъ*, получилъ отъ Великаго Князя Іоанна Васильевича Боярство и городъ Серпейскъ; внукъ, Василій Яковлевичь, служилъ Окольничимъ. — Въ 1701 году велѣно Бестужевымъ, по прозванію ихъ прародителя *Бестужа*, писаться *Бестужевыми-Рюмиными*. — Изъ 1-й части Гербовника.

когда войсками и, даже, не находясь въ спискѣ военномъ.

Онъ родился въ Москвѣ 22 Мая 1693 года. Отецъ его, Петръ Михайловичь, одаренный великимъ умомъ и, вмѣстѣ, гордый, чрезвычайно корыстолюбивый, занималъ разныя почетныя должности: былъ Воеводою въ Симбирскѣ (1701 г.); ѣздилъ въ Вѣну и въ Берлинъ съ разными порученіями (1705 г.); служилъ, потомъ, Генералъ Кригсъ-Цалмейстеромъ, Оберъ-Гофмейстеромъ (съ 1712 г.) у вдовствовавшей Герцогини Курляндской Анны Іоанновны; награжденъ чиномъ Тайнаго Совѣтника (1726 г.); терпѣлъ гоненія отъ сильнаго Меншикова за преданность къ славному Морицу Саксонскому, желавшему быть Герцогомъ Курляндскимъ; семь лѣтъ находился въ ссылкѣ (съ 1730 по 1737) преслѣдуемый Бирономъ, которому прежде покровительствовалъ; освобожденъ *за вѣрную службу сыновей;* получилъ, съ ними, Графское достоинство отъ Императрицы Елисаветы въ 1742 году, не задолго до своей кончины.

Алексѣй Петровичь, на шестнадцатомъ году отъ рожденія, отправленъ Петромъ Великимъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, Михаиломъ Петровичемъ, сначала въ Копенгагенъ, гдѣ учился въ тамошней Академіи; потомъ (1710 г.) въ Берлинъ. Въ послѣднемъ городѣ оказалъ онъ отличные успѣхи въ наукахъ, равно въ языкахъ Латинскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ и, будучи только девятнадцати лѣтъ, опредѣленъ Дворяниномъ Посольства на конгрессъ въ Утрехтъ, поступилъ подъ начальство знаменитаго дипломата того времени Князя Бориса Ивановича

Куракина (1712 г.) (*). Находясь въ Ганноверѣ, Бестужевъ-Рюминъ умомъ и ловкостію обратилъ на себя вниманіе Курфирста Георга-Лудовика, и, съ согласія Петра Великаго, причисленъ въ 1713 году къ Ганноверскому Двору Камеръ-Юнкеромъ съ жалованьемъ по тысячи талеровъ въ годъ. Вскорѣ скончалась Англійская Королева Анна (1714 г.). Курфирстъ, наслѣдовавъ ей подъ именемъ Георга I-го, возложилъ на Бестужева-Рюмина лестное Посольство въ Россію. Государь чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ своего подданнаго въ службѣ иностранной въ почетномъ званіи Министра, щедро одарилъ его и, по прошествіи трехъ лѣтъ, отозвалъ отъ Двора Великобританскаго (1717 г.).

(*) Князь Борисъ Ивановичь Куракинъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, гвардіи Семеновскаго полка Подполковникъ и ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго кавалеръ, явилъ опыты своей храбрости подъ Азовомъ (1696 г.), Нарвою (1704 г.) и Полтавой (1709); но болѣе сдѣлалъ свое имя извѣстнымъ на дипломатическомъ поприщѣ: былъ Полномочнымъ Министромъ въ Римѣ и въ Венеціи (1707 г.); въ Ганноверѣ и Брауншвейгѣ (1709 г.); въ Лондонѣ (1710 г.); въ Гагѣ (1711 г.); сопутствовалъ Петру Великому во Францію; пожалованъ Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ въ Парижъ (1724 г.); скончался въ этомъ городѣ 1727 года, на 51 отъ рожденія. — Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ Царицы Евдокіи Ѳеодоровны (первой супруги Петра Великаго), Аксиньѣ Ѳеодоровнѣ Лопухиной.

Сначала Бестужевъ поступилъ Оберъ-Камеръ-Юнкеромъ къ вдовствовавшей Герцогинѣ Курляндской, въ 1718 году, но черезъ два года, опредѣленъ въ Данію Резидентомъ. Здѣсь имѣлъ онъ случай пріобрѣсть особое благоволеніе Петра Великаго посредствомъ великолѣпнаго праздника, даннаго имъ 1 Декабря 1721 года, всѣмъ иностраннымъ Министрамъ и первѣйшимъ чинамъ Королевства. Передъ домомъ его были поставлены прозрачныя картины, представлявшія съ одной стороны бюстъ Петра Великаго, съ другой слѣдующую Латинскую надпись: *Шестнадцать лѣтъ ознаменовавъ подвигами, затмившими дѣянія Геркулеса, Онъ заключилъ 30 Августа 1721 года славный миръ въ Нейштадтѣ, заставивъ безмолвствовать зависть и даровавъ Сѣверу давно ожиданное спокойствіе.*—Такую-же надпись велѣлъ Бестужевъ выбить въ Гамбургѣ на медали съ изображеніемъ Обладателя Россіи; ибо на монетномъ Дворѣ Королевскомъ не согласились чеканить оную, находя предосудительнымъ для Государства выраженіе: *Сѣверу даровалъ спокойствіе.* Со всѣмъ тѣмъ Бестужевъ, къ удивленію посѣтителей и къ досадѣ многихъ изъ нихъ, роздалъ имъ медаль 1 Декабря. Лишь только Государь, находившійся тогда въ Персіи, освѣдомился объ этомъ похвальномъ подвигѣ, основанномъ на любви къ Отечеству, немедленно благодарилъ Алексѣя Петровича собственноручнымъ письмомъ и вслѣдъ за тѣмъ пожаловалъ ему портретъ свой, осыпанный бриліантами, для ношенія на груди; а во время коронованія Екатерины I-й, въ 1724 году, произвелъ его въ Дѣйствительные Камергеры.

Съ кончиною Петра Великаго, Бестужевъ лишился надежды и наградъ: сильный Меншиковъ наложилъ на него тяжкую руку, мстя за отца его, дерзнувшаго противодѣйствовать ему въ Курляндіи. Тщетно просилъ онъ увеличить получаемое имъ жалованье, переименовать его, *за семилѣтніе при Датскомъ Дворѣ труды*, Чрезвычайнымъ Посланникомъ. Участь Бестужева не перемѣнилась къ лучшему, когда начала царствовать Императрица Анна Іоанновна, руководимая Бирономъ: изъ Копенгагена перемѣщенъ онъ, 1-го Февраля 1731 года, Резидентомъ же въ Гамбургъ и въ Нижній Саксонскій Округъ, и только въ слѣдующемъ году, вѣроятно, по ходатайству своего брата, пожалованъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ. Михаилъ Петровичь находился въ этомъ почетномъ званіи въ Пруссіи, гдѣ, къ удовольствію нашего Двора, примирилъ Короля Фридриха Вильгельма съ Крон-Принцемъ (въ послѣдствіи Фридрихомъ Великимъ), котораго жестокосердый отецъ заключилъ въ крѣпость и предалъ военному суду за предпринятое имъ путешествіе безъ его согласія.— Тогда Алексѣй Петровичь ѣздилъ въ Киль, осмотрѣлъ Архивы Герцога Голштинскаго и вывезъ потомъ въ С. Петербургъ множество любопытныхъ бумагъ, въ томъ числѣ духовную Императрицы Екатерины I-й, документъ весьма важный для Анны Іоанновны, составленный въ пользу потомковъ Петра Великаго (*).

(*) «Ежели—сказано въ духовномъ завѣщаніи Екатерины— «Великій Князь (Петръ II) скончается безъ наслѣдни- «ковъ, то послѣ него вступаетъ на Престолъ Герцо-

Въ исходѣ 1734 года Бестужевъ переведенъ снова въ Данію; при этомъ случаѣ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго. Счастіе по прежнему начинало служить ему; ибо онъ умѣлъ въ послѣднюю бытность свою въ столицѣ пріобрѣсть любовь Бирона—ласкательствомъ, поклонами. Не успѣлъ Бестужевъ пріѣхать въ Копенгагенъ, какъ акредитованъ былъ въ чинѣ Посланника и при Нижнемъ Саксонскомъ Округѣ, пожалованъ въ 1736 году Тайнымъ Совѣтникомъ, а въ 1740, Марта 25, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, съ повелѣніемъ явиться къ Высочайшему Двору для присутствованія въ Кабинетѣ. Нуженъ былъ Бирону человѣкъ съ хитростію и умомъ Алексѣя Петровича, для умаленія власти Графа Остермана. Онъ не ошибся въ своемъ выборѣ: Бестужевъ содѣйствовалъ въ назначеніи его Регентомъ Имперіи во время малолѣтства Іоанна Антоновича и когда составился заговоръ противъ Бирона, совѣтовалъ ему принять надлежащія мѣры; но властолюбецъ, ослѣпленный счастіемъ, довѣрилъ участь свою тайному врагу, Фельдмаршалу Графу Миниху: арестованъ имъ, 8 Ноября 1740 года. Съ паденіемъ Бирона пострадалъ преданный ему Бестужевъ, заключенный также въ крѣпость Шлиссельбургскую.

«гиня Голштинская Анна Петровна (Родительница «Петра III), потомъ Цесаревна Елисавета Петровна, «и наконецъ Великая Княжна Наталія Алексѣевна (Се«стра Петра II) съ ихъ потомствами, такъ однако, что«бы мужеское колѣно имѣло преимущество предъ жен«скимъ.»

Дана имъ очная ставка: «Несправедливо обвинилъ «я Герцога — сказалъ Бестужевъ, увидѣвъ его — «прошу господъ Кригсъ-Коммисаровъ взнесть слова «мои въ протоколъ: торжественно объявляю, что однѣ «только угрозы, жестокое обращеніе со мною и обѣ«щаніе свободы Фельдмаршаломъ Минихомъ, если я «буду лжесвидѣтельствовать, могли исхитить гнусную «клевету, отъ которой нынѣ отказываюсь!» — Старались запутать его, но не успѣли: онъ совершенно оправдался, получилъ свободу, лишился только должностей.

Вскорѣ Императрица Елисавета вступила въ наслѣдственныя права (1741 г.). Бестужевъ, тотчасъ, вкрался въ сердце Лейбъ-Медика Ея, Лестока, главнаго виновника событія 25 Ноября, пользовавшагося особою довѣренностію Государыни. Онъ началъ защищать опальнаго; исходатайствовалъ ему (30 Ноября) орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, званія Сенатора, Главнаго Директора надъ почтами и (12 Декабря) Вице-Канцлера; но Елисавета, зная властолюбивый нравъ Бестужева, сказала тогда Лестоку: *ты не думаешь о послѣдствіяхъ; связываешь для себя пукъ розогъ* (*). Вслѣдъ за тѣмъ, Алексѣй Петровичь испросилъ отцу своему (25 Апр. 1742 г.) Графское достоинство Россійской Имперіи, съ распространеніемъ онаго на его потомство; возведенъ (1744 г.) въ Государственные Канцлеры; получилъ Лифляндскій замокъ Венденъ съ 63 гаками.

(*) См. о Лестокѣ въ первой части, въ біографіи *Генералъ-Фельдмаршала Апраксина.*

мерзкими ухищреніями составившагося въ нихъ злодѣя.

Долго Бестужевъ обиталъ въ дымной избѣ, нося соотвѣтственную ей одежду, отростивъ бороду; наконецъ дозволено ему было построить домъ, названный имъ *обителью печали.* Въ немъ лишился отъ своей супруги, скончавшейся 15 Декабря 1761 года, и перенесъ этотъ ударъ съ твердостію христіанина, утѣшая себя чтеніемъ Священнаго Писанія. Ссылка его продолжалась до возшествія на Престолъ Императрицы Екатерины II-й (1762 г.): Она освободила Министра, Ею уважаемаго, пригласила его въ С. Петербургъ: возвратила ему ордена (*) и всѣ чины, со старшинствомъ службы и переименовала въ Генералъ-Фельдмаршалы (3 Іюля). Канцлеромъ, въ то время, былъ (съ 1758 г.) Графъ Михаилъ Ларіоновичь Воронцовъ.

Бестужевъ просилъ о переслѣдованіи его дѣла. Коммисія совершенно оправдала его. Обнародованъ Манифестъ, въ которомъ Екатерина, защищая дѣйствія Елисаветы, слагала всю вину на клеветниковъ, во зло употребившихъ довѣренность Монархини. Сверхъ получаемаго жалованья по званію Фельдмаршала и Сенатора, Графу Алексѣю Петровичу опредѣлена еще ежегодная пенсія, двадцать тысячь руб-

(*) Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, кромѣ орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго, имѣлъ еще Польскій Бѣлаго Орла, полученный имъ въ 1740 году. — Наслѣдникъ возложилъ на него, въ 1763 г., Голштинскій орденъ Св. Анны.

лей; но онъ уволенъ, во уваженіе преклонныхъ лѣтъ, отъ занятій военныхъ и гражданскихъ и тщетно старался, 1764 года, вмѣшаться въ назначеніе Короля Польскаго. Современникъ Петровъ, испытавшій столько переворотовъ въ жизни своей, не оставался празднымъ; напечаталъ въ Москвѣ 1763 года сочиненную имъ въ ссылкѣ книжку подъ заглавіемъ: *Утѣшеніе Христіанина въ несчастіи, или стихи, избранные изъ Священнаго Писанія*, съ предисловіемъ Гавріила Петрова, Ректора Московской Академіи, въ послѣдствіи Митрополита Новгородскаго. Отдавая справедливость непоколебимой твердости Графа Бестужева-Рюмина въ несчастіи, Гавріилъ упомянулъ въ предисловіи: *что одно только упованіе на Всемогущаго можетъ утѣшать человѣка во время испытаній и что Священное Писаніе есть источникъ всѣхъ утѣшеній*. Эту самую книжку, Графъ Бестужевъ напечаталъ потомъ въ С. Петербургѣ на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ; на одномъ Нѣмецкомъ въ Гамбургѣ и на Шведскомъ въ Стокгольмѣ. Она переведена и на Латинскій языкъ Преосвященнымъ Гавріиломъ. Сверхъ сего, велѣлъ Бестужевъ выбить и дарилъ своимъ знакомымъ слѣдующія золотыя и серебряныя медали: 1) на Нейштадскій миръ, заключенный въ 1721 году (*); 2) по случаю постигшаго его несчастія 1757 года: съ одной стороны представленъ его портретъ съ Латинскою надписью вокругъ; съ другой двѣ скалы, среди волнующагося моря, надъ которымъ изъ мрачныхъ тучь блеститъ

(*) См., выше, описаніе этой медали.

молнія, льется проливной дождь и вмѣстѣ съ противоположной стороны показываются лучи солнечные съ надписью: *immobilis in mobili* (*); внизу помѣщена другая надпись, какую употреблялъ онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ на печатяхъ: *semper idem* (**); 3) третья медаль, выбитая въ 1764 году на скорую его кончину, изображала третье (***) и послѣднее торжество его надъ единственнымъ врагомъ, у него остававшимся: на оборотѣ портрета представлена, среди пальмовыхъ деревъ, на возвышеніи, гробница съ гербомъ Графа Бестужева; подлѣ оной съ правой стороны Религія, держащая въ одной рукѣ распятіе, въ другой пальмовую вѣтвь, наклоненную къ гробницѣ; съ лѣвой: твердость, облокотившаяся лѣвою рукою на столпъ и держащая въ правой лавровый вѣнокъ надъ гробницею. Вверху помѣщена слѣдующая Латинская надпись: *Tertio triumphat* (****); внизу: *Post duos in vita de inimicis triumphos de morte triumphat A. M. D. C. C. L. X aetat* (*****). — Предчувствіе его не обмануло: послѣ жестокихъ страданій, три недѣли продолжавшихся, онъ скончался отъ каменной болѣзни, 10

(*) *Неподвижный среди движеній.*

(**) *Всегда одинаковъ.*

(***) *Первымъ торжествомъ* считалъ Бестужевъ постигшее его несчастіе въ 1740 году.

(****) *Въ третій разъ торжествуетъ.*

(*****) *Послѣ двухъ торжествъ въ жизни надъ врагами, торжествуетъ надъ смертію 176.. года.*

Апрѣля 1766 года, на семьдесять третьемъ своей многотрудной жизни.

Графъ Алексѣй Петровичь Бестужевъ-Рюминъ съ обширнымъ, разборчивымъ умомъ, пріобрѣлъ долговременною опытностію навыкъ въ дѣлахъ Государственныхъ, былъ чрезвычайно дѣятеленъ, отваженъ; но вмѣстѣ гордъ, честолюбивъ, хитръ, пронырливъ, скупъ, мстителенъ, неблагодаренъ, жизни невоздержной. Его болѣе боялись, чѣмъ любили. Императрица Елисавета ничего не рѣшала безъ его мнѣнія. Онъ умѣлъ сдѣлаться для Нее необходимымъ; повелѣвалъ не только Сановниками Ея, но и приближенными; первый завелъ тайную переписку, подъ названіемъ *секретной корреспонденціи*, посредствомъ которой наши Министры, находившіеся въ чужихъ краяхъ, сообщали ему, кромѣ обыкновенныхъ извѣстій, свои догадки, мнѣнія, пересказы и народную молву. Онъ извлекалъ изъ этихъ свѣдѣній, что хотѣлъ для донесенія Елисаветѣ и, такимъ образомъ, направлялъ мысли Ея въ пользу и противъ иностранныхъ Державъ. Виновникъ его возвышенія, Лестокъ, которому онъ клялся въ неизмѣнной дружбѣ, былъ имъ очерненъ во мнѣніи Императрицы за то, что осмѣлился вмѣшиваться въ дипломатическія дѣла и переписывался съ Фридрихомъ Великимъ; преданъ суду (1748 г.), лишенъ чиновъ, имѣнія, тринадцать лѣтъ томился въ изгнаніи. Присвоивъ себѣ власть располагать Престоломъ, Бестужевъ желалъ быть, по кончинѣ Елисаветы, Подполковникомъ четырехъ гвардейскихъ полковъ и Предсѣдателемъ трехъ Коллегій: Военной,

Адмиралтейской и Иностранной. Тѣсная дружба соединяла его съ Фельдмаршаломъ Апраксинымъ. Бестужевъ надѣялся на армію. Главнымъ врагомъ его и виновникомъ паденія (кромѣ Великаго Князя, Трубецкаго и Шуваловыхъ) былъ Маркизъ Лопиталь, Французскій Чрезвычайный и Полномочный Посолъ въ Россіи (1757 — 1761 г.), Генералъ-Поручикъ и кавалеръ Св. Духа, который пользовался особымъ благоволеніемъ Императрицы и въ день возшествія на Престолъ стоялъ, во время обѣденнаго стола, *за Ея стуломъ съ тарелкою* (*). Онъ описалъ Бестужева Государынѣ самыми черными красками, какъ человѣка опаснаго по своимъ замысламъ.

Бестужевъ, женатый на Нѣмкѣ, покровительствовалъ ея единовѣрцамъ. Лютеранская церковь въ С. Петербургѣ, во имя Св. Петра и Павла, обязана ему многими богатыми приношеніями; въ Москвѣ сооружена имъ церковь у Арбатскихъ воротъ во имя Бориса и Глѣба, за два года передъ его кончиною, какъ будто для очищенія совѣсти. — Въ Медицинѣ извѣстны капли, изобрѣтенныя Бестужевымъ.

Онъ имѣлъ отъ супруги своей, Анны-Екатерины, рожденной Беттигеръ (**), сына, Графа Андрея Але-

---

(*) Изъ *Записокъ Порошина*. См. тамъ 14 Октября 1764 года.

(**) Тесть Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина Іоаннъ Фридрихъ Беттигеръ вступилъ въ нашу службу въ 1709 году и опредѣленъ Резидентомъ въ Гамбургъ и въ Нижній Саксонскій Округъ. Петръ Вели-

ковича, и дочь, выданную за Князя Волконскаго.— Сынъ его, произведенный изъ Подпоручиковъ отъ бомбардиръ въ Камеръ-Юнкеры (1744 г.), въ то самое время какъ отецъ получилъ достоинство Государственнаго Канцлера, былъ отправленъ въ Польшу, гдѣ дядя его находился Полномочнымъ Министромъ (*); потомъ, черезъ два года (1746 г.), пожалованъ Дѣйствительнымъ Камергеромъ; посланъ, въ 1747 году, въ Вѣну съ поздравленіемъ Импера-

кій всегда останавливался въ его домѣ и пожаловалъ ему Свой портретъ, осыпанный бриліантами. — Супруга Фельдмаршала Графа Бестужева погребена въ 1763 году въ старой Московской Лютеранской церкви, подъ алтаремъ.

(*) Графъ Михаилъ Петровичь Бестужевъ-Рюминъ родился въ 1688 году; былъ: Секретаремъ Посольства въ Копенгагенѣ (1705 г.); Резидентомъ въ Лондонѣ (1720 г.); Министромъ въ Стокгольмѣ (1721 г.); Чрезвычайнымъ Посланникомъ въ Варшавѣ (1726 г.) и въ Берлинѣ (1730 г.); переведенъ въ Швецію (1732 г.) и въ Варшаву (1741 г.); пожалованъ Дайствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Оберъ-Гофмаршаломъ, кавалеромъ орденовъ Св. Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго; Графомъ (1742 г.); три мѣсяца содержался подъ карауломъ по дѣлу своей супруги, дочери Великаго-Канцлера Графа Головкина, наказанной кнутомъ *съ урѣзаніемъ языка*, за участіе въ открытомъ заговорѣ (1743 г.); опредѣленъ Посланникомъ въ Берлинъ (1744 г.); Полномочнымъ Министромъ въ Польшу (въ томъ же году); Чрезвычайнымъ Посломъ въ Вѣну (1749 г.) и въ Парижъ (1755 г.), гдѣ скончался 26 Февраля 1760 года.

тора по случаю рожденія Эрцгерцога Леопольда; награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго (1748 г.) имѣя отъ роду двадцать лѣтъ съ небольшимъ. Графъ Алексѣй Петровичь надѣялся сдѣлать изъ него дипломата; но молодый Бестужевъ не былъ одаренъ умомъ и способностями отца своего, хотя, въ послѣдствіи, и дослужился до чина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника. Онъ вступилъ, въ 1765 году, въ бракъ съ Княжною Долгоруковою, обобралъ ее, ругался надъ нею и выгналъ изъ дома. Императрица велѣла приставить къ нему гвардіи офицера съ солдатами и предоставила, потомъ, въ полное распоряженіе отца (*). Графъ Алексѣй Петровичь заключилъ его въ монастырь, намѣревался лишить наслѣдства; но въ скоромъ времени скончался, не подписавъ духовнаго завѣщанія. Надъ Графомъ Андреемъ Алексѣевичемъ опредѣлены были попечители которые, за уплатою долговъ, выдавали ему каждый годъ только по три тысячи рублей. Онъ имѣлъ пребываніе въ Ревелѣ, *гдѣ* — какъ изъясняется Бишингъ — *оставилъ въ 1768 году свѣтъ, для котораго былъ безполезенъ* (**). Съ нимъ пресѣклось Графское колѣно Бестужевыхъ-Рюминыхъ (***).

(*) Изъ *Записокъ Порошина.*

(**) См. *Магазинъ Бишинга, ч. 2, стр. 432.*

(***) См. о заключенныхъ договорахъ Графомъ Алексѣемъ Петровичемъ въ первой части моего *Словаря достопамятныхъ людей Русской земли,* изд. въ 1836 году, стран. 141–153.

Князь Александръ Михайловичь

ГОЛИЦЫНЪ.

Литог. Тюлева.

25-й

Генералъ-Фельдмаршалъ

Князь Александръ Михайловичь

ГОЛИЦЫНЪ.

Князь Александръ Михайловичь Голицынъ, третій сынъ славнаго Полководца временъ Петра Великаго, родился 17 Ноября 1718. года и на тринадцатомъ своего возраста лишился отца (*). Записанный въ солдаты, по тогдашнему обыкновенію, онъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ посвятилъ себя служенію Отечества, но желалъ имѣть наставника достойнаго и избралъ Принца Евгенія, командовавшаго на Рейнѣ Австрійскою арміей (1735 г.). Подъ знаменами Героя XVIII столѣтія, юный Голицынъ выступилъ на военное поприще, стремясь за славою

(*) См. въ первой части, біографію Князя Михаила Михайловича Голицына.

для поддержанія имени, уважаемаго въ Европѣ. Возвратясь въ Россію, онъ отправился въ Константинополь (1740 г.), въ свитѣ нашего Посла Александра Ивановича Румянцова, будучи Капитаномъ Гвардіи. Вскорѣ Князь Александръ Михайловичь пожалованъ Камергеромъ Высочайшаго Двора и опредѣленъ Полномочнымъ Министромъ въ Саксонію. Доселѣ онъ болѣе занимался дипломатическою частію, нежели военною, успокоивая нѣжную родительницу свою (*), хотя и былъ произведенъ (1744 г.) въ Генералъ-Поручики; но когда она скончалась (1757 г.), Голицынъ полетѣлъ на поле чести, желая раздѣлить опасности и славу соотечественниковъ. Онъ овладѣлъ городомъ Торномъ (1758 г.); командовалъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи въ сраженіи при Франкфуртѣ на Одерѣ и, если предводимые имъ полки, составленные изъ рекрутъ, не выдержали сильнаго натиска непріятеля: то единственно потому, что Голицынъ былъ тогда раненъ, принужденъ сдать команду другому (**) Императрица Елисавета Петровна пожаловала ему за ратные подвиги орденъ Св. Александра Невскаго и чинъ Генералъ-Аншефа. По прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ Пруссаковъ (1761 г.), онъ принялъ начальство надъ войсками нашими, расположенными въ Ливоніи.

(*) Родительница Князя Александра Михайловича Голицына была дочь Князя Бориса Ивановича Куракина, Княгиня Татьяна Борисовна, Оберъ-Гофмейстерина Высочайшаго Двора.

(**) См. о Франкфуртскомъ сраженіи въ біографіи Графа Петра Семеновича Салтыкова.

Когда вступила на Престолъ Императрица Екатерина II, Князь Александръ Михайловичъ удостоился получить въ день Ея коронованія (1762 г.) орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго; потомъ помѣщенъ въ число Генералъ-Адъютантовъ и Членовъ Совѣта, учрежденнаго при Высочайшемъ Дворѣ. Довѣренность къ нему Государыни примѣтнымъ образомъ возрастала: онъ имѣлъ свободный пріѣздъ во Дворецъ, нерѣдко угощалъ у себя Обладательницу Россіи. Въ исходѣ 1768 года, послѣдовалъ разрывъ съ Турціею, и Екатерина вѣрила первую армію противъ Оттомановъ Князю Голицыну, вторую Графу Румянцову. «*Желаю ему счастіе отцевское*», писала Императрица о Голицынѣ къ Графу Салтыкову.

15 Апрѣля 1769 г. Князь Александръ Михайловичъ перешелъ Днѣстръ и 18 числа подступилъ къ Хотину. Корпусъ Турецкій изъ сорока тысячь человѣкъ, находился подъ командою Карамана Паши и былъ расположенъ лагеремъ въ ретраншаментѣ подъ самыми пушками крѣпости. Устроивъ батареи, Голицынъ атаковалъ непріятеля, не взирая на сильный отпоръ его, и артиллеріею своей сбилъ всѣ Турецкія орудія, обратилъ Музульманъ въ бѣгство: иные удалились въ Хотинъ, другіе во внутренность Молдавіи и къ Бендерамъ. Россіяне гнались за Турками не только въ предмѣстье, но и до палисада самой крѣпости. Три знамя, семь пушекъ и весь лагерь непріятельскій были трофеями того дня. Довольный одержанною побѣдою и безъ осадной артиллеріи, Князь Голицынъ переправился, 21 Апрѣля, за Днѣстръ

къ тяжелому своему обозу; ибо оставленныя имъ мѣста были совершенно раззорены невѣрными. Онъ занимался обезпеченіемъ войскъ своихъ по части продовольствія, пополнялъ полки, когда получилъ вѣрное извѣстіе, что Турки и Татары Крымскіе, сосредоточивъ силы свои у Хотина, намѣреваются ворваться въ Польшу и присоединиться къ Конфедератамъ. Отряженный отъ него храбрый Генералъ-Маіоръ Князь Прозоровскій (*), 19 Іюня разбилъ двадцатитысячное Турецкое войско, переправившееся у этой крѣпости на лѣвый берегъ Днѣстра и старавшееся проложить себѣ дорогу къ Каменецъ-Подольску. Для предупрежденія новыхъ покушеній непріятеля, Главнокомандовавшій рѣшился занять прежнюю позицію и, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ битвъ, явился подъ стѣнами Хотина, вытѣснилъ, 2-го Іюля, Турокъ изъ ихъ укрѣпленій, бомбардировалъ нѣкоторое время крѣпость и держалъ оную въ блокадѣ. Между тѣмъ многочисленныя Турецкія и Татарскія войска, поспѣшавшія на помощь къ городу подъ предводительствомъ Сераскира Молдованжи Паши и Хана Крымскаго, расположились въ окрестныхъ мѣстахъ, укрѣпленныхъ самою природой и почти неприступныхъ. Армія наша не нуждалась въ продовольствіи, но не имѣла фуража, и Голицынъ, во вторый разъ, рѣшился отступить за рѣку, въ надеждѣ заманить непріятеля къ главной битвѣ. Переправа эта послѣдовала 1 Августа.

(*) См. въ третьей части, біографію Князя Александра Александровича Прозоровскаго.

Извѣстія, получаемыя изъ первой арміи, не согласовались съ ожиданіями Императрицы; къ нимъ присоединились и сторонніе донесенія, въ коихъ тайные враги не щадили Голицына. Екатерина рѣшилась смѣнить его Румянцовымъ и отправила къ первому слѣдующій рескриптъ, отъ 13 Августа: «Князь Александръ Михайловичь! «Отзывая васъ отъ арміи, хочу Я съ вами объясниться, дабы вы отнюдь не приняли съ Моей стороны за «гнѣвъ, но единственно, какъ оно и въ самомъ дѣлѣ «есть, за обстоятельства выходящія изъ положенія «дѣлъ Моихъ, кои требуютъ вашего присутствія «здѣсь, дабы въ бытность вашу при Насъ, какъ очевидный въ арміи свидѣтель положенія тамошнихъ «мѣстъ и дѣлъ, такъ и всѣхъ обстоятельствъ, точныя для переду чрезъ васъ получать свѣдѣнія, «которыя великую пользу и облегченіе въ дѣлахъ «нынѣшнихъ подать могутъ. Впрочемъ остаюсь на«всегда вамъ доброжелательная.»

До пріѣзда Румянцова, судьба представила Князю Голицыну случай увѣнчаться блистательнымъ подвигомъ. Сераскиръ Молдованжи былъ возведенъ Султаномъ въ достоинство Верховнаго Визиря: съ нравомъ воинственнымъ, пылкимъ, предпріимчивымъ предводитель Оттомановъ соединялъ чрезвычайное самолюбіе, и увѣренный въ побѣдѣ, напалъ, 29 Августа, на нашу армію, приготовившуюся къ оборонѣ; но былъ совершенно разбитъ, бѣжалъ въ Молдавію въ чрезвычайномъ безпорядкѣ, лишился семи тысячь человѣкъ убитыми, 64 пушекъ, 14 мортиръ, множества повозокъ. Сентября 9, Россіяне заняли

Хотинъ, брошенный Турками и, вслѣдъ за тѣмъ, вступили въ Яссы; 16 числа Румянцовъ принялъ первую армію. Князь Голицынъ отправился въ С. Петербургъ и 20 Октября произведенъ въ Генералъ-Фельдмаршалы. Симъ неограничилось благоволеніе къ нему Императрицы, щедрой и вмѣстѣ справедливой: по случаю празднованія мира съ Турціею (1775 г.), Она пожаловала Голицыну, *за очищеніе Молдавіи до самыхъ Яссъ*, шпагу украшенную алмазами, и серебряной сервизъ, ввѣрила ему потомъ управленіе С. Петербургомъ, и при учрежденіи ордена Св. Владиміра (1782 г.), возложила на него ленту онаго, въ числѣ десяти сановниковъ, удостоенныхъ той же самой награды (*).

Здѣсь не лишнимъ почитаю упомянуть о великости души Екатерины, которая, любя Россію и стараясь распространять славу ея, не помышляла о своей собственной: въ 1780 году, во время отсутствія Императрицы изъ С. Петербурга, Князь Александръ Михайловичь и многіе Вельможи согласились между собою поднесть ей наименованіе *Великой*, *Матери Отечества* и открыли добровольную подписку на сооруженіе торжественныхъ вратъ. Тогда Екатерина прислала слѣдующее письмо къ Главно-

(*) Первые кавалеры Владимірскаго ордена были: Князь А. М. Голицынъ, Графъ Рямунцовъ-Задунайскій, Князь Потемкинъ, Графъ Н. И. Панинъ, Князь Орловъ, Графъ З. Г. Чернышевъ, Графъ И. Г. Чернышевъ, Князь Н. В. Репнинъ, И. И. Бецкій, И. И. Шуваловъ и А. А. Безбородко.

командующему въ столицѣ: «Князь Александръ «Михайловичъ! Увѣдомилась Я, что Дворянство «Санктпетербургской Губерніи задумало приносить «Мнѣ титулы, и собирается сдѣлать огромныя встрѣ«чи. Вамъ извѣстенъ образъ мыслей Моихъ, а по«тому и судить можете, сколь излишнимъ и непри«стойнымъ все то Я почитаю. Не пріобрѣтеніе пу«стыхъ названій есть предметъ Моего царствованія, «но доставленіе блага и спокойствія Отечеству, и «возвеличеніе славы и величія его; почему и не мо«жетъ иное Мнѣ пріятно и угодно быть, какъ по«виновеніе Моей воли, ревностное и тщательное «каждымъ званія на него возложеннаго исполненіе, «вмѣсто упражненія въ подобныхъ выдумкахъ. Рав«нымъ образомъ и встрѣча для Меня не нужна. «Чего ради Я желаю, чтобъ собранныя деньги от«даны были въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія «для употребленія на дѣла полезныя. Сіе письмо «сообщите Князю Александру Алексѣевичу Вязем«скому (*), такъ какъ можете сдѣлать тоже и со «всѣми другими, кои будутъ любопытствовать о «семъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелатель«ная.» — P. S. «Сія есть непремѣнная Моя воля, «которую выполнить вамъ предписываю.»

(*) Князь Александръ Алексѣевичь Вяземскій двадцать девять лѣтъ исправлялъ многотрудную должность Генералъ-Прокурора (съ 1764 по 1793 г.); скончался 8 Января 1793 года. Въ его домѣ находилась *Тайная Экспедиція* и онъ часто присутствовалъ при допросахъ.

Князь Александръ Михайловичь Голицынъ скончался въ С. Петербургѣ 11 Октября 1783 года, на шестьдесять шестомъ отъ рожденія. Императрица и всѣ знавшіе добродѣтельнаго вельможу почтили память его слезами. Онъ, подобно отцу своему, былъ храбръ, исполненъ чести, великодушенъ, обходителенъ, любимъ солдатами, скроменъ и въ опасностяхъ отличался хладнокровіемъ; строгъ, но дорожилъ жизнію ввѣренныхъ ему воиновъ и потому, дѣйствуя слишкомъ осторожно, не прославился быстротою и отважностію. Въ этомъ случаѣ сынъ долженъ уступить первенство отцу. Полководецъ Петровъ возвысился предъ другими вождями, ему современными; при Екатеринѣ великой: Румянцовъ, Суворовъ, Репнинъ побѣдами своими затмили славу покорителя Хотина.

Графъ Петръ Александровичъ

РУМЯНЦОВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ.

Литог. Тюлева.

26-й

Генералъ-Фельдмаршалъ

Графъ Петръ Александровичь

РУМЯНЦОВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ.

=

Графъ Петръ Александровичь Румянцовъ-Задунайскій, сынъ Генералъ-Аншефа Графа Александра Ивановича (*) и правнукъ знаменитаго Боярина Мат-

(*) Графъ Александръ Ивановичь Румянцовъ, потомокъ Нижегородскаго Бояриа *Василія Румянца*, оказавшаго, въ 1391 году, Великому Князю Василію Димитріевичу при завоеваніи Нижняго Новагорода важныя услуги — занимаетъ почетное мѣсто между любимцами Петра Великаго. Онъ открылъ мѣстопребываніе несчастнаго Царевича Алексія въ чужихъ краяхъ и привезъ его изъ Неаполя въ Москву (1718 г.); отправленъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ въ Константинополь (1724 г.); пожалованъ Подполковникомъ Гвар-

вѣева (*), родился въ 1725 году, достопамятномъ, ибо Россія лишилась тогда славнѣйшаго Полководца своего, Петра Великаго. Сначала Румянцовъ, записанный въ солдаты на шестомъ году своего возраста (1731 г.), обучался въ деревнѣ, подъ надзоромъ отца своего находившагося тогда въ ссылкѣ; потомъ, съ 1736 года въ Малороссіи, откуда отправленъ въ Берлинъ (1739 г.) Дворяниномъ Посоль-

---

діи Преображенскаго полка, и Генералъ-Адъютантомъ (1730 г.); Губернаторомъ въ Казань (1735 г.); Главнымъ Начальникомъ Малороссіи (1736 г.); произведенъ въ Генералъ-Аншефы (1737 г.); участвовалъ во взятіи Очакова; отразилъ, въ 1739 году, двадцатитысячный Турецкій корпусъ, намѣревавшійся переправиться черезъ Днѣпръ близь Кременчуга; получилъ достоинство Украинскаго Статтальтера (Правителя) (1740 г.); снова ѣздилъ въ Константинополь въ званіи Чрезвычайнаго и Полномочнаго Посла; склонилъ Порту Оттоманскую къ признанію Россіи Имперіею (1741 г.); награжденъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго; подписалъ (1743 г.), вмѣстѣ съ Барономъ Люберасомъ, въ Абовѣ славный и выгодный миръ для нашего Государства; возведенъ въ достоинство Графа Россійской Имперіи (1744 г.); скончался въ 1749 году, на 70 отъ рожденія.

(*) Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, Ближній Бояринъ, Намѣстникъ разныхъ городовъ, Царскія печати и Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ Оберегатель (Канцлеръ) — былъ первымъ Совѣтникомъ и другомъ Царя Алексѣя Михайловича, который ввѣрилъ ему воспитаніе дѣтей своихъ. Онъ ознаменовалъ свое Министер-

ства, для пріобрѣтенія навыка по дипломатической части, но въ слѣдующемъ году отозванъ въ Отечество; поступилъ въ Шляхетный сухопутный Кадетскій корпусъ, 29 Іюля, и тамъ учился только четыре мѣсяца. Пылкій, огненный юноша не могъ подчинить ума своего единообразнымъ занятіямъ, сбросилъ узы, на него положенныя, пользуясь пребываніемъ отца въ чужихъ краяхъ (*), и на свободѣ

ство сохраненіемъ дружескихъ сношеній со всѣми Христіанскими Державами; состраданіемъ къ несчастнымъ, подвигами благотворенія, ласковымъ и привѣтливымъ обращеніемъ, пріобрѣлъ лестное именованіе *благодѣтеля народа*. Въ домѣ Матвѣева Царь увидѣлъ въ первый разъ Наталію Кириловну Нарышкину, родственницу его, и плѣнился ею. Въ Государствованіе Ѳеодора Алексѣевича добродѣтельный Бояринъ, преслѣдуемый завистниками, осужденъ былъ на заточеніе въ Пустоозерскій острогъ, Архангельской губерніи; сдѣлался, потомъ, жертвою мятежныхъ Стрѣльцовъ, на четвертый день по возвращеніи въ Москву, 15 Мая 1682 года. Сынъ его, Андрей Артемоновичь, былъ Чрезвычайнымъ Посломъ въ Голландіи (1699 г.); въ Парижѣ (1706 г.); въ Лондонѣ (1708 г.); Полномочнымъ Министромъ въ Вѣнѣ, гдѣ возведенъ (1715 г.); въ достоинство Графа Римской Имперіи; пожалованъ Сенаторомъ и Президентомъ Юстицъ Коллегіи (1719 г.); Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ (1726 г.): скончался въ 1728 году. Онъ имѣлъ трехъ дочерей: *Марью*, вышедшую за А. И. Румянцова; *Наталью* за Князя Василія Ивановича Мещерскаго и *Прасковью* за Амплея Степановича Шепелева.

(*) Александръ Ивановичь Румянцовъ находился тогда

самъ начерталъ себѣ полетъ, котораго обыкновенные умы не въ состояніи постигнуть. Стремительно возвышался онъ: въ 1743 году, на девятнадцатомъ отъ рожденія, былъ уже Армейскимъ Капитаномъ и присланъ отцемъ въ С. Петербургъ изъ Абова съ мирнымъ трактатомъ. Императрица Елисавета Петровна столь была довольна прекращеніемъ военныхъ дѣйствій съ Швеціею и значительными пріобрѣтеніями, что пожаловала молодаго Румянцова прямо въ Полковники.

Чѣмъ занимался въ то время будущій герой Россіи? Онъ удальствомъ превосходилъ товарищей, пламенно любилъ прекрасный полъ и былъ любимъ женщинами, не зналъ препятствій и часто, окруженный солдатами, въ виду ихъ торжествовалъ надъ непреклонными; обучалъ батальонъ, въ костюмѣ нашего прародителя, передъ домомъ одного ревниваго мужа; заплатилъ другому двойный штрафъ за причиненное оскорбленіе и въ тотъ же день воспользовался правомъ своимъ, сказавъ: *что онъ не можетъ жаловаться; ибо получилъ уже впередъ удовлетвореніе!*—Проказы Румянцова, доведенныя до Высочайшаго свѣдѣнія, заставили Императрицу Елисавету Петровну, во уваженіе заслугъ Графа Александра Ивановича, отправить къ нему виновнаго, съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ отецъ, наказалъ его. Къ чести Графа Петра Александровича должно сказать, что и въ Полковничьемъ чинѣ передъ отцемъ онъ былъ

Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ въ Константинополѣ.

покоренъ, какъ ребенокъ (*).—Событія эти, не подверженныя сомнѣнію, открываютъ намъ, какъ неосновательно судить о людяхъ по начальнымъ ихъ дѣйствіямъ!.

Румянцовъ участвовалъ въ славномъ походѣ Генералъ-Фельдцейхмейстера Князя Репнина въ Франконію (1748 г.), и когда Россія ополчилась противъ Пруссіи (1757 г.) обнажилъ мечь, бывши Генералъ-Маіоромъ. Отселѣ начинается рядъ знаменитыхъ подвиговъ этого безсмертнаго Полководца XVIII столѣтія. Румянцовъ занялся прежде всего устройствомъ нашей конницы; потомъ вступилъ въ Тильзитъ, сдавшійся ему на капитуляцію (въ Іюлѣ); пожалованъ Генералъ-Поручикомъ (1758 г.); предводительствуя отдѣльнымъ корпусомъ, имѣлъ разныя стычки съ непріятелемъ, на которыхъ всегда оставался побѣдителемъ; начальствовалъ въ сраженіи при Франкфуртѣ (1759 г.) серединою нашей арміи и содѣйствовалъ пораженію Фридриха Великаго, котораго часто угадывалъ тайные замыслы: опрокинулъ, вмѣстѣ съ Барономъ Лаудономъ, и обратилъ въ бѣгство

(*) Любимецъ Петровъ велѣлъ принести пукъ розогъ. «*Я Полковникъ* – сказалъ ему сынъ. – «Знаю – отвѣчалъ отецъ – «и уважаю мундиръ твой; но ему ничего не «сдѣлается; я буду наказывать не Полковника.» – Графъ Петръ Александровичь повиновался, не дозволивъ, однакожъ, конюхамъ прикасаться до него; «*потомъ*–какъ самъ разсказывалъ – «*когда его порядочно* «*припопонили, закричалъ: Держите, держите, утекаю!*»

непріятельскую конницу; награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Главнокомандующій Графъ Салтыковъ, послѣ этой блистательной побѣды, употребилъ Румянцова въ разныхъ переговорахъ съ Австрійскимъ Генералъ-Фельдмаршаломъ Дауномъ. Въ 1761 году, предводительствуя снова отдѣльнымъ двадцати четырехъ тысячнымъ корпусомъ, расположилъ онъ лагерь свой подъ Колбергомъ, и держалъ въ блокадѣ этотъ городъ, въ виду Прусскаго стана, между тѣмъ какъ флотъ нашъ бросалъ бомбы съ моря. Россіяне нѣсколько разъ покушались на приступъ: редуты почти ежедневно переходили изъ рукъ въ руки; наконецъ Румянцовъ окружилъ Прусаковъ со всѣхъ сторонъ, преградивъ подвозъ продовольствія. Отряды непріятельскіе, посылаемые къ прикрытію обозовъ, были разбиваемы. Тщетно Фельдмаршалъ Бутурлинъ приказывалъ Румянцову отступить отъ Колберга по причинѣ глубокой осени и расположиться на зимнихъ квартирахъ: увѣренный въ побѣдѣ, любимецъ славы ослушался своего начальника, съ которымъ былъ соединенъ узами родства (*): Принцъ Евгеній Виртембергскій нашелся принужденнымъ предоставить Колбергъ на произволъ судьбы; Румянцовъ съ частію ввѣренныхъ ему войскъ овладѣлъ городомъ Трептау и вслѣдъ за тѣмъ заставилъ храбраго Коммендантa Гейдена, два раза спасавшаго ввѣренную ему крѣпость, сдать Колбергъ, 5 Декабря: 2903 чел. плѣнныхъ, сто сорокъ шесть орудій, 33

(*) См. въ первой части, конецъ біографіи Князя Михаила Михайловича Голицына, стр. 141.

тысячи ядръ и бомбъ, 500 тысячь пуль и двадцать знаменъ были трофеями того дня. Императоръ Петръ III пожаловалъ Графа Румянцова Генералъ-Аншефомъ и кавалеромъ орденовъ Св. Анны и Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1762 г.). Тогда прекратилась брань съ Пруссіею. — Обладатель Россіи намѣревался отторгнуть отъ Даніи наслѣдственное свое достояніе, Голштинію; назначалъ уже Румянцова Главнокомандующимъ арміею; велѣлъ объявить въ Конференціи, 27 Іюня, о скоромъ отъѣздѣ своемъ въ главную квартиру, какъ на другой день Императрица Екатерина II вступила на Престолъ, и Румянцовъ, готовившійся къ новымъ побѣдамъ, вложилъ въ ножны мечь свой, не присягалъ Государынѣ до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрился въ кончинѣ Императора; опредѣленъ (1764 г.) Генералъ-Губернаторомъ въ Малороссію, Президентомъ тамошней Коллегіи, учрежденной въ Глуховѣ, Главнымъ Командиромъ Малороссійскихъ Козацкихъ полковъ, Запорожскихъ Козаковъ и Украинской дивизіи.

Покоритель Колберга оправдалъ выборъ мудрой Монархини: онъ уничтожилъ злоупотребленія, вкравшіяся въ Присутственныя мѣста; вселилъ въ молодыхъ Малороссіянъ любовь къ регулярной службѣ, коей они до того чуждались; строгою справедливостью истребилъ страхъ и недовѣрчивость, питаемыя жителями того края къ Великороссійскимъ войскамъ; доставилъ подвластному ему народу разныя облегченія въ повинностяхъ и вмѣстѣ обратилъ особое вниманіе на сбереженіе казенныхъ имѣній посредствомъ хозяйственнаго благоустройства: при немъ

введенъ былъ въ Малороссію *Воинскій уставъ* (1768 г.) и предоставлено тамошнимъ жителямъ по части Гражданской руководствоваться *Статутомъ Великаго Княжества Литовскаго*.

Вскорѣ возгорѣлась война между Россіею и Портою Оттоманской; Екатерина, поручивъ первую армію Князю Голицыну, назначила Предводителемъ второй Графа Румянцова (1768 г.). Послѣднему велѣно было охранять границы Имперіи, которыя тогда повсемѣстно почти отъ Польши до Каспійскаго моря окружены были народами, подвластными Турціи. Не упуская изъ виду сношеній съ Голицынымъ, Румянцовъ расположилъ войско свое такимъ образомъ, чтобы оно могло споспѣшествовать дѣйствіямъ первой арміи, и лишь только узналъ о переходѣ Голицына на эту сторону Днѣстра (1769 г.), немедленно переправился за Днѣпръ, чтобы этимъ движеніемъ привлечь на себя вниманіе непріятеля, раздѣлить многочисленныя его силы, шедшія изъ за Дуная подъ предводительствомъ Визиря. Недовольная медленностію Голицына, Императрица смѣнила его Румянцовымъ. Онъ принялъ первую армію 16 Сентября. Хотинъ и Яссы были тогда заняты Россіянами. Румянцовъ поспѣшилъ очистить отъ Турокъ Валлахію. Зима и моровая язва не ослабили мужества нашихъ соотечественниковъ: они овладѣли крѣпостью Журжею (1770 г.), разбивали на всѣхъ пунктахъ Музульманъ, не смотря на превосходное ихъ число.

17 Іюня, Румянцовъ обратилъ въ бѣгство двадцать тысячь Турокъ близь Рябой-Могилы; 7 Іюля

одержалъ совершенную побѣду надъ непріятелемъ за рѣчкою Ларгою. Армія Музульманъ, подъ предводительствомъ трехъ Пашей и Хана Крымскаго, состояла изъ восмидесяти тысячь человѣкъ, находилась на высотахъ; лагерь былъ защищаемъ четырьмя ретраншаментами и сильною артиллеріей. Но Россійскій Полководецъ, по собственному его выраженію, *не могъ видѣть непріятеля, не наступая на него*: въ двѣнадцатомъ часу ночи, на седьмое число Іюля, онъ двинулся за рѣчку Ларгу тремя колоннами въ слѣдъ за Репнинымъ и Боуромъ. Татарскіе пикеты, согнанные движеніемъ передовыхъ полковъ нашихъ, возвѣстили въ станѣ своемъ приближеніе Россійскихъ войскъ. Послѣднія еще до разсвѣта выстроились на высотахъ. Встревоженный непріятель открылъ сильную пушечную пальбу: не давъ опомниться врагамъ, Румянцовъ велѣлъ Боуру и Репнину атаковать лагерь ихъ съ правой стороны, а самъ, устроивъ армію *карреями*, поспѣшилъ къ укрѣпленію. Здѣсь должно замѣтить, что герой, пріявъ начальство, отвергнулъ малодушныя осторожности славнѣйшихъ Полководцевъ: Монтекукулія, Евгенія Савойскаго, Графа Миниха. *Не рогатки* — сказалъ онъ своимъ легіонамъ — *а огнь и мечь защита ваша* (*). — Татары устремились съ праваго крыла, гдѣ находился

(*) Графъ Румянцовъ отмѣнилъ *рогатки*, которыми прежде прикрывался фрунтъ арміи отъ нападенія Турецкой конницы, потому что деревянныя эти преграды не могли удерживать сильнаго натиска искусныхъ наѣздниковъ, врубавшихся въ ряды съ неимовѣрной жесто-

ихъ станъ, лощиною на лѣвое наше крыло; но были отбиты. Между тѣмъ Мелисино, заставляя молчать непріятельскую батарею мѣткими выстрѣлами своими, очищалъ путь въ укрѣпленія. Едва передовые отряды Боура и Репнина начали пробиваться въ лагерь непріятельскій съ правой стороны, Племянниковъ пушечными выстрѣлами возвѣстилъ приступъ свой на лѣвой. Тогда Румянцовъ поручилъ вести армію Генераламъ Олицу и Брюсу, а самъ поскакалъ къ войскамъ, нападавшимъ на лагерь. Храбрые гренадеры, одушевленные присутствіемъ героя, штыками и грудью низпровергли укрѣпленія, брали пушки, быстро неслись на крутую гору, не разстроиваясь въ рядахъ, и въ одно мгновеніе ока взлетѣли на высоту холмовъ. Бросивъ станъ свой, непріятель, поражаемый и на лѣвомъ крылѣ, обратился въ бѣгство. Битва Ларгская началась въ четыре часа утра, а кончилась въ двѣнадцать. Она была только предвѣстіемъ побѣды подъ Кагуломъ: весь Турецкій лагерь, тридцать три мѣдныхъ пушекъ, множество плѣнныхъ, знаменъ, значительное количество съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ увѣнчали торжество Румянцова. Императрица препроводила къ нему военный орденъ Св. Георгія перваго класса.

Сраженіе при рѣкѣ Кагулѣ было гораздо блистательнѣе. Оно походитъ болѣе на баснословное, нежели на дѣйствительно историческое; ибо семнадцать тысячь Россіянъ побили на голову полтораста тысячь

костію, между тѣмъ, какъ онѣ отрывали множество рукъ отъ фрунта.

Турокъ, отразивъ сто тысячь Татаръ, угрожавшихъ съ тылу. Планъ Великаго Визиря Галиль Бея состоялъ въ томъ, чтобы, поставивъ Румянцова среди двухъ огней, уничтожить его малую армію; потомъ пробраться ко Львову, присоединить къ своимъ полчищамъ Конфедератовъ и перенесть театръ войны правымъ крыломъ въ Россію, а лѣвымъ въ Польшу. 20 Іюля, Турки заняли на лѣвой сторонѣ устья Кагула лагерь верстахъ въ семи отъ нашего, между тѣмъ какъ Татары начали облегать тылъ, отрѣзывая подвозъ продовольствія. Россіяне находились въ затруднительномъ положеніи, но не унывали: ибо съ ними былъ Румянцовъ. Онъ раздѣлилъ малую армію свою на пять четыреугольниковъ, расположенныхъ въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, и крестообразнымъ ихъ огнемъ не только удержалъ въ повиновеніи Турецкую конницу, но и защитилъ свою собственную отъ нападенія невѣрныхъ, поставивъ оную въ пустыхъ промежуткахъ карре, позади пушекъ. Такимъ образомъ конница наша, бывъ прикрыта огнемъ артиллеріи и пѣхоты, могла свободно дѣйствовать въ преслѣдованіи непріятеля. Построивъ войско въ боевый порядокъ, Румянцовъ двинулъ оное на разсвѣтѣ (21 Іюля) къ дорогѣ, получившей названіе отъ Римскаго Императора Траяна, не ожидалъ, но самъ предупредилъ врага многочисленнаго. Изумленные отчаяннымъ мужествомъ Россіянъ и громомъ ихъ орудій, невѣрные отклонили робость мыслію, что истребятъ враговъ превосходствомъ силъ, встрѣтили полки наши съ ожесточеніемъ, спѣшили зайти имъ въ тылъ; но Румянцовъ сквозь дымъ и

огонь наблюдалъ всѣ шаги Музульманъ и быстрымъ поворотомъ своихъ войскъ угрожалъ отрѣзать Турецкую конницу отъ лагеря. Она съ крикомъ и съ чрезвычайной скоростію понеслась къ оному, оставивъ нападеніе на карре Племянникова. Съ пятаго часа утра до восьмаго Россіяне въ непрерывномъ огнѣ пролагали себѣ дорогу къ стану Турецкому, между тѣмъ какъ Гудовичь и Потемкинъ, занявшіе ночью съ ввѣренными имъ отрядами выгодную позицію на высотахъ, прикрывали отъ Хана Крымскаго обозы и препятствовали ему атаковать армію нашу съ тыла. Всѣ пушечные выстрѣлы со стороны непріятеля обращены были на карре, гдѣ находился Румянцовъ, и на карре Племянникова, шедшее по лѣвую сторону. Визирь въ одну ночь сдѣлалъ укрѣпленіе, обведенное тройными рвами, наполненными Янычарами. Румянцовъ безпрестанно былъ подъ тучею ядеръ, которыя часто попадали въ лошадей сопровождавшихъ его чиновниковъ. Уже Турецкія батареи начинали умолкать; уже карре Племянникова простирало руки къ овладѣнію укрѣпленіемъ: вдругъ десять тысячь Янычаръ, выскоча изъ лощины, ударили съ саблями, кинжалами и съ крикомъ на правую сторону карре, ворвались въ средину, смяли полки: Муромскій, 4-й Гренадерскій и Бутырскій, заставили ихъ бѣжать въ карре Олица. Увидѣвъ смятеніе въ рядахъ своихъ, неустрашимый Румянцовъ сказалъ Принцу Брауншвейгскому, находившемуся при немъ: *Теперь дѣло дошло до насъ!* и съ этимъ словомъ полетѣлъ къ бѣгущимъ, смѣшавшимся подъ саблями Турецкими, вскричалъ: *Стой, ре-*

бята! Голосъ героя въ одинъ мигъ отозвался въ слухѣ и сердцахъ воиновъ; Россіяне остановились, устроились. Первый Гренадерскій полкъ, подъ предводительствомъ Бригадира Озерова, отразилъ Янычаръ. Карре Племянникова сдвинуло ряды, и возгласивъ: «*Да здравствуетъ* Екатерина!» устремилось впередъ. Черезъ тройные рвы Россіяне взлетѣли въ укрѣпленія. Визирь, устрашенный пораженіемъ Янычаръ, составлявшихъ первую его стѣну, обратился въ бѣгство. Спасаясь отъ штыковъ, Турки гибли толпами въ волнахъ Дуная. Русскіе воины привѣтствовали мужественнаго Предводителя своего съ побѣдою, восклицали: *Ты прямой солдатъ!* — Весь Турецкій лагерь, сто сорокъ орудій, шестьдесятъ знаменъ, множество военныхъ снарядовъ и двѣ тысячи плѣнныхъ достались побѣдителямъ. Около сорока тысячь погибло во время битвы и преслѣдованія. Уронъ нашъ ранеными и убитыми не превышалъ тысячи человѣкъ. Императрица возвела Румянцова, 2-го Августа, въ достоинство Генералъ-Фельдмаршала. Вслѣдъ за Кагульской битвою, Репнинъ овладѣлъ Измаиломъ и Киліею, Глѣбовъ Браиловымъ. Букарестъ и крѣпость Салча увеличили завоеванія Россіянъ: занявъ лѣвый берегъ Дуная, Румянцовъ обезпечилъ зимнія квартиры свои въ Молдавіи и Валлахіи.

Въ 1771 году, громъ орудій нашихъ раздался за Дунаемъ: оба берега этой величественной рѣки, отъ крѣпости Журжи до Чернаго моря, были очищены Россіянами. Открывшіеся переговоры о мирѣ между воюющими Державами (1772 г.) не увѣнчаны же-

лаемымъ успѣхомъ. Вейсманъ, Потемкинъ и Суворовъ сравнились въ разныхъ мѣстахъ съ Турками (1773 г.), съ новою славой для нашего оружія. Фельдмаршалъ осадилъ Силистрію, неоднократно разбивалъ съ малыми силами многочисленнаго непріятеля; разсѣялъ станъ его, расположенный на высотахъ, окопанный рвомъ и защищаемый пушками; но не могъ овладѣть крѣпостію, имѣя только подъ ружьемъ тринадцать тысячъ человѣкъ, утомленныхъ трудами и непрерывными битвами. Въ 1774 г. вступилъ на престолъ Султанъ Абдулъ-Гамидъ, по кончинѣ брата своего Мустафы, Государь малодушный, преданный нѣгѣ, носившій одно именованіе Повелителя Оттомановъ; ибо вся власть была въ рукахъ сестры его и Верховнаго Визиря Махметъ Мусунъ-Заде. Театръ войны тогда перенесенъ былъ въ Булгарію: расположивъ лагерь на горахъ, Визирь, избѣгавшій генеральнаго сраженія, вывелъ противъ пятидесяти тысячъ Россіянъ двухъ сотъ тысячное войско. Между тѣмъ, какъ часть его арміи выступила изъ укрѣпленій, Румянцовъ съ нѣсколькими отрядами обошелъ Турецкій станъ, ворвался во флангъ, овладѣлъ многими орудіями, всѣмъ обозомъ. Въ то самое время Каменской, по распоряженію Главнокомандующаго, отрѣзалъ Визирю всякое сообщеніе съ Адріанополемъ, заперъ его въ собственномъ лагерѣ. Страхъ объялъ всѣхъ Турокъ: они вышли изъ повиновенія, разсѣялись во множествѣ. Визирь заговорилъ о мирѣ и согласился на всѣ условія, предписанныя ему побѣдителемъ. Кучукъ-Кайнарджскій договоръ, постановленный 10 Іюля, доставилъ

Крымскимъ Татарамъ независимость; Россіи: Азовъ съ его областію; Керчь и Эникале въ Крыму; Кинбурнъ при устьѣ Днѣпра и степь между этой рѣкою и Бугомъ; свободное плаваніе по Черному морю и черезъ Дарданеллы, даже до стѣнъ Константинополя; четыре милліона пять сотъ тысячь рублей за военныя издержки.

Велики были заслуги, оказанныя Отечеству Румянцовымъ, но и награды, полученныя имъ отъ справедливой Монархини соотвѣтствовали оныхъ. Екатерина въ день мирнаго торжества, 10 Іюля 1775 года, пожаловала Графу Петру Александровичу: 1) наименованіе *Задунайскаго, для прославленія черезъ то опаснаго перехода его чрезъ Дунай*; 2) грамоту съ прописаніемъ побѣдъ его; 3) *за разумное полководство*: алмазами украшенный Фельдмаршальскій жезлъ; 4) *за храбрыя предпріятія*: шпагу, алмазами обложенную; 5) *за побѣды*: лавровый вѣнокъ; 6) *за заключеніе мира*: масличную вѣтвь (*); 7) *въ знакъ Монаршаго благоволенія*: крестъ и звѣзду ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, осыпанныя алмазами; 8) *въ честь его и для поощренія примѣромъ его потомства*: медаль съ его изображеніемъ; 9) *для увеселенія его*: деревню въ пять тысячь душъ въ Бѣлоруссіи; 10) *на построеніе дома*: сто тысячь рублей изъ Кабинета; 11) *для стола*: серебряный сервизъ и 12) *на убранство дома*: картины. Этого мало: Екатерина умѣла и наградамъ своимъ прида-

(*) Лавровый вѣнокъ и масличная вѣтвь были также осыпаны алмазами.

вать *отличіи*, для возвышенія заслугъ и самой благодарности. Въ списокъ удостоенныхъ, 10 Іюля, Монаршаго благоволенія, первое мѣсто занималъ по старшинству Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, второе Румянцовъ, но Государыня хотѣла отличить послѣдняго передъ первымъ и собственною рукой прибавила къ его титлу слово *Господинъ*, между тѣмъ какъ Голицынъ наименованъ просто Генералъ-Фельдмаршаломъ! Она желала, чтобы *Задунайскій*, по примѣру Римскихъ полководцевъ, имѣлъ въѣздъ въ столицу черезъ тріумфальныя ворота на колесницѣ: скромный герой, привыкшій къ лагерной жизни, отказался отъ почестей и еще болѣе явилъ себя великимъ въ глазахъ соотечественниковъ! — Малороссія снова поступила подъ начальство его: оттуда Румянцовъ вызванъ былъ въ С. Петербургъ (1776 г.), для сопровожденія Наслѣдника Престола въ Берлинъ, по случаю предназначеннаго бракосочетанія его съ племянницею Короля Прусскаго, Принцессою Виртембергскою (*).

«Привѣтствую побѣдителя Оттомановъ,»— сказалъ Фридрихъ Великій Румянцову въ то время, какъ Фельдмаршалъ преклонилъ передъ нимъ побѣдоносное чело свое. — «Я нахожу великое сходство «между вами и Генераломъ моимъ Винтерфельдомъ.» — *Государь!* — отвѣчалъ Румянцовъ — *для меня весьма бы лестно было хоть немного походить на Генерала, столь славно служившаго Фридриху.*» —

(*) Бывшею потомъ Императрицею Маріею Ѳеодоровною.

«Нѣтъ— возразилъ Король — «вы не этимъ долж-«ны гордиться; но побѣдами вашими, которыя пере-«дадутъ имя Румянцова позднѣйшему потомству.»— Уважая достоинства Россійскаго полководца, Король приказалъ Военному Штабу своему явиться къ Ру-мянцову съ почтеніемъ, съ поздравленіями; возло-жилъ на него орденъ Чернаго Орла; собравъ весь гарнизонъ въ Потсдамѣ, представилъ примѣрное Кагульское сраженіе, которымъ самъ предводитель-ствовалъ. Въ Берлинской Академіи Наукъ славный Формей произнесъ рѣчь, въ коей выхваляя добродѣ-тели Наслѣдника Престола Россійскаго, коснулся и Румянцова: «Да великая и процвѣтающая Имперія, «предназначенная Вашему Высочеству — сказалъ онъ — «всегда будетъ опираться на столбы столь «же прочные, каковые и нынѣ поддерживаютъ ее: «Да въ совѣтахъ Вашихъ первенствуютъ всегда Ми-«нистры, въ арміяхъ Полководцы, одинаково люби-«мые Минервою и Марсомъ. Да будетъ герой этотъ «(здѣсь я невольнымъ образомъ предаюсь восторгу, «ощущаемому мною при видѣ великаго Румянцова) «долгое еще время ангеломъ хранителемъ Россіи! «Распространивъ ужасъ своего побѣдоноснаго оружія «за Дунаемъ, онъ нынѣ украшаетъ берега Шпрея «доблестями, не менѣе славными, возбуждающими «удивленіе. Но чтобы достойно возвеличить мужа, «который съ храбростію Ахиллеса соединяетъ до-«бродѣтели Энея, надобно вызвать тѣни Гомера и «Виргилія: голосъ мой для сего недостаточенъ.» — Здѣсь должно прибавить, что въ этомъ собраніи Ру-мянцовъ сидѣлъ подлѣ Короля, между тѣмъ какъ

два Принца Брауншвейгскіе и три Виртембергскіе стояли (*).

Возвратясь въ Отечество, Графъ Петръ Александровичъ вступилъ по прежнему въ управленіе Малороссіею. Въ то время Потемкинъ, бывшій въ Турецкую войну подъ начальствомъ его, представлялъ первое лице въ Государствѣ, могуществомъ своимъ превосходя всѣхъ своихъ предмѣстниковъ. Благоволеніе Императрицы къ Кагульскому побѣдителю не измѣнилось: Она соорудила въ честь ему обелискъ въ Царскомъ Селѣ; возложила на Румянцова орденъ Св. Владиміра 1-й степени въ самый день учрежденія онаго (1782 г.); пожаловала его Подполковникомъ Конной гвардіи (1784 г.); наименовала Главнокомандующимъ Украинской арміи, выставленной противъ Турокъ въ 1787 году; но со всѣмъ тѣмъ Задунайскій представлялъ уже второстепеннаго предводителя: Потемкинъ былъ главнымъ. Тогда Екатерина предприняла путешествіе въ Тавриду: Румянцовъ встрѣтилъ Императрицу на границѣ Малороссійской и присоединился къ особамъ, сопровождавшимъ Ее. «На лицѣ этого знаменитаго воина — пишетъ очевидецъ Графъ Сегюръ — «изображались отличительныя черты его характера, смѣсь скромности и вмѣстѣ гордаго благородства, которымъ всегда украшается истинное достоинство; внутренняя «печаль и досада, чувствуемая имъ отъ предпочте-

(*) Изъ портфелей Исторіографа Миллера, хранящихся въ Московск. Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

«нія, оказываемаго Потемкину, помрачали величе-«ственное имя его. Онъ открыто изъявлялъ неудо-«вольствіе, въ то время, какъ другіе Царедворцы «тайно старались вредить любимцу счастія, который, «по званію Президента Военной Коллегіи и перва-«го Министра, представлялъ къ наградамъ одни къ «только своихъ подчиненныхъ, строилъ великолѣп-«ныя зданія въ ввѣренномъ ему Намѣстничествѣ, но-«вою, красивою одеждой придавалъ блескъ арміи «своей, между тѣмъ, какъ воины Румянцова носили «ветхіе мундиры, офицеры не получали повышеній, «казенныя работы пріостановились въ Украйнѣ.»— Вражда эта въ томъ же году, по видимому, прекратилась: Потемкинъ, до открытія военныхъ дѣйствій, написалъ къ Задунайскому письмо, называлъ себя *ученикомъ его*, испрашивалъ совѣтовъ, или, лучше сказать, *поселенія своего наставника*.

Между тѣмъ какъ Таврическій осаждалъ Очаковъ (1788 г.), Румянцовъ, оставаясь въ Украйнѣ, быстро подвигалъ войска въ Молдавію и, предвидя, что соперникъ его будетъ преграждать ему дорогу на ратномъ полѣ, сказался больнымъ ногами, сдалъ армію Потемкину, который присоединялъ ее къ своей. Удалясь (1789 г.), близь Кіева, въ мирное уединеніе, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, побѣдитель Оттомановъ ласково бесѣдовалъ съ своими поселянами, воспоминалъ въ кругу отставныхъ воиновъ о дняхъ прошедшей славы. Любя чтеніе, даже подъ шумомъ военныхъ бурь, онъ посвящалъ тогда оному большую часть дня. *Вотъ мои учители*, говорилъ Румянцовъ, указывая на книги. Нерѣдко, въ

простой одеждѣ и сидя на пнѣ, удилъ онъ рыбу. Однажды любопытные посѣтители, пріѣхавшіе взглянуть на героя Кагульскаго, не могли различить его отъ другихъ. — «*Вотъ онъ* — сказалъ имъ съ ласкою Румянцовъ: — «*наше дѣло города плѣнить,* «*да рыбку ловить.*» — Въ домѣ его, богато убранномъ, находились и дубовые стулья. «*Если великолѣпныя комнаты* — говорилъ онъ своимъ приближеннымъ — «*внушатъ мнѣ мысль, что я выше кого-* «*либо изъ васъ: то пусть эти простые стулья на-* «*помнятъ, что и я такой же человѣкъ, какъ вы:*»

Такъ провелъ Румянцовъ нѣсколько лѣтъ: въ исходѣ 1791 года дошло до него извѣстіе о смерти Потемкина; великодушный герой не могъ удержаться отъ слезъ. «*Чему удивляетесь вы?* — сказалъ онъ «своимъ домашнимъ — *Потемкинъ былъ моимъ со-* «*перникомъ; но Россія лишилась въ немъ великаго му-* «*жа, а Отечество потеряло усерднѣйшаго сына.*» — Черезъ два года потомъ, Екатерина торжествовала миръ, заключенный съ Турціей, 1791 года, и не забыла Задунайскаго; онъ получилъ тогда шпагу, украшенную алмазами: *за занятіе части Молдавіи въ началѣ войны*, какъ будто въ предзнаменованіе, что рука его должна еще ополчиться къ подвигамъ славы.

Въ 1794 году, 16 Мая, ввѣрено Румянцову главное начальство надъ войсками, расположенными отъ устья Днѣстра до предѣловъ Минской губерніи. Императрица собственноручно писала къ нему: «Я слы-«шала о лучшемъ состояніи теперь здоровья вашего, «обрадовалась, и желаю, чтобъ оно дало вамъ но-

«вы силы раздѣлить со Мною тягости Мои; ибо вы «сами довольно знаете, сколь Отечество помнитъ «васъ, содержа незабвенно всегда заслуги ваши въ «сердцѣ своемъ; знаете также и то, сколь много и «все войско самое любитъ васъ и сколь оно пора«дуется, услыша только, что обожаемый Велизарій «опять ихъ пріемлетъ, какъ дѣтей своихъ, въ свое «покровительство.»—Оставаясь въ Украйнѣ, онъ подвигалъ впередъ разные корпусы своей арміи, снабдилъ Суворова словеснымъ наставленіемъ, сосредоточилъ полки подъ его знамена, и благоразумными распоряженіями содѣйствовалъ низложенію мятежа въ Польшѣ; награжденъ (1795 г.) похвальною грамотой, деревнями, домомъ съ приличнымъ убранствомъ и передъ онымъ памятникомъ, съ надписью: *Побѣдамъ Графа Румянцова-Задунайскаго* (*). Вскорѣ Императрица переселилась въ вѣчность (6 Ноября 1796 г.). Печальное извѣстіе это, полученное Румянцовымъ въ Ташани, чрезвычайно огорчило его. Сначала Императоръ Павелъ I-й обошелся съ нимъ весьма милостиво, спрашивалъ совѣтовъ его по военной части; нарочные безпрестанно летали изъ С. Петербурга къ Кагульскому герою. Полководецъ Екатерининъ, надѣясь на свою силу и опытность, смѣло сообщалъ мысли свои; но онѣ не всѣ согласны были съ видами Монарха.

(*) Памятникъ этотъ, поставленный на Царицыномъ лугу, передъ домомъ Румянцова, нынѣ находится на Васильевскомъ островѣ, между Кадетскимъ Корпусомъ и Академіею Художествъ.

Параличный ударъ прекратилъ (8 Декабря) славную жизнь Румянцова. Необыкновенному вождю этому опредѣлено было родиться и умереть въ двѣ значительныя эпохи для Россіи. Императоръ Павелъ I, *въ память великихъ его Отечеству заслугъ*, повелѣлъ наложить военный трауръ на три дни.

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій былъ высокаго роста; станъ имѣлъ стройный, величественный; физіономію привлекательную, чуждую притворства, всегда спокойную; важная походка придавала ей нѣкоторую гордость; отличался превосходною памятью и крѣпкимъ сложеніемъ тѣла; не забывалъ никогда, что читалъ и видѣлъ, не зналъ болѣзней и на семидесятомъ году жизни своей могъ проѣзжать верхомъ въ день пятьдесятъ верстъ. Онъ былъ набоженъ безъ суевѣрія; благоговѣлъ передъ Монархинею, умѣвшею возвеличить Россію, любилъ солдатъ, какъ дѣтей своихъ, заботился объ нихъ въ полѣ и на квартирахъ; одушевлялъ храбрыхъ воиновъ увѣренностію въ побѣдѣ; былъ любимъ ими, не смотря на строгость свою и на частые маневры (*); но взыскивая за малѣйшую неисправность, обыкновенно трунилъ надъ подчиненными, не дѣлая ихъ несчастными. Однажды Задунайскій, обозрѣвая

(*) *Румянцовъ* — по словамъ Суворова — *зналъ имена солдатъ. Чрезъ десять лѣтъ послѣ Кагульскаго сраженія узналъ онъ въ городѣ Орлѣ сторожа, служившаго на той славной битвѣ рядовымъ; остановилъ его, назвалъ по имени, и поцѣловалъ. См. Анекдоты Суворова, стр. 7.*

на разсвѣтѣ лагерь свой, примѣтилъ офицера, отдыхавшаго въ палаткѣ, началъ съ нимъ разговаривать, взялъ его подъ руку, вывелъ изъ палатки, прошелъ мимо войскъ и потомъ вступилъ вмѣстѣ въ шатеръ Фельдмаршальскій, окруженный Генералами и своимъ Штабомъ. Съ умомъ прозорливымъ, основательнымъ, Румянцовъ соединялъ твердость, предпріимчивость; былъ неустрашимъ; не зналъ препятствій при исполненіи военныхъ предначертаній; не унывалъ среди опасностей, одаренный рѣдкимъ присутствіемъ духа. — «Задунайскаго — пишетъ Карамзинъ — «можно смѣло назвать Тюреномъ Россіи. «Онъ былъ мудрый полководецъ, зналъ своихъ не«пріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свой«ству; мало вѣрилъ слѣпому случаю и подчинялъ «его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, «но былъ только проницателенъ; соединялъ рѣши«тельность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не «зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ «сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, «но могъ-бы снести и пораженіе, чтобы въ самомъ «несчастіи доказать свое искусство и величіе; обя«занный геніемъ натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и «силу науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ «только другихъ; отдавалъ справедливость подчи«ненным, но оторнился-бы во глубинѣ сердца, ес«либы кто нибудь изъ нихъ могъ сравниться съ нимъ «талантами: судьба избавила его отъ сего неудо«вольствія.»

Еслибъ герой Кагульскій имѣлъ какіе либо недостатки: то они должны встевнуть во множествѣ

его отличныхъ качествъ и доблестныхъ подвиговъ, которые не умрутъ въ потомствѣ. Екатерина Великая, кромѣ двухъ памятниковъ, сооруженныхъ въ честь Румянцова, украсила еще мраморнымъ его бюстомъ Эрмитажъ. «*Онъ великій человѣкъ*—говорила Императрица—«*человѣкъ Государственный; имѣетъ* «*воинскія достоинства; не двоякъ и храбръ умомъ, а* «*не сердцемъ*. Императоръ Іосифъ II всегда приказывалъ ставить за столомъ лишній приборъ *для любезнаго своего Фельдмаршала*. Суворовъ являлся къ нему въ полномъ мундирѣ и забывалъ при немъ шутки свои. Его покровительству обязана Россія славными Министрами: Безбородко и Завадовскимъ. Онъ имѣлъ отъ супруги своей, Графини Екатерины Михайловны, рожденной Княжны Голицыной, трехъ сыновей: Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа Сергія Петровича и Оберъ-Шенка Графа Михайла Петровича. Съ кончиною втораго изъ нихъ (въ 1838 г.) пресѣклась фамилія Румянцовыхъ.

Прахъ Задунайскаго покоится въ Кіевопечерской Лаврѣ, у лѣваго крылоса Соборной церкви Успенія Св. Богородицы. Великолѣпный памятникъ, сооруженный старшимъ сыномъ его, не могъ, по огромности, поставленъ быть на томъ мѣстѣ, но помѣщенъ при входѣ въ церковь съ южной стороны, гдѣ погребены два Архимандрита. Государственный Канцлеръ, съ Высочайшаго утвержденія, пожертвовалъ, въ 1805 году, капиталъ, изъ процентовъ котораго шесть особъ военно-служившихъ получаютъ каждый годъ по тысячи рублей, имѣя жительство

въ построенномъ для нихъ домѣ. Они обязаны, во время панихидъ, отправляемыхъ на память Фельдмаршала и церковнаго Соборнаго служенія, окружать его могилу. Ихъ избираетъ нынѣ Дума Военнаго ордена Св. Георгія.

27-й

Генералъ-Фельдмаршалъ

Графъ Захаръ Григорьевичь

ЧЕРНЫШЕВЪ.

=

Графъ Захаръ Григорьевичь Чернышевъ (*) родился въ 1722 году. Онъ былъ третій сынъ Генералъ-Аншефа Графа Григорія Петровича, который за оказанную храбрость въ разныхъ битвахъ противъ Шведовъ и полученныя имъ раны, награжденъ (1710 и 1714 г.) двумя портретами Петра Великаго, украшенными алмазами; безбоязненно говорилъ правду грозному Монарху; пожалованъ, въ званіи Сенатора, кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1741 г.) и Графомъ Россійской Имперіи (1742 г.); скончался въ 1745 году.

(*) Чернышевы происходятъ отъ древней Польской фамиліи *Чернецкихъ*. — Родоначальникъ ихъ Иванъ Михайловичь (который первый началъ писаться *Чернышевымъ*), выѣхалъ въ Россію въ исходъ XV столѣтія.

Графъ Захаръ Григорьевичъ

ЧЕРНЫШЕВЪ.

Литог. Тюлева.

Имѣя только тринадцать лѣтъ отъ роду, Графъ Захаръ Григорьевичь вступилъ въ военную службу (1735 г.) и въ началѣ 1741 года пожалованъ Капитаномъ. Вскорѣ (1742 г.) отправленъ онъ Дворяниномъ Посольства въ Вѣну, гдѣ находился тогда Чрезвычайнымъ Посланникомъ нашего Двора Людовикъ Ланчинскій, Польскій уроженецъ, извѣстный съ 1707 года на дипломатическомъ поприщѣ (*). Подъ его руководствомъ Чернышевъ обогатилъ умъ свой разными познаніями, употребляя свободное время на усовершенствованіе себя въ иностранныхъ языкахъ. Онъ возвратился въ Россію (1744 г.) въ то самое время, какъ Наслѣдникъ Престола сочетался бракомъ съ Принцессой Ангальтъ-Цербстскою. Родительница Графа Чернышева пользовалась отличнымъ благоволеніемъ Императрицы Елисаветы Петровны: не трудно ей было помѣстить сына къ Великому Князю Камеръ-Юнкеромъ, съ чиномъ армейскаго Полковника. Умъ, любезность и ловкое обращеніе молодаго Чернышева пріобрѣли ему вниманіе Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, умѣвшей различать людей: въ исходѣ 1745 года отправленъ онъ во Франкфуртъ на Сеймъ Имперскій Министромъ отъ Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, какъ Герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, для охраненія правъ его, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился въ С. Петербургъ, не приступивъ къ возложенному пору-

(*) См. біографію Ланчинскаго въ третьей части моего *Словаря достопамятныхъ людей Русской земли*, стр. 140–146.

ченію (*). Кратковременное отсутствіе Чернышева не уменьшило значенія его у Двора, которое примѣтнымъ образомъ возрастало и послужило ему во вредъ; ибо, по неудовольствію Императрицы, онъ былъ удаленъ въ армію тѣмъ же чиномъ (1748 года).

Послѣ извѣстнаго похода нашихъ войскъ на Рейнъ, Чернышевъ, участвовавшій въ ономъ, командовалъ С. Петербургскимъ пѣхотнымъ полкомъ и произведенъ въ Генералъ-Маіоры 1750 года. Онъ присутствовалъ на Коллинской битвѣ (1757 года), знаменитой пораженіемъ Пруссаковъ Фельдмаршаломъ Дауномъ; находился въ Австрійской арміи и въ началѣ 1758 года; произведенъ въ Генералъ-Поручики; получилъ орденъ Св. Александра Невскаго: командовалъ гренадерами на Цорндорфскомъ сраженіи и, предводительствуя отдѣльнымъ корпусомъ, занялъ Берлинъ (1760 г.). Быстрая эта экспедиція стоила непріятелю пяти тысячь человѣкъ, пятидесяти семи орудій и множества снарядовъ. Съ кончиною Елисаветы, политическія отношенія перемѣнились. Императоръ Петръ III ввѣрилъ Чернышеву начальство

(*) Полномочный Министръ нашъ Графъ Кейзерлингъ донесъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ: «что Графъ Чернышевъ съ трудомъ можетъ быть употребленъ на Имперскомъ Регенбургскомъ Сеймѣ для того, что онъ есть особа, Греческой, а не Лютеранской Законъ исповѣдающая, и что по сему многія препятствія и затрудненія при Сеймѣ причиняются, а слѣдовательно и интересамъ Великаго Князя больше поврежденія, нежели пользы быть можетъ.»

надъ войсками Россійскими, присоединенными къ Прусской арміи (1761 г.); Фридрихъ Великій возложилъ на него орденъ Чернаго Орла; Екатерина II пожаловала Генералъ-Аншефомъ и, въ день своего коронованія, кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1762 г.). Онъ былъ верховнымъ Церемоніимейстеромъ при этомъ торжественномъ обрядѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Графъ Чернышевъ, удостоенный особенною довѣренностію Императрицы, опредѣленъ Вице-Президентомъ Военной Коллегіи (1763 г.), а въ 1773 году (22 Сентября) получилъ чинъ Генералъ-Фельдмаршала и достоинство Президента, но вскорѣ (1774 г.) лишился этой должности, имѣя помощникомъ Потемкина, который находился въ то время во всей силѣ и вездѣ любилъ первенствовать.

Около двѣнадцати лѣтъ Графъ Чернышевъ съ примѣрнымъ искуствомъ и отличнымъ успѣхомъ управлялъ Военной Коллегіею: при немъ изданы штаты, положенія и инструкціи для полковъ; водворены въ войскахъ лучшій порядокъ и благоустройство. Онъ содѣйствовалъ въ присоединеніи Бѣлоруссіи къ Имперіи нашей, пожалованъ первымъ Генералъ-Губернаторомъ этой Области (1772 г.); образовалъ изъ оной два Намѣстничества Могилевское и Псковское; отдѣлалъ дороги; переведенный въ Москву Градоначальникомъ (1782 г.), обновилъ, украсилъ древнюю столицу многими зданіями; награжденъ Императрицею орденомъ Св. Владиміра первой степени въ день учрежденія онаго; скончался въ Москвѣ 29 Августа 1784 года, на шестьдесять третьемъ отъ рожденія.

Графъ Захаръ Григорьевичь Чернышевъ пламенно любилъ Монархиню, Отечество и славу; покровительствовалъ ученымъ и художникамъ; отличался прозорливостію, трудолюбіемъ, правотою; но былъ строгъ въ дѣлахъ, угрюмъ, особливо по утрамъ, неприступенъ; давалъ приказанія въ полголоса; подчиненные трепетали предъ нимъ. Со всѣмъ тѣмъ Графъ Чернышевъ имѣлъ доброе сердце: однажды купецъ Московскій вручилъ ему просьбу, наполненную оскорбительными для него выраженіями: «*Возьми обратно свое прошеніе* — сказалъ Чернышевъ — *ты купецъ, я Фельдмаршалъ, слѣдовательно не могу обижаться твоею бранью. Совѣтую переписать бумагу, если не желаешь, чтобы она послужила тебѣ во вредъ.* — Въ числѣ друзей Чернышева находился Платонъ, Митрополитъ Московскій. Главнокомандующій, Графъ Яковъ Александровичь Брюсъ (*), осуждалъ при немъ, въ присутствіи многихъ, дѣйствія своего предмѣстника, Графа Захара Григорьевича. «У насъ мало въ Россіи людей, по«добныхъ Чернышеву и Румянцову — сказалъ Платонъ; — «на кого ни посмотримъ все Брюсъ, да «Платонъ.» — Графъ Чернышевъ, дѣйствительно, занимаетъ въ Россіи первое мѣсто между Градодержателями, не молчалъ и въ Совѣтахъ Государственныхъ; но былъ второстепенный Полководецъ. Графъ Петръ Ивановичь Панинъ называетъ его въ письмѣ

(*) См. объ немъ, въ первой части, въ концѣ біографіи Графа Якова Вилимовича Брюса.

на разсвѣтѣ лагерь свой, примѣтилъ офицера, отдыхавшаго въ палаткѣ, началъ съ нимъ разговаривать, взялъ его подъ руку, вывелъ изъ палатки, прошелъ мимо войскъ и потомъ вступилъ вмѣстѣ въ шатеръ Фельдмаршальскій, окруженный Генералами и своимъ Штабомъ. Съ умомъ прозорливымъ, основательнымъ, Румянцовъ соединялъ твердость, предпріимчивость; былъ неустрашимъ; не зналъ препятствій при исполненіи военныхъ предначертаній; не унывалъ среди опасностей, одаренный рѣдкимъ присутствіемъ духа. — «Задунайскаго — пишетъ Карамзинъ — «можно смѣло назвать Тюреномъ Россіи. «Онъ былъ мудрый полководецъ, зналъ своихъ не«пріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свой«ству; мало вѣрилъ слѣпому случаю и подчинялъ «его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, «но былъ только проницателенъ; соединялъ рѣши«тельность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не «зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ «сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, «но могъ-бы снести и пораженіе, чтобы въ самомъ «несчастіи доказать свое искусство и величіе; обя«занный геніемъ натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и «силу науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ «только другихъ; отдавалъ справедливость подчи«ненным, но огорчился-бы во глубинѣ сердца, ес«либы кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться съ нимъ «талантами: судьба избавила его отъ сего неудо«вольствія.»

Еслибъ герой Кагульскій имѣлъ какіе либо недостатки: то они должны встечнуть во множествѣ

его отличныхъ качествъ и доблестныхъ подвиговъ, которые не умрутъ въ потомствѣ. Екатерина Великая, кромѣ двухъ памятниковъ, сооруженныхъ въ честь Румянцова, украсила еще мраморнымъ его бюстомъ Эрмитажъ. «*Онъ великій человѣкъ*—говорила Императрица—«*человѣкъ Государственный; имѣетъ* «*воинскія достоинства; не двоякъ и храбръ умомъ, а* «*не сердцемъ*. Императоръ Іосифъ II всегда приказывалъ ставить за столомъ лишній приборъ *для любезнаго своего Фельдмаршала*. Суворовъ являлся къ нему въ полномъ мундирѣ и забывалъ при немъ шутки свои. Его покровительству обязана Россія славными Министрами: Безбородко и Завадовскимъ. Онъ имѣлъ отъ супруги своей, Графини Екатерины Михайловны, рожденной Княжны Голицыной, трехъ сыновей: Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа Сергія Петровича и Оберъ-Шенка Графа Михайла Петровича. Съ кончиною втораго изъ нихъ (въ 1838 г.) пресѣклась фамилія Румянцовыхъ.

Прахъ Задунайскаго покоится въ Кіевопечерской Лаврѣ, у лѣваго крылоса Соборной церкви Успенія Св. Богородицы. Великолѣпный памятникъ, сооруженный старшимъ сыномъ его, не могъ, по огромности, поставленъ быть на томъ мѣстѣ, но помѣщенъ при входѣ въ церковь съ южной стороны, гдѣ погребены два Архимандрита. Государственный Канцлеръ, съ Высочайшаго утвержденія, пожертвовалъ, въ 1805 году, капиталъ, изъ процентовъ котораго шесть особъ военно-служившихъ получаютъ каждый годъ по тысячи рублей, имѣя жительство

Князь Григорій Александровичь

ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Литог. М. Тюлева.

мый въ духовное званіе, Потемкинъ обучался сначала въ Смоленской Семинаріи, потомъ отправленъ въ Московскій Университетъ. Здѣсь посѣщалъ онъ съ большимъ прилежаніемъ лекціи Профессоровъ, оказалъ быстрые успѣхи въ наукахъ, *желая* — какъ твердилъ товарищамъ своимъ — *быть непремѣнно Архіереемъ, или Министромъ;* получилъ золотую медаль (1756 г.) и вскорѣ соскучился единообразнымъ ученіемъ, пересталъ ходить въ Университетъ, выключенъ изъ онаго (*), обращался съ одними монахами, бесѣдуя въ Заиконоспасскомъ и Греческомъ монастыряхъ о догматахъ вѣры. Казалось, юноша, одаренный отъ природы колоссальнымъ ростомъ, мужественною красотой, умомъ бѣглымъ, памятью необыкновенною, готовилъ себя къ ношенію митры: вышло противное. Честолюбивый нравъ его не могъ довольствоваться саномъ пастыря Церкви, желалъ повелѣвать многими, гонялся за славою и внушилъ ему счастливую мысль сблизиться съ Дворомъ военною службой. Въ числѣ духовныхъ, которыхъ посѣщалъ Потемкинъ, находился Амвросій Зертисъ-

(*) Я видѣлъ въ портфеляхъ покойнаго моего родителя (сгорѣвшихъ въ Московскій пожаръ 1812 года) оторванный отъ Вѣдомостей листъ, въ которомъ было напечатано, въ числѣ выключенныхъ изъ Университета *за нехожденіе*, имя *Григорія Потемкина*. — *Помните ли*—сказалъ, потомъ, Князь Таврическій Профессору Барсову, во время славы своей и могущества «*какъ* «*вы выключили меня изъ Университета?*» — «Ваша «Свѣтлость тогда сего заслуживали» — отвѣчалъ бывшій наставникъ его.

Каменскій, бывшій тогда Архіепископомъ Крутицкимъ и Можайскимъ: онъ одобрилъ его намѣреніе и далъ ему на дорогу пятьсотъ рублей (*). Изъ келліи монастырской Потемкинъ перенесся къ берегамъ Невы и вскорѣ принятъ въ Конную гвардію; обучался Французскому языку въ свободное время. Онъ былъ Вахмистромъ этого полка, когда вступила на Престолъ Екатерина II (1762 г.), находился въ Ея свитѣ и услышавъ, что Императрица желаетъ имѣть темлякъ на шпагѣ, сорвалъ свой собственный, подъѣхалъ къ Государынѣ и осмѣлился поднести оный. Ретивая лошадь Потемкина, привыкшая къ эскадронному ученію, поравнялась съ лошадью Императрицы и, не смотря на всѣ усилія его, упорствовала удалиться. Екатерина улыбнулась, взглянула на отважнаго всадника, спросила о его фамиліи, произвела на другой день (29 Іюня) Потемкина офицеромъ гвардіи, потомъ Подпоручикомъ и Камеръ-Юнкеромъ, приказавъ выдать ему двѣ тысячи рублей. Онъ былъ отправленъ въ Стокгольмъ къ Министру нашему при Шведскомъ Дворѣ, Графу Остерману, съ увѣдомленіемъ о послѣдовавшей перемѣнѣ въ Правленіи.

Возвратясь въ С. Петербургъ, Потемкинъ старался сблизиться съ Орловыми, которые находились

(*) Это передалъ мнѣ покойный мой родитель, родной племянникъ Пр. Амвросія. Потемкинъ нѣсколько разъ вспоминалъ потомъ объ этихъ деньгахъ, говоря: *что онъ ему долженъ; но постарается заплатить съ процентами*. Родитель мой ни о чемъ не просилъ его: тѣмъ и кончились обѣщанія.

во всей своей силѣ, былъ принятъ въ общество Императрицы, гдѣ любезность и простота замѣняли принужденныя обыкновенія, прикомандированъ, потомъ, будучи Поручикомъ, къ Оберъ-Прокурору Св. Синода Ивану Ивановичу Мелисино. Въ 1768 году онъ имѣлъ уже чинъ Дѣйствительнаго Камергера и Секундъ-Ротмистра Конной гвардіи. Тогда началъ Потемкинъ обдумывать планъ своего возвышенія и могущества, не довольствуясь полученными наградами; желалъ большаго и, чувствуя свои преимущества передъ другими, увѣренъ былъ въ успѣхѣ.

Въ 1769 году возгорѣлась война съ Турціею. Потемкинъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы удалиться на нѣкоторое время изъ столицы; служилъ сначала подъ знаменами Генералъ-Аншефа Князя Голицына, потомъ въ арміи Генералъ-Фельдмаршала Графа Румянцова: участвовалъ 19 Іюня, въ пораженіи Генералъ-Маіоромъ Княземъ Прозоровскимъ двадцатитысячнаго Турецкаго войска, перешедшаго у Хотина на лѣвый берегъ Днѣстра и желавшаго пробраться къ Каменцу-Подольскому; въ овладѣніи, 2 Іюля, Турецкими укрѣпленіями подъ Хотинымъ; пожалованъ въ Генералъ-Маіоры *за оказанную храбрость и опытность въ военныхъ дѣлахъ;* предводительствуя отрядомъ конницы, отличилъ себя въ сраженіи, 29 Августа, на которомъ Верховный Визирь, Молдованджи Паша, и Крымскій Ханъ были совершенно разбиты и обращены въ бѣгство.

Графъ Румянцовъ, принявъ главное начальство надъ арміею послѣ Князя Голицына и угадывая, какая участь ожидала Потемкина, доставлялъ ему

случаи пожинать лавры: онъ увѣнчалъ себя новою славой, въ началѣ Января 1770 года, въ окрестностяхъ Фокшанъ, опрокинулъ (4 числа) за рѣку Милку, вмѣстѣ съ Генералъ-Маіоромъ Графомъ Подгоричани, Турецкій десятитысячный корпусъ, предводимый Сулиманъ Пашею и Сераскиромъ Румели-Валаси; положилъ на мѣстѣ тысячу человѣкъ, отнялъ пять орудій, два знамя и пять фуръ съ порохомъ; содѣйствовалъ (4 Февраля) Генералъ-Поручику Штофельну въ овладѣніи Журжею; преслѣдовалъ непріятеля, обращеннаго въ бѣгство Румянцовымъ, 17 Іюня, близь Рябой-Могилы; участвовалъ въ битвахъ Ларгской (7 Іюля) и Кагульской (21 Іюля); отразилъ на послѣдней Хана Крымскаго, намѣревавшагося ударить въ тылъ Русской арміи; награжденъ орденами Св. Анны и Св. Георгія третьяго класса; принялъ дѣятельное участіе въ занятіи Измаила Генералъ-Поручикомъ Княземъ Репнинымъ; первый вступилъ въ предмѣстье Кихіи, когда оно было объято пламенемъ; съ успѣхомъ отразилъ (1771 г.) нападенія Турокъ на Краіовъ; вытѣснилъ ихъ изъ Цимбры; освободилъ находившихся въ этомъ городѣ Христіанъ; сжегъ нѣсколько непріятельскихъ судовъ на Дунаѣ и четыре магазина, наполненные мукою и сухарями; обратилъ въ бѣгство четырехъ-тысячный отрядъ Турецкій (17 Мая) на походѣ къ рѣкѣ Ольтѣ; держалъ въ осадѣ крѣпость Турну, вмѣстѣ съ Генералъ-Маіоромъ Гудовичемъ; предводительствуя небольшею флотиліею (въ Октябрѣ), дѣлалъ поиски на правомъ берегу Дуная, подходилъ къ Силистріи. Въ 1772 году происходили перегово-

ры о мирѣ, и Потемкинъ провелъ это время, большею частію, въ шлафрокѣ или лежа на софѣ, погруженный въ размышленіе. Между тѣмъ онъ произведенъ въ Генералъ-Поручики за прошедшую службу.

Съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій (1773 г.) Потемкинъ снова обнажилъ мечь свой: переправился черезъ Дунай въ виду многочисленнаго непріятеля, 7 Іюня; участвовалъ въ разбитіи Османа Паши подъ Силистріей, въ овладѣніи его лагеремъ. Эти подвиги Потемкина остались безъ награжденія. Оскорбленный Полководецъ, всегда предпріимчивый, отправился въ С. Петербургъ и рѣшился написать слѣдующее письмо къ Императрицѣ (*): «Всемилостивѣйшая Государыня! Опредѣлилъ я жизнь мою для «службы Вашей, не щадилъ ее отнюдь, гдѣ только «былъ случай къ прославленію Высочайшаго Имени. «Сіе поставя себѣ простымъ долгомъ, не мыслилъ «никогда о своемъ состояніи и если видѣлъ, что мое «усердіе соотвѣтствовало Вашего Императорскаго Величества волѣ, почиталъ уже себя награжденнымъ. « — Находясь почти съ самаго вступленія въ армію «Командиромъ отдѣленныхъ и къ непріятелю всегда близкихъ войскъ, не упустилъ я наносить оному «всевозможнаго вреда: въ чемъ ссылаюсь на Командующаго арміею и на самихъ Турокъ. — Отнюдь не «побуждаемъ я завистію къ тѣмъ, кои моложе меня, «но получили лишніе знаки Высочайшей милости, а «тѣмъ единственно оскорбляюсь, что не заключаюсь-

(*) 27 Февраля 1774 года.

ченію (*). Кратковременное отсутствіе Чернышева не уменьшило значенія его у Двора, которое примѣтнымъ образомъ возрастало и послужило ему во вредъ; ибо, по неудовольствію Императрицы, онъ былъ удаленъ въ армію тѣмъ же чиномъ (1748 года).

Послѣ извѣстнаго похода нашихъ войскъ на Рейнъ, Чернышевъ, участвовавшій въ ономъ, командовалъ С. Петербургскимъ пѣхотнымъ полкомъ и произведенъ въ Генералъ-Маіоры 1750 года. Онъ присутствовалъ на Коллинской битвѣ (1757 года), знаменитой пораженіемъ Пруссаковъ Фельдмаршаломъ Дауномъ; находился въ Австрійской арміи и въ началѣ 1758 года; произведенъ въ Генералъ-Поручики; получилъ орденъ Св. Александра Невскаго: командовалъ гренадерами на Цорндорфскомъ сраженіи и, предводительствуя отдѣльнымъ корпусомъ, занялъ Берлинъ (1760 г.). Быстрая эта экспедиція стоила непріятелю пяти тысячь человѣкъ, пятидесяти семи орудій и множества снарядовъ. Съ кончиною Елисаветы, политическія отношенія перемѣнились. Императоръ Петръ III ввѣрилъ Чернышеву начальство

(*) Полномочный Министръ нашъ Графъ Кейзерлингъ донесъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ: «что Графъ Чернышевъ съ трудомъ можетъ быть употребленъ на Имперскомъ Регенбургскомъ Сеймѣ для того, что онъ «есть особа, Греческой, а не Лютеранской Законъ исповѣдающая, и что по сему многія препятствія и затрудненія при Сеймѣ причиняются, а слѣдовательно «и интересамъ Великаго Князя больше поврежденія, «нежели пользы быть можетъ.»

надъ войсками Россійскими, присоединенными къ Прусской арміи (1761 г.); Фридрихъ Великій возложилъ на него орденъ Чернаго Орла; Екатерина II пожаловала Генералъ-Аншефомъ и, въ день своего коронованія, кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1762 г.). Онъ былъ верховнымъ Церемоніимейстеромъ при этомъ торжественномъ обрядѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Графъ Чернышевъ, удостоенный особенною довѣренностію Императрицы, опредѣленъ Вице-Президентомъ Военной Коллегіи (1763 г.), а въ 1773 году (22 Сентября) получилъ чинъ Генералъ-Фельдмаршала и достоинство Президента, но вскорѣ (1774 г.) лишился этой должности, имѣя помощникомъ Потемкина, который находился въ то время во всей силѣ и вездѣ любилъ первенствовать.

Около двѣнадцати лѣтъ Графъ Чернышевъ съ примѣрнымъ искуствомъ и отличнымъ успѣхомъ управлялъ Военной Коллегіею: при немъ изданы штаты, положенія и инструкціи для полковъ; водворены въ войскахъ лучшій порядокъ и благоустройство. Онъ содѣйствовалъ въ присоединеніи Бѣлоруссіи къ Имперіи нашей, пожалованъ первымъ Генералъ-Губернаторомъ этой Области (1772 г.); образовалъ изъ оной два Намѣстничества Могилевское и Псковское; отдѣлалъ дороги; переведенный въ Москву Градоначальникомъ (1782 г.), обновилъ, украсилъ древнюю столицу многими зданіями; награжденъ Императрицею орденомъ Св. Владиміра первой степени въ день учрежденія онаго; скончался въ Москвѣ 29 Августа 1784 года, на шестьдесять третьемъ отъ рожденія.

Графъ Захаръ Григорьевичь Чернышевъ пламенно любилъ Монархиню, Отечество и славу; покровительствовалъ ученымъ и художникамъ; отличался прозорливостію, трудолюбіемъ, правотою; но былъ строгъ въ дѣлахъ, угрюмъ, особливо по утрамъ, неприступенъ; давалъ приказанія въ полголоса; подчиненные трепетали предъ нимъ. Со всѣмъ тѣмъ Графъ Чернышевъ имѣлъ доброе сердце: однажды купецъ Московскій вручилъ ему просьбу, наполненную оскорбительными для него выраженіями: «*Возьми обратно свое прошеніе* — сказалъ Чернышевъ — *ты купецъ, я Фельдмаршалъ, слѣдовательно не могу обижаться твоею бранью. Совѣтую переписать бумагу, если не желаешь, чтобы она послужила тебѣ во вредъ.* — Въ числѣ друзей Чернышева находился Платонъ, Митрополитъ Московскій. Главнокомандующій, Графъ Яковъ Александровичь Брюсъ (*), осуждалъ при немъ, въ присутствіи многихъ, дѣйствія своего предмѣстника, Графа Захара Григорьевича. «У насъ мало въ Россіи людей, подобныхъ Чернышеву и Румянцову — сказалъ Платонъ; — «на кого ни посмотримъ все Брюсъ, да «Платонъ.» — Графъ Чернышевъ, дѣйствительно, занимаетъ въ Россіи первое мѣсто между Градодержателями, не молчалъ и въ Совѣтахъ Государственныхъ; но былъ второстепенный Полководецъ. Графъ Петръ Ивановичь Панинъ называетъ его въ письмѣ

(*) См. объ немъ, въ первой части, въ концѣ біографіи Графа Якова Вилимовича Брюса.

въ Зимнемъ дворцѣ и потомъ переѣхалъ въ смежный съ онымъ, принадлежащій Эрмитажу (1777 г.). Здѣсь приступилъ онъ къ давно обдуманному имъ плану относительно изгнанія Турокъ и Татаръ изъ Европы, возстановленія Греческой Имперіи. Увѣряютъ, будто-бы Потемкинъ намѣревался основать тамъ независимое Государство. Положено было, прежде, овладѣть Крымомъ: Екатерина вооруженною рукою утвердила (1777 г.) Ханомъ Шагинъ-Гирея, не смотря на угрозы Порты. Многія семьи Грековъ и Армянъ переселены изъ Тавриды въ Россію. При устьѣ Днѣпра основанъ Потемкинымъ Херсонъ съ корабельною гаванью (1778 г.). Тщетно Фридрихъ Великій старался убѣдить Императрицу къ постановленію оборонительнаго союза съ Турціею, лаская честолюбіе Потемкина Курляндскимъ Герцогствомъ; онъ не перемѣнилъ образа мыслей и умѣлъ склонить на свою сторону Императора Іосифа II въ бытность его въ Россіи (1780 г.). Столь же неудачны были и усилія Англійскаго Министерства отвлечь Россійскій Дворъ посредствомъ Потемкина отъ вооруженнаго неутралитета: вѣрный исполнитель великихъ намѣреній Екатерины не пожертвовалъ выгодами Отечества для своихъ собственныхъ. Въ 1782 году, по его представленію, какъ Екатеринославскаго Генералъ-Губернатора, многія пустыни Новороссійскія заселены людьми, вышедшими изъ разныхъ другихъ областей Имперіи. Тогда Екатерина II учредила орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра и возложила оный на Потемкина. Вскорѣ Крымскія дѣла отозвали его въ Херсонъ. Между тѣмъ, какъ происходили

переговоры съ Ханомъ и верховными начальниками народовъ Кубанскихъ, Потемкинъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ С. Петербургъ; наконецъ ласкою, убѣжденіями, золотомъ и грознымъ вооруженіемъ умѣлъ онъ склонить Шагинъ-Гирея къ уступкѣ полуострова Россіи (*). Важный подвигъ этотъ, къ безсмертной славѣ Потемкина, совершенъ (1783 г.) безъ всякаго кровопролитія. Таманъ и вся страна Кубанская присоединены также къ Имперіи нашей. Твердость и дѣятельность Булгакова (**) упрочили эти пріобрѣтенія за Россіею на вѣчныя времена.

Въ началѣ 1784 года (2 Февраля) Екатерина, признательная къ заслугамъ, пожаловала Потемкина Президентомъ Военной Коллегіи съ чиномъ Генералъ-Фельдмаршала, Екатеринославскимъ и Таврическимъ Генералъ-Губернаторомъ и Шефомъ Кавалергардскаго полка. Тогда открылось новое поле

(*) Шагинъ-Гирей удалился въ Россію, гдѣ получалъ пенсію отъ Императрицы; потомъ, соскучась, отправился въ Турцію и былъ удавленъ, по приказанію Султана.

(**) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, товарищъ Потемкина по Университету, находился тогда Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ въ Константинополѣ. Онъ заключилъ, 28 Декабря, съ Турецкими Полномочными актъ: объ уступкѣ Россіи Турціею Крымскаго полуострова. «Вы приписываете это мнѣ— писалъ Потемкинъ Булгакову—«и тѣмъ увеличиваются «еще болѣе заслуги ваши! Все отъ Бога; но вамъ обязана «Россія и сами Турки: ваша твердость, дѣятельность «и умъ отвратили войну. Турки были-бы побѣждены; «но Русская кровь также-бы потекла!»

Князь Григорій Александровичь

ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Литог. М. Тюлева.

мый въ духовное званіе, Потемкинъ обучался сначала въ Смоленской Семинаріи, потомъ отправленъ въ Московскій Университетъ. Здѣсь посѣщалъ онъ съ большимъ прилежаніемъ лекціи Профессоровъ, оказалъ быстрые успѣхи въ наукахъ, *желая* — какъ твердилъ товарищамъ своимъ — *быть непремѣнно Архіереемъ, или Министромъ;* получилъ золотую медаль (1756 г.) и вскорѣ соскучился единообразнымъ ученіемъ, пересталъ ходить въ Университетъ, выключенъ изъ онаго (*), обращался съ одними монахами, бесѣдуя въ Заиконоспасскомъ и Греческомъ монастыряхъ о догматахъ вѣры. Казалось, юноша, одаренный отъ природы колоссальнымъ ростомъ, мужественною красотой, умомъ бѣглымъ, памятью необыкновенною, готовилъ себя къ ношенію митры: вышло противное. Честолюбивый нравъ его не могъ довольствоваться саномъ пастыря Церкви, желалъ повелѣвать многими, гонялся за славою и внушилъ ему счастливую мысль сблизиться съ Дворомъ военною службой. Въ числѣ духовныхъ, которыхъ посѣщалъ Потемкинъ, находился Амвросій Зертисъ-

(*) Я видѣлъ въ портфеляхъ покойнаго моего родителя (сгорѣвшихъ въ Московскій пожаръ 1812 года) оторванный отъ Вѣдомостей листъ, въ которомъ было напечатано, въ числѣ выключенныхъ изъ Университета *за нехожденіе*, имя *Григорія Потемкина*. — *Помните ли*—сказалъ, потомъ, Князь Таврическій Профессору Барсову, во время славы своей и могущества «*какъ* «*вы выключили меня изъ Университета?*» — «Ваша «Свѣтлость тогда сего заслуживали» — отвѣчалъ бывшій наставникъ его.

Каменскій, бывшій тогда Архіепископомъ Крутицкимъ и Можайскимъ: онъ одобрилъ его намѣреніе и далъ ему на дорогу пятьсотъ рублей (*). Изъ келліи монастырской Потемкинъ перенесся къ берегамъ Невы и вскорѣ принятъ въ Конную гвардію; обучался Французскому языку въ свободное время. Онъ былъ Вахмистромъ этого полка, когда вступила на Престолъ Екатерина II (1762 г.), находился въ Ея свитѣ и услышавъ, что Императрица желаетъ имѣть темлякъ на шпагѣ, сорвалъ свой собственный, подъѣхалъ къ Государынѣ и осмѣлился поднести оный. Ретивая лошадь Потемкина, привыкшая къ эскадронному ученію, поравнялась съ лошадью Императрицы и, не смотря на всѣ усилія его, упорствовала удалиться. Екатерина улыбнулась, взглянула на отважнаго всадника, спросила о его фамиліи, произвела на другой день (29 Іюня) Потемкина офицеромъ гвардіи, потомъ Подпоручикомъ и Камеръ-Юнкеромъ, приказавъ выдать ему двѣ тысячи рублей. Онъ былъ отправленъ въ Стокгольмъ къ Министру нашему при Шведскомъ Дворѣ, Графу Остерману, съ увѣдомленіемъ о послѣдовавшей перемѣнѣ въ Правленіи.

Возвратясь въ С. Петербургъ, Потемкинъ старался сблизиться съ Орловыми, которые находились

(*) Это передалъ мнѣ покойный мой родитель, родной племянникъ Пр. Амвросія. Потемкинъ нѣсколько разъ вспоминалъ потомъ объ этихъ деньгахъ, говоря: *что онъ ему долженъ; но постарается заплатить съ процентами*. Родитель мой ни о чемъ не просилъ его: тѣмъ и кончились обѣщанія.

во всей своей силѣ, былъ принятъ въ общество Императрицы, гдѣ любезность и простота замѣняли принужденныя обыкновенія, прикомандированъ, потомъ, будучи Поручикомъ, къ Оберъ-Прокурору Св. Синода Ивану Ивановичу Мелисино. Въ 1768 году онъ имѣлъ уже чинъ Дѣйствительнаго Камергера и Секундъ-Ротмистра Конной гвардіи. Тогда началъ Потемкинъ обдумывать планъ своего возвышенія и могущества, не довольствуясь полученными наградами; желалъ большаго и, чувствуя свои преимущества передъ другими, увѣренъ былъ въ успѣхѣ.

Въ 1769 году возгорѣлась война съ Турціею. Потемкинъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы удалиться на нѣкоторое время изъ столицы; служилъ сначала подъ знаменами Генералъ-Аншефа Князя Голицына, потомъ въ арміи Генералъ-Фельдмаршала Графа Румянцова: участвовалъ 19 Іюня, въ пораженіи Генералъ-Маіоромъ Княземъ Прозоровскимъ двадцатитысячнаго Турецкаго войска, перешедшаго у Хотина на лѣвый берегъ Днѣстра и желавшаго пробраться къ Каменцу-Подольскому; въ овладѣніи, 2 Іюля, Турецкими укрѣпленіями подъ Хотинымъ; пожалованъ въ Генералъ-Маіоры *за оказанную храбрость и опытность въ военныхъ дѣлахъ;* предводительствуя отрядомъ конницы, отличилъ себя въ сраженіи, 29 Августа, на которомъ Верховный Визирь, Молдованджи Паша, и Крымскій Ханъ были совершенно разбиты и обращены въ бѣгство.

Графъ Румянцовъ, принявъ главное начальство надъ арміею послѣ Князя Голицына и угадывая, какая участь ожидала Потемкина, доставлялъ ему

Командующему Екатеринославскою сухопутною и морскою силою, усѣхами увѣнчанному. Она прислана къ нему на золотомъ блюдѣ, на которомъ было вырѣзано: *Командующему Екатеринославскою сухопутною и морскою силою, яко строителю военныхъ судовъ.*

Осматривая въ началѣ 1789 года Очаковскую степь, Князь Таврическій обратилъ особенное вниманіе на удобство мѣста, гдѣ рѣка Ингулъ впадаетъ въ Бугъ, и приступилъ къ заложенію при ономъ корабельной верфи. Мѣсто это Потемкинъ наименовалъ *Николаевымъ*, желая воздать долгъ благодарности покровителю Русскаго оружія, Св. Чудотворцу Николаю. Вскорѣ получилъ онъ позволеніе явиться въ С. Петербургъ, гдѣ ожидалъ его блистательный пріемъ. Нѣсколько дней до пріѣзда покорителя Очакова освѣщаема была каждую ночь дорога, ведущая въ столицу, на разстояніи двадцати верстъ. Императрица предупредила его своимъ посѣщеніемъ и потомъ объявила на придворномъ балѣ: *что пришла отъ Князя Потемкина.* Такъ Екатерина умѣла награждать заслуги подданныхъ! Царедворцы давали ему праздники, стараясь на перерывъ превзойти другъ друга великолѣпіемъ и пышностію. Передъ отъѣздомъ изъ С. Петербурга Потемкинъ получилъ отъ Государыни сто тысячь рублей, Фельдмаршальскій жезлъ, украшенный бриліантами и обвитый богатымъ лавровымъ вѣнкомъ, орденъ Св. Александра Невскаго, для ношенія на груди, укрѣпленный къ драгоцѣнному солитеру, стоившему сто тысячь руб-

лей (*) и шесть милліоновъ на продолженіе военныхъ дѣйствій.

Въ Турціи владычествовалъ тогда Селимъ III, племянникъ Абдулъ-Гамида, Государь юный лѣтами, но отважный. Расточая золото, чтобы щадить кровь человѣческую, Потемкинъ умѣлъ склонить на свою сторону Султаншу Валиду и Капитана Пашу, который содѣйствовалъ потомъ въ умерщвленіи Верховнаго Визиря, явнаго врага Россіи. Побѣды при Галацѣ Генерала Дерфельдена; при Фокшанахъ и подъ Рымникомъ Суворова; на рѣкѣ Салчѣ Репнина и сдача Бендеръ (5-го Ноября) Князю Таврическому — ознаменовали кампанію 1789 года. Любопытно, что во время осады этой крѣпости, Потемкинъ осматривалъ работы въ Фельдмаршальскомъ мундирѣ и въ орденахъ: ядра свистѣли около него; одно упало въ нѣсколькихъ шагахъ и забросало его землею. «*Турки въ меня цѣлятъ* — сказалъ онъ спокойнымъ видомъ герой, — *но Богъ защитникъ мой: Онъ отразилъ этотъ ударъ.*» — Потомъ не сходя съ мѣста, сѣлъ на лошадь и продолжалъ обозрѣвать производимыя работы.— Въ Бендерахъ найдено триста орудій, двадцать пять мортиръ, нѣсколько тысячь пудъ пороха, множество бомбъ, ядеръ, гранатъ, ружей, сабель, двадцать двѣ тысячи пудъ сухарей и двадцать четыре тысячи четвертей муки. Императрица прислала

(*) Орденъ этотъ возложенъ Императрицею на Потемкина въ Придворной церкви, послѣ заутрени на Св. Хр. Воскресеніе. — Онъ былъ кавалеромъ онаго съ 1774 года.

завоевателю сто тысячъ рублей, лавровый вѣнокъ, осыпанный изумрудами и бриліантами въ полтораста тысячъ и золотую медаль, выбитую въ честь его (*). Взятіе Бендеръ довершило завоеваніе Молдавіи и большей части Бессарабіи. Расположивъ войска свои на зимнихъ квартирахъ, Потемкинъ отправился въ Яссы, гдѣ производилъ переговоры съ Константинополемъ.

9 Февраля 1790 года прекратилась жизнь вѣрнаго союзника Екатерины II, Императора Іосифа. Потемкинъ, возведенный на степень Великаго Гетмана Козацкихъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ, открылъ, въ Маѣ, военныя дѣйствія въ предѣлахъ Турціи: Контръ-Адмиралъ Ушаковъ поразилъ Оттомановъ на водахъ Чернаго моря; Генералъ-Маіоръ Германъ разбилъ на Кубани славнаго Сераскира Баталъ-Пашу и взялъ его въ плѣнъ; Генералъ Гудовичъ овладѣлъ Киліею; Контръ-Адмиралъ Рибасъ Тульчею; братъ его Исакчею; Суворовъ Измаиломъ. Потемкинъ проводилъ это время въ Яссахъ съ великолѣпіемъ и пышностію, ему одному свойственными; но среди различныхъ увеселеній, Князь Тавриды былъ мраченъ, задумчивъ, искалъ развлеченія, и вездѣ уныніе, грусть преслѣдовали его. Шестнадцать лѣтъ онъ первенствовалъ въ Россіи, не страшась совмѣстниковъ: явился Зубовъ (**) и могуще-

(*) Такая-же медаль была выбита въ честь Потемкина, за покореніе Очакова.

(**) Зубовъ, Платонъ Александровичъ, будучи Штабсъ-Ротмистромъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка, нежало-

ствомъ своимъ пробудилъ сладостную дремоту самонадѣяннаго вельможи. — «Матушка, Всемилостивѣйшая Государыня! — писалъ тогда къ Императрицѣ Потемкинъ — «Матушка родная! При обстоятельствахъ, Васъ отягощающихъ, не оставляйте «меня безъ увѣдомленія. Не ужели Вы не знаете «мѣру моей привязанности, которая особая отъ всѣхъ? «Каково слышать мнѣ со всѣхъ сторонъ нелѣпыя «новости и не знать: вѣрить ли, или нѣтъ? Забота «въ такой неизвѣстности погрузила меня въ неска«занную слабость. Лишась сна и пищи я хуже мла«денца. Всѣ видятъ мое изнуреніе. Ѣхать въ Хер«сонъ сколь ни нужно, не могу двинуться. Ежели «моя жизнь чего нибудь стоитъ: то въ подобныхъ «обстоятельствахъ скажите только, что Вы здоровы «и проч.» (*). Онъ отправился въ С. Петербургъ,

---

ванъ Полковникомъ и Флигель-Адъютантомъ (1789 г.) и, вскорѣ, Генералъ-Маіоромъ, Корнетомъ Кавалергардскаго Корпуса, кавалеромъ орденовъ: Св. Анны, обоихъ Польскихъ и Св. Александра Невскаго, на двадцать третьемъ году отъ рожденія (1790 г.); получилъ, черезъ три года потомъ, орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1793 г.); чинъ Генералъ-Фельдцейхмейстера, портретъ Государыни, орденъ Св. Владиміра первой степени (1795 г.) и передъ кончиною Екатерины II достоинство Свѣтлѣйшаго Князя Римской Имперіи; скончался въ 1822 году.

(*) Подпись на этомъ письмѣ (списанномъ мною съ подлиннаго): «Пока живъ, вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій подданный.»

въ Февралѣ 1791 года, былъ принятъ съ отличнымъ уваженіемъ Императрицею, получилъ отъ Нея въ подарокъ дворецъ, извѣстный подъ именемъ *Таврическаго*; платье, украшенное алмазами и дорогими каменьями, въ двѣсти тысячь рублей.

Всѣ продолжали раболѣпствовать передъ Потемкинымъ и со всѣмъ тѣмъ глубокая печаль не покидала его: онъ скучалъ почестями, ласками; былъ недоволенъ всѣми, даже самимъ собою; жаловался приближеннымъ на боль зуба, говорилъ: *что выйдетъ изъ С. Петербурга тогда только, какъ выдернетъ оный* и, предаваясь горестнымъ предчувствіямъ, устроивалъ въ своемъ Таврическомъ дворцѣ блистательный праздникъ для Екатерины. Особливое вниманіе заслуживали двѣ огромныя залы, отдѣленныя одна отъ другой восемнадцатью колоннами. Первая изъ нихъ назначена была для танцевъ: колоссальные столбы въ два ряда окружали оную; между ими находились ложи, убранныя гирляндами и внутри богатыми штофами; на сводѣ висѣли огромные шары, служившіе вмѣсто люстръ; блескъ ихъ отражался въ безчисленныхъ зеркалахъ; вазы Каррарскаго мрамора необыкновенной величины, и печи изъ лазуреваго камня украшали эту залу. Въ другой находился зимній садъ, наполненный лавровыми, померанцовыми и митровыми деревьями: песчаныя излучистыя дорожки, зеленые холмы и прозрачные водоемы, въ которыхъ рѣзвились золотыя и сребристыя рыбы; пріятный запахъ растѣній; восхитительное пѣніе птицъ; гротъ, убранный зеркалами съ мраморною купальнею внутри; возвышавшійся на сту-

пеняхъ сквозный алтарь, съ восьмью колоннами, поддерживающими сводъ его; яшмовыя чаши, лампады, вѣнки и цѣпи изъ цвѣтовъ, украшавшія оный; поставленная среди колоннъ на порфировомъ подножіи съ златою надписью: *Матери Отечества и мнѣ премилосердой,* статуя Императрицы изъ Пароскаго мрамора; лабиринтъ, окружавшій алтарь съ жертвенниками благодарности и усердія, истуканами славныхъ мужей въ древности, драгоцѣнными сосудами, и на зеленомъ лугу высокая пирамида, обдѣланная въ злато, съ гранеными цѣпочками и вѣнцами, изъ разныхъ прозрачныхъ каменьевъ, съ лучезарнымъ именемъ Екатерины: все это напоминало о волшебныхъ замкахъ, изумляя взоры прелестнымъ соединеніемъ разныхъ климатовъ и временъ года.

На этотъ праздникъ были приглашены Княземъ Таврическимъ (28 Апрѣля) три тысячи особъ обоего пола. Всѣ были въ маскарадныхъ платьяхъ. Потемкинъ явился въ аломъ кафтанѣ и богатой длинной епанчѣ изъ черныхъ кружевъ. Одежда его блистала драгоцѣнными каменьями, а на шляпѣ было ихъ столько, что одинъ Адъютантъ несъ оную. Послѣ шести часовъ прибылъ туда Дворъ. Когда карета Императрицы подъѣхала къ крыльцу, раздалось въ воздухѣ *ура!* загремѣли трубы на амфитеатрѣ, построенномъ противъ Дворца, и начался народный праздникъ (*). Потемкинъ и всѣ гости его встрѣтили Государыню съ знаками глубочайшаго

(*) Кромѣ разныхъ блюдъ и напитокъ, которыми угощали народъ, дарили еще оному платья.

почтенія и преданности. Вступивъ въ залу, Екатерина взошла на приготовленное для Нея мѣсто, окруженное прозрачными картинами и надписями. Все собраніе разсѣялось подъ колоннами и въ ложахъ. Торжественные звуки музыки вокальной и инструментальной (*) разнеслись подъ сводами залы. Двадцать четыре пары знатнѣйшихъ дамъ и кавалеровъ начали танцовать балетъ, изобрѣтенный самимъ хозяиномъ. Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи, своимъ участіемъ придали болѣе блеска этой прелестной труппѣ. Танцовавшіе были въ бѣлыхъ платьяхъ, украшенныхъ бриліантами на десять милліоновъ рублей. Въ концѣ балета явился славный Ле-Пикъ. — Императрица удалилась потомъ въ другую залу, гдѣ богатые ковры и гобелины обратили вниманіе посѣтителей. Въ ближней комнатѣ стоялъ искусственный золотой слонъ, на которомъ висѣли жемчужныя бахрамы и множество было алмазовъ, изумрудовъ и рубиновъ. Онъ ворочалъ хоботомъ и сидѣвшій на немъ Персіянинъ, великолѣпно одѣтый, ударилъ въ колоколъ. Тогда Потемкинъ повелъ высокихъ своихъ посѣтителей и прочихъ гостей въ театръ. Занавѣсъ поднялся: явилось лучезарное солнце, въ срединѣ котораго въ зеленыхъ лаврахъ сіяло вензловое имя Екатерины II-й. Поселяне и поселянки, воздѣвая руки къ благотворному свѣтилу, показывали движеніями усерднѣйшія свои чувствованія. За симъ слѣдовала

(*) Оркестръ состоялъ изъ трехъ сотъ человѣкъ музыкантовъ и пѣвчихъ.

комедія, а послѣ оной балетъ, представлявшій Смирнскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ, между которыми не было, однакожъ, ни одного Русскаго. Изъ театра собраніе возвратилось въ большую залу и зимній садъ: сто тысячь огней освѣщали внутренность дома. Карнизы, окна, просѣнки усыпаны были кристальными шарами, наполненными воскомъ. Огромныя люстры и фонари умножали блескъ. Вездѣ сверкали яркія звѣзды или прекрасныя радуги изъ рубиновъ, изумрудовъ, яхонтовъ и топазовъ. Безчисленныя зеркала и хрустальныя пирамиды отражали это волшебное зрѣлище. «*Ужели мы тамъ, гдѣ и прежде были?*» — спросила Императрица Потемкина съ удивленіемъ. Между тѣмъ на хорахъ, украшенныхъ драгоцѣнными Китайскими сосудами и двумя позлащенными органами, заиграли Польской съ громомъ литавръ, пѣніемъ и пушечными выстрѣлами:

Громъ побѣды раздавайся!
Веселися храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрёсъ.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Воды быстрыя Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать! и проч. (*).

(*) Слова Державина; музыка Козловскаго.

Во время бала, Государыня играла въ карты съ Великою Княгинею Маріею Ѳеодоровною. Музыка, танцы, пляски (въ томъ числѣ Русскія и Малороссійскія), качели, находившіяся внутри покоевъ, и разныя другія увеселенія занимали гостей. Въ наружномъ саду, наполненномъ толпами любопытнаго народа, зажжены увеселительные огни; пруды были покрыты флотиліею, прекрасно иллюминованною; рощи и аллеи испещрены также фонарями. Голоса пѣсенниковъ и звуки роговъ раздавались между деревьями. — По данному отъ хозяина знаку вдругъ исчезъ театръ, а на мѣсто его, и еще въ нѣсколькихъ комнатахъ, явились для шести сотъ особъ накрытые столы. Они расположены были такимъ образомъ, что взоры всѣхъ обращались къ лицу Государыни. Прочіе гости ужинали стоя: для чего разставлено у стѣнъ множество столовъ. Въ концѣ залы, на самой высотѣ, сіяли стеклянные разноогненные сосуды. Сервизъ былъ золотой и серебряный. Кушанья и напитки соотвѣтствовали великолѣпному убранству дворца, богатой одеждѣ служителей. Потемкинъ самъ служилъ Императрицѣ; но Она пригласила его сѣсть. Послѣ ужина балъ продолжался до утра. Государыня съ Августѣйшею Фамиліей уѣхала въ одиннадцать часовъ. Никто не помнилъ, чтобы Она пробыла гдѣ нибудь на балѣ такъ долго. Казалось, Екатерина удаленіемъ своимъ боялась нарушить блаженство хозяина. Когда Она выходила уже изъ залы, вдругъ раздалось нѣжное пѣніе съ тихимъ звукомъ органовъ, низшедшее съ хоровъ, которые закрыты были разноцвѣтными стеклянны-

ми сосудами, озаренными яркимъ огнемъ. Всѣ безмолвствовали и внимали пріятной гармоніи:

Царство здѣсь удовольствій;
Владычество щедротъ Твоихъ;
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышетъ все Твоей душой;
Лишь Твоимъ я благомъ
И живу и счастливъ.

Что въ богатствѣ и честяхъ?
Что въ великости моей,
Если мысль, Тебя не зрѣть,
Духъ ввергаетъ въ ужасъ.

Стой и не лети, ты, время!
И благъ нашихъ не лишай:
Жизнь наша путь есть печалей:
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты (*).

Императрица изъявила признательность свою Потемкину, который съ благоговѣніемъ палъ на колѣна передъ Нею, схватилъ Ея руку, оросилъ оную слезами, нѣсколько минутъ держалъ съ особливымъ душевнымъ умиленіемъ. . . . . .

Такъ удивлялъ Потемкинъ своимъ великолѣпіемъ жителей береговъ Невы; между тѣмъ берега Дуная обагрялись кровію Христіанъ и Оттомановъ. Онъ откладывалъ отъѣздъ въ армію, жертвовалъ славой своею и безъ пользы терялъ только время. Уже Реп-

(*) Этотъ хоръ, взятый изъ Италіянской оперы, пѣтъ на Италіянскомъ языкѣ.

инъ разбилъ на голову, 28 Іюня, при Мачинѣ Верховнаго Визиря Юсуфъ-Пашу, подписалъ съ Турецкими Полномочными, 31 Іюля, предварительныя мирныя статьи, какъ наконецъ прибылъ въ Галацъ Князь Таврическій. Въ досадѣ на храбраго Полководца, исхитившаго у него побѣду, Потемкинъ уничтожилъ постановленный имъ договоръ, считая оный не соотвѣтственнымъ достоинству Имперіи. Предписывая тягостныя условія Турціи, онъ готовился къ новой брани, въ то время, какъ смерть невидимо носилась надъ главою его и предвѣстники ея, изнуреніе силъ, тоска увеличивали душевныя страданія! Въ Галацѣ скончался Принцъ Виртембергскій: выходя (12 Августа) изъ церкви, разстроенный, огорченный Потемкинъ сѣлъ, вмѣсто своихъ дрожекъ, на дроги, приготовленныя для мертваго тѣла. . . . . Въ Яссахъ постигла его лихорадка: искусство медиковъ, Тимана и Массота, осталось недѣйствительнымъ. Потемкинъ, своенравный, привыкшій къ роскошнымъ обѣдамъ, давалъ пищу своей болѣзни. Между тѣмъ дѣятельность его не ослабѣвала: онъ продолжалъ вести обширную переписку; курьеры летали во всѣ концы Европы чаще обыкновеннаго; Польскіе вельможи, недовольные новыми перемѣнами, послѣдовавшими въ ихъ отечествѣ и бояре Молдавскіе — искали его покровительства. Но внутренняя скорбь не давала ему покоя; онъ чувствовалъ приближеніе своей кончины; пріобщился Св. Тайнъ 19 Августа и 27 Сентября (*); простился съ окружав-

(*) «Въ оба раза когда я пріобщалъ Св. Тайнъ покойна-

шими одръ его и, черезъ нѣсколько дней, изъявилъ желаніе выѣхать изъ Яссъ, говоря: «*по крайней мѣрѣ умру въ моемъ Николаевѣ.*»

4 Октября 1791 г., въ 8 часу утра, положили Потемкина въ коляску. Онъ отъѣхалъ въ тотъ день не болѣе двадцати пяти верстъ; былъ довольно веселъ; утѣшалъ себя мыслію: *что оставилъ гробъ свой* (*). Наступила ночь: болѣзнь усилилась. Потемкинъ безпрестанно спрашивалъ: *скоро ли разсвѣтетъ?* Въ шесть часовъ (5 Октября) велѣлъ вынесть себя въ коляску; повезли его далѣе: смертельная тоска продолжала его безпокоить; онъ приказывалъ останавливаться, вопрошалъ: *нѣтъ ли въ близи деревни?* — велѣлъ ѣхать скорѣе и на тридцать восьмой верстѣ отъ Яссъ, въ двѣнадцатомъ часу по полуночи, при усилившемся мучительномъ безпокойствѣ и томленіи, произнесъ слабымъ голосомъ: «*Будетъ. Теперь не куда ѣхать: я умираю. Выньте меня изъ коляски; хочу умереть на полѣ.*» — Исполнили волю его: положили умиравшаго на разостланный плащь близь дороги. Здѣсь лежалъ онъ три четверти часа, обращая умилительный взглядъ попеременно на Небо и на предстоявшихъ и въ двѣнадцать часовъ тихо опочилъ на рукахъ любимой своей племянницы, Графини Браницкой, въ силѣ мужества,

---

«го — писалъ Духовникъ Князя Потемкина моему родителю — «до нынѣ еще ни въ комъ не видѣлъ столь «живыхъ знаковъ вѣры.»

(*) Такъ называлъ Потемкинъ Яссы.

имѣя только пятьдесять пять лѣтъ отъ роду (*). Ночью повезли его обратно въ Яссы, въ томъ же самомъ экипажѣ, окруженномъ факелами.

Екатерина оплакала кончину Потемкина, повелѣла въ день мирнаго торжества съ Портою Оттоманской (1793 г.): *въ память его заготовить грамоту съ прописаніемъ въ оной завоеванныхъ имъ крѣпостей въ прошедшую войну и разныхъ сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, войсками его одержанныхъ; грамоту сію хранить въ Соборной церкви града Херсона, гдѣ соорудить мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсеналѣ тогожъ града помѣстить его изображеніе и въ честь ему выбить медаль.*

Гробница Потемкина поставлена на катафалкѣ въ склепу, обитомъ чернымъ бархатомъ и находящемся подъ алтаремъ Соборной церкви воздвигнутаго имъ Херсона (*). Нынѣ сооруженъ ему въ этомъ городѣ колоссальный памятникъ, изваянный славнымъ художникомъ нашимъ, Мартосомъ.

(*) Прекрасно описалъ Державинъ въ своемъ *Водопадѣ* Потемкина и его кончину:

«Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь,
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты-ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный Князь Тавриды?
Не ты-ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?» и проч.

(**) Входъ въ этотъ склепъ былъ задѣланъ въ Государствованіе Императора Павла I. Увѣряютъ, будто и останки Потемкина оттуда перенесены были въ другое мѣсто.

Князь Григорій Александровичь Потемкинъ-Таврическій имѣлъ прекрасную, мужественную наружность, крѣпкое сложеніе тѣла, ростъ величественный. Въ молодыхъ лѣтахъ повредилъ онъ себѣ одинъ глазъ, но это не уменшало красоты лица его. Онъ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ людей своего вѣка, отличаясь разительными противоположностями: любилъ простоту и пышность; былъ гордъ и обходителенъ; хитръ и довѣрчивъ; скрытенъ и откровененъ; расточителенъ и часто скупъ; съ жестокостію соединялъ состраданіе, робость съ отважностію. Ничто не могло равняться съ дѣятельностію его воображенія и его тѣлесною лѣностію. Въ его дѣлахъ, удовольствіяхъ, нравѣ, походкѣ — примѣтенъ былъ какой-то безпорядокъ. Иногда мечталъ онъ о Герцогствѣ Курляндскомъ, коронѣ Польской; въ другое время желалъ быть Архіереемъ, простымъ монахомъ; строилъ великолѣпные дворцы и, не окончивъ, продавалъ оные; посылалъ курьеровъ въ отдаленнѣйшія мѣста за нѣкоторыми потребностями для своего стола и часто, прежде нежели посланные возвращались, терялъ охоту отвѣдать привозимое ими (*). То занимался онъ одною войной, окруженный офицерами, Козаками и Татарами, или политикою: хотѣлъ дѣлить Оттоманскую Имперію, завоевать Персію, взволновать кабинеты Европейскіе; въ другое время проводилъ цѣлый мѣсяцъ вечера въ гостяхъ, забывая, по видимому, всѣ дѣла.

(*) Онъ посылалъ курьеровъ даже за кислыми щами и клюквою.

То затмѣвалъ придворныхъ блестящею своею одеждой, орденами разныхъ Державъ, алмазами величины необыкновенной; давалъ, безъ всякой причины, очаровательные праздники — и послѣ нѣсколько недѣль сряду оставался дома, въ кругу родныхъ и приближенныхъ, лежа на софѣ въ шлафрокѣ, съ босыми ногами, обнаженной шеей, съ нахмуреннымъ челомъ, повислыми бровями и молча игралъ въ шахматы или карты. Онъ любилъ обѣщать, но не всегда держалъ данное слово. Никто не читалъ меньше его; не многіе могли равняться съ нимъ въ знаніяхъ. Они были поверхностны, но весьма обширны. Въ разговорахъ онъ изумлялъ литтератора, артиста, богослова. Слогъ его былъ отрывистый, сильный. — «Презирайте происки Французовъ» — писалъ онъ (1783 г.) въ Константинополь къ Посланнику нашему Я. И. Булгакову — «вѣрьте, что все обратится къ стыду ихъ и гибели. «Французы у васъ мутятъ, здѣсь кланяются, а дома погибаютъ.» — Любя пламенно Отечество, онъ отдавалъ полную справедливость достоинствамъ Суворова, писалъ къ нему: «Вѣрь мнѣ, другъ сердечный! что я нахожу мою славу въ твоей.» — Дорожилъ солдатами: «Они не такъ дешевы, — упомянулъ въ одномъ письмѣ къ томужъ Полководцу — «чтобы ихъ терять по пустякамъ.» — Императрица Екатерина II удостоивала Потемкина неограниченной довѣренностью, пожаловала ему кромѣ значительныхъ суммъ и подарковъ, множество деревень. Увѣряютъ, будто въ десять лѣтъ (съ 1774 по 1784 г.) получено имъ наличными деньгами и драгоцѣн-

ными вещами на восьмнадцать милліоновъ рублей. Онъ имѣлъ бланки отъ Государыни, и могъ, сверхъ того, обращаться въ Казенныя Палаты съ своими требованіями. Въ началѣ 1791 года опредѣлилъ онъ на умноженіе капитала Московскаго Университета, въ которомъ обучался, доходы съ Ачуевской своей дачи (*).

«Потемкинъ былъ Мой воспитанникъ — говорила Императрица Екатерина II. — «Я произвела «его во всѣ чины: изъ унтеръ-офицера до Генералъ-«Фельдмаршала. Онъ имѣлъ необыкновенный умъ, «нравъ горячій, сердце доброе; глядѣлъ волкомъ и «потому не былъ любимъ; но, давая щелчки, бла-«годѣтельствовалъ даже врагамъ своимъ. Его не «льзя было подкупить; трудно найти другаго, по-«добнаго ему (**).»

Императрица также отзывалась о Потемкинѣ: что онъ страстно любилъ Великаго Князя Александра Павловича и называлъ его *Ангеломъ, воплощеннымъ для блаженства Имперіи; le Prince de son coeur.*

Суворовъ говорилъ, что Потемкинъ былъ: *великій человѣкъ и человѣкъ великій; великъ умомъ, великъ*

(*) По кончинѣ только Потемкина, Университетъ узналъ объ этомъ пожертвованіи, получивъ, въ 1796 году, семь тысячь четырёста шестьдесять восемь рублей отъ Атамана войска Донскаго, Генералъ-Поручика Алексѣя Ивановича Иловайскаго, завѣдывавшаго этой дачею.

(**) См. *Памятныя Записки А. В. Храповицкаго*, помѣщ. въ Отечественныхъ Запискахъ П. П. Свиньина.

и ростомъ; не походилъ на того высокаго Французскаго Посла въ Лондонѣ, о которомъ Канцлеръ Баконъ сказалъ: что чердакъ обыкновенно худо меблируютъ (*).

Къ числу знаменитыхъ подвиговъ этого исполина XVIII столѣтія, принадлежитъ и преобразованіе суровой Запорожской Сѣчи въ общежительное сословіе Черноморскихъ Козаковъ. Онъ хлебнулъ только нѣсколько ложекъ ухи съ Кошевымъ Атаманомъ и батько *Грицко* (такъ называли Князя Таврическаго Запорожцы) сдѣлался властелиномъ необузданной вольницы, безпокоившей до того предѣлы Россіи.

(*) Изъ *сочиненій Г. Фукса*, изд. 1827 г., стр. 109.

Французъ-
ферь Ба-
меблиро-

сполн-
ованіе
осло-
лько
ь и
аго
ной

Князь Александръ Васильевичь

ПШАЛИНСКІЙ,

Графъ Суворовъ-Рымникскій.

Литог. М. Тюлева.

29-й

Генералъ-Фельдмаршалъ

и

3-й Генералиссимусъ

Князь Александръ Васильевичь

ИТАЛІЙСКІЙ,

ГРАФЪ СУВОРОВЪ-РЫМНИКСКІЙ.

=

Князь Александръ Васильевичь Италійскій, Графъ Суворовъ-Рымникскій, сынъ Генералъ-Аншефа, Сенатора и кавалера ордена Св. Александра Невскаго, Василія Ивановича Суворова (*), родился въ Москвѣ 13 Ноября 1729 года. Отецъ его, человѣкъ просвѣщенный и зажиточный, приготовлялъ сына къ граж-

(*) Суворовы происходятъ отъ древней благородной фамиліи Шведской. Предокъ ихъ, *Суворъ*, выѣхалъ въ Россію въ 1622 году при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и принялъ Россійское подданство. *Изъ второй части Гербовника.*

данской службѣ; но Суворовъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, оказывалъ предпочтеніе военной: обучался съ успѣхомъ Отечественному языку, Французскому, Нѣмецкому, Италіянскому, Исторіи и Философіи, и съ жадностію читалъ Корнелія Непота, Плутарха, описаніе походовъ Тюреня и Монтекукули; говорилъ съ восхищеніемъ о Кесарѣ и Карлѣ XII, заставилъ отца своего перемѣнить намѣреніе. Онъ былъ записанъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ солдатомъ (1742 г.), продолжая учиться въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Между тѣмъ попечительный родитель преподавалъ ему самъ инженерную науку; каждый день читалъ съ нимъ Вобана, котораго Василій Ивановичь перевелъ въ 1724 году съ Французскаго на Россійскій языкъ по приказанію своего крестнаго отца, Петра Великаго; заставлялъ сравнивать переводъ съ подлинникомъ. Одаренный отъ природы необыкновенною памятью, молодой Суворовъ зналъ Вобана почти наизусть (*).

Еще въ юномъ возрастѣ, Суворовъ строго соблюдалъ военную дисциплину. Однажды, стоя съ ружьемъ на караулѣ въ Монъ-плезирѣ, отдалъ онъ честь Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Она спросила: какъ его зовутъ? и пожаловала ему *крестовикъ*; но Суворовъ осмѣлился сказать: «*Всемилостивѣйшая Государыня! Законъ запрещаетъ солдату при-*

(*) См. *Анекдоты Суворова*, издан. Г. Фуксомъ, С. Петерб., 1827 г., стр. 23. — Переводъ Василія Ивановича остался въ рукописи, вѣроятно, по случаю кончины Петра Великаго.

нимать деньги на часахъ.» — «Ай, молодецъ! — произнесла Государыня, потрепавъ его по щекѣ и давъ поцѣловать Ея руку — «Ты знаешь службу. Я пожалую монету здѣсь на землю: возьми, когда смѣнишься.» — Суворовъ почиталъ этотъ день счастливѣйшимъ въ своей жизни, хранилъ даръ Елисаветинъ, какъ святыню, каждый день цѣловалъ его (*).

Медленно возвышался Суворовъ: современные ему Полководцы: Румянцовъ былъ Полковникомъ на девятнадцатомъ году отъ рожденія; Потемкинъ Подпоручикомъ Гвардіи и Камеръ-Юнкеромъ Высочайшаго Двора въ чинѣ Бригадира, на двадцать шестомъ своего возраста; Ренненъ въ тѣхъ же лѣтахъ пожалованъ Полковникомъ. Суворовъ служилъ Капраломъ (1747 г.); Унтеръ-офицеромъ (1749); Сержантомъ (1751) и только въ 1754 году выпущенъ въ армію Поручикомъ; произведенъ черезъ два года въ Оберъ-Провіантмейстеры (1756 г.); потомъ въ Генералъ-Аудиторъ-Лейтенанты и имѣлъ чинъ Премiеръ-Маіора въ 1759 году, когда побѣдоносныя войска наши въ третій разъ вступили въ Пруссію.

Первымъ руководителемъ его на военномъ поприщѣ былъ знаменитый Ферморъ, извѣстный Цорндорфскою побѣдой (**), сражавшійся въ 1759 году подъ предводительствомъ Графа Салтыкова. Суворовъ

(*) См. *Собраніе разныхъ сочиненій Г. Фукса*, издан. въ С. Петерб., 1827 г., стр. 108.

(**) См. о Ферморѣ въ началѣ біографіи Генералъ-Фельдмаршала Графа Петра Семеновича Салтыкова, въ первой части.

участвовалъ въ пораженіи Фридриха Великаго при Франкфуртѣ и сказалъ, когда Главнокомандовавшій повелъ обратно армію за Одеръ: *я бы прямо пошелъ къ Берлину*. Столица Пруссіи была завоевана только въ слѣдующемъ году Генераломъ Тотлебеномъ (1760). Суворовъ служилъ въ то время подъ его начальствомъ.

Въ 1761 году любимецъ славы, будучи Подполковникомъ, находился въ легкихъ войскахъ, ввѣренныхъ Генералъ-Маіору Бергу, который прикрывалъ отступленіе Россійской арміи къ Бреславлю. Подъ Рейхенбахомъ, Суворовъ участвовалъ въ пораженіи Прусскаго Генерала Кноблоха; обратилъ въ пепелъ, въ виду многочисленнаго непріятеля, большой магазинъ съ сѣномъ; потомъ, съ сотнею козаковъ, переправился вплавь чрезъ Нейсу при Дризенѣ; перешелъ ночью шесть Нѣмецкихъ миль къ Ландсбергу; разбилъ городскія ворота; вошелъ въ городъ; захватилъ въ плѣнъ Прусскихъ гусаръ, тамъ находившихся; сжегъ половину моста на Вартѣ. Тогда велѣно ему тревожить Прусскій корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ Платена. Суворовъ, съ тремя гусарскими и четырмя козацкими полками, устремился, чрезъ Регенсвальдъ, къ Колбергу; опередилъ Прусскаго Генерала; ударилъ, подъ Фридбергомъ, изъ лѣса на фланговые его отряды, опрокинулъ ихъ, преслѣдовалъ подъ самыя пушки непріятельскія, захватилъ двѣсти драгунъ и гусаръ; атаковалъ (въ Октябрѣ), въ окрестностяхъ Старгарда, съ саблею въ рукѣ, съ однимъ эскадрономъ драгунъ и нѣсколькими козаками, батальонъ корпуса Генерала Шенкендорфа; ис-

требилъ значительное число Пруссаковъ; остальныхъ, загнавъ въ болото, принудилъ положить оружіе; сразился съ Прусскими драгунами: разбилъ ихъ, взялъ два орудія, двадцать плѣнныхъ и, окруженный многочисленнымъ непріятелемъ, прорубилъ себѣ дорогу; бросилъ пушки, но не плѣнныхъ своихъ. Въ этотъ день Пруссаки потеряли ранеными и плѣнными до тысячи человѣкъ.

Отважность, быстрота, внезапность еще въ то время были принадлежностію Суворова. Онъ имѣлъ разныя стычки съ непріятелемъ: разбилъ Полковника де-ла-Мотъ-Курбіера, командовавшаго авангардомъ Генерала Платена; напалъ, потомъ, на Прусскую конницу, взялъ 800 плѣнныхъ, захватилъ фуражировъ; ворвался съ тремя батальонами въ Глогау, подъ сильнымъ огнемъ Пруссаковъ; гналъ непріятеля въ улицахъ и черезъ мостъ. Тогда убита подъ нимъ лошадь и онъ самъ раненъ отъ рикошета. Вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ атаковалъ близь Нейгартена два Прусскихъ батальона и часть драгунскаго полка съ двумя стами человѣкъ; прорубился между драгунами, ударилъ на батальонъ Принца Фердинанда, положилъ многихъ на мѣстѣ, взялъ болѣе ста человѣкъ въ плѣнъ. Подъ нимъ снова убита лошадь. Эти мужественные подвиги пріобрѣли ему въ слѣдующемъ году (1762) чинъ Полковника Астраханскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ Новой Ладогѣ; въ 1763 году пожалованъ онъ командиромъ Суздальскаго полка, также пѣхотнаго, смѣнившаго Астраханскій. Доказательство, что Суворовъ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ Полководцевъ и

могъ нести всякую службу. Екатерина, при самомъ началѣ, постигла его.

Ему было тогда тридцать четыре года. Потемкинъ, будущій начальникъ его, служилъ еще Камеръ-Юнкеромъ и не имѣлъ значенія при Высочайшемъ Дворѣ; но въ то время, какъ предпріимчивый Царедворецъ, въ послѣдствіи водитель къ побѣдамъ и утонченный Министръ, пролагалъ себѣ дорогу по паркетамъ придворнымъ, Суворовъ приступилъ къ исполненію обдуманнаго имъ плана; рѣшился быть единственнымъ, ни на кого не походить: отличался отъ всѣхъ своими странностями, проказами; старался, по видимому, смѣшить, не улыбаясь, и въ это самое время трунилъ надъ другими, осмѣивалъ порочныхъ или вещь предосудительную, получалъ желаемое или отклонялъ непріятный разговоръ; забавлялъ и кололъ; не боялся простирать, иногда, слишкомъ далеко своихъ шутокъ, ибо онѣ обратились для него въ привычку, удивляли каждаго оригинальностію, переливались въ сердца солдатъ, которые говорили о немъ съ восторгомъ въ лагерѣ и на квартирахъ, любили его языкъ и неустрашимость, были веселы, когда находились съ нимъ. Онъ учредилъ для дѣтей ихъ училище въ Новой-Ладогѣ, выстроилъ домъ на своемъ иждивеніи, и былъ самъ учителемъ Ариѳметики.

Держась правила: *что солдатъ и въ мирное время на войнѣ*, Суворовъ обучалъ воиновъ своихъ разнымъ маневрамъ и весьма желалъ показать имъ штурмъ. Мысль эта пришла ему въ голову, когда онъ проходилъ съ полкомъ мимо одного монастыря:

въ пылу воображенія, тотчасъ составилъ онъ планъ къ приступу и полкъ, исполняя повелѣнія его, бросился по всѣмъ правиламъ штурма, овладѣлъ монастыремъ. Екатерина пожелала увидѣть чудака. *Это первое свиданіе* — говорилъ Суворовъ — *проложило ему путь къ славѣ* (*).

Прошло шесть лѣтъ по окончаніи военныхъ дѣйствій въ Пруссіи и Суворовъ, съ чиномъ Бригадира (1768 г.), отправленъ, въ половинѣ Ноября, съ величайшею поспѣшностію къ Польскимъ границамъ. Не смотря на едва замерзшія рѣки и болота, онъ въ мѣсяцъ прошелъ съ ввѣренною ему бригадой тысячу верстъ (238 миль); зимою продолжалъ обучать солдатъ стрѣлять въ цѣль, дѣйствовать штыками; совершалъ съ ними ночные переходы, дѣлалъ фальшивыя тревоги. Въ слѣдующемъ году (1769), Суворовъ двинулся къ Оршѣ, потомъ къ Минску, командуя авангардомъ корпуса Генералъ-Поручика Нумерса, котораго въ скоромъ времени смѣнилъ Генералъ Веймарнъ. Тогда продолжалась въ Польшѣ война конфедератовъ. Суворовъ получилъ приказаніе идти къ Варшавѣ съ Суздальскимъ полкомъ и двумя драгунскими эскадронами; раздѣлилъ войска свои на двѣ колонны и въ двѣнадцать дней перешелъ шестьсотъ верстъ, явился подъ Прагою. Онъ, безъ пролитія крови, отдѣлилъ отъ конфедератовъ два уланскихъ полка, Пеліаки и Корсинскаго; разбилъ близъ Варшавы Котелуповскаго; въ Литвѣ обоихъ Пулавскихъ, разсѣявъ ихъ войска, которыя состояли изъ

(*) См. *Анекдоты Суворова*, изд. Г. Фуксомъ, стр. 115.

шести тысячь человѣкъ; награжденъ чиномъ Генералъ-Маіора (1770 г.).

Въ Апрѣлѣ (1770), Суворовъ, переправясь чрезъ Вислу съ двумя ротами, тремя эскадронами и двумя пушками, пошелъ ночью къ Клементову: встрѣтился съ Мошинскимъ, расположившимъ, близь лѣса, тысячу человѣкъ конницы въ боевый порядокъ при шести орудіяхъ и, не взирая на безпрестанную пальбу, опрокинулъ штыками ряды непріятельскіе, преслѣдовалъ Поляковъ, захватилъ ихъ пушки; разбилъ вторично, при Опатовѣ, Мошинскаго, получившаго подкрѣпленіе; взялъ въ плѣнъ до двухъ сотъ человѣкъ; награжденъ (въ Сент.) орденомъ Св. Анны. Тогда Суворовъ былъ боленъ около трехъ мѣсяцевъ, получивъ сильный ударъ въ грудь объ понтонъ, при переправѣ черезъ Вислу.

Новыя побѣды вѣнчали его въ 1771 году. Онъ выступилъ, въ Мартѣ, изъ Люблина съ четырмя ротами пѣхоты, нѣсколькими пушками и съ пятью эскадронами; переправился чрезъ Вислу у Сендомира; разбилъ отдѣльныя партіи конфедератовъ, атаковалъ Ландскрону, овладѣлъ городомъ, не смотря на сильное сопротивленіе, но не могъ взять замка. Въ этомъ дѣлѣ шляпа и мундиръ Суворова были прострѣлены пулями. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вступилъ, неожиданно, въ городъ Казиміръ, захватилъ въ плѣнъ лучшій Польскій эскадронъ Маршала Жабы; разсѣялъ конфедератовъ, которые нѣсколько дней осаждали три роты его полка въ Красникѣ; переправился вплавь чрезъ рѣку Дунаецъ; занялъ Краковъ; овладѣлъ въ разстояніи на одну милю отъ этого

города редутомъ, въ которомъ находились двѣ пушки и сто человѣкъ; разбилъ, обратилъ въ бѣгство четырехъ тысячный отрядъ конфедератовъ; преслѣдовалъ ихъ до предѣловъ Шлезіи; положилъ на мѣстѣ пятьсотъ человѣкъ; взялъ въ плѣнъ двѣсти; сразился съ Пулавскимъ у Замостья: опрокинулъ своею кавалеріей пѣхоту его; разсѣялъ близь Красностава отрядъ Полковника Новицкаго; награжденъ военнымъ орденомъ Св. Георгія третьяго класса (Авг. 19).

Около этого времени Императрица опредѣлила Главнокомандующимъ расположенныхъ въ Польшѣ войскъ, вмѣсто Веймарна, Генералъ-Поручика Александра Ильича Бибикова, начальствовавшаго, до того, полкомъ на Цорндорфскомъ сраженіи (1758 г.); раненаго при Франкфуртѣ (1759); одержавшаго совершенную побѣду при городѣ Трептау надъ Прусскимъ Генераломъ Вернеромъ (1760); славнаго, въ послѣдствіи, пораженіемъ полчищъ Пугачева. Конфедератами управлялъ тогда извѣстный Косаковскій, который волновалъ умы своими огненными обнародованіями, именовался *Литовскимъ Гражданиномъ* и самопроизвольно жаловалъ въ Маршалы; одѣвалъ въ черные мундиры формируемыя имъ войска; возмутилъ всѣ регулярные полки Польскіе; имѣлъ въ товарищахъ великаго Гетмана Литовскаго Графа Огинскаго. Суворовъ рѣшился самъ собою предупредить соединеніе ихъ и съ девятью стами воиновъ напалъ, 12 Сентября, при Столовичахъ, на пятитысячное войско Огинскаго, разбилъ его, овладѣлъ двѣнадцатью пушками, Гетманскимъ жезломъ, многи-

ми знаменами, взялъ въ плѣнъ болѣе семисотъ человѣкъ, въ томъ числѣ тридцать Штабъ и Оберъ-офицеровъ и Дежурнаго Генерала Литовскаго Гетмана. Послѣдній едва успѣлъ ускакать отъ преслѣдовавшихъ его двухъ козаковъ, удалился, потомъ, въ Данцигъ. Косаковскій бѣжалъ въ Венгрію. Мѣсто битвы усѣяно было трупами непріятельскими. Поляки потеряли до тысячи человѣкъ убитыми; мы лишились только 80 человѣкъ; но около 400 перерано (*). Суворовъ, въ чинѣ Генералъ-Маіора, награжденъ (20 Дек.) орденомъ Св. Александра Невскаго, котораго не имѣлъ еще Главнокомандующій Бибиковъ и Потемкинъ, служившій тогда подъ знаменами Румянцова.

Неожиданное событіе постигло Суворова въ 1772 году: Полковникъ Штакельбергъ, человѣкъ уже немолодыхъ лѣтъ, начальствовалъ въ Краковѣ и преданный нѣгѣ, надѣясь на сильное покровительство, лежалъ у ногъ прекраснаго пола, раболѣбствовалъ, думая повелѣвать. Одна женщина, подъ видомъ человѣколюбія, уговорила его свесть часовыхъ отъ подземнаго прохода, сдѣланнаго для выбрасыванія нечистоты. Французы, высланные въ Польшу на помощь конфедератамъ, составили заговоръ противъ безпечнаго градодержателя и, нарядясь въ бѣлую одежду Ксензовъ, прокрались ночью, чрезъ оставленное отверстіе,

(*) Фридрихъ Великій, упоминая въ твореніяхъ своихъ о Сталовичскомъ сраженіи, *совѣтовалъ Полякамъ остерегаться Суворова, чтобы вторично не попасться ему въ руки.*

въ Краковскій замокъ съ 21 на 22 Января. Неусыпные козаки первые примѣтили обманъ и произвели стрѣльбу. Мятежники и заговорщики быстро напали на часовыхъ и всѣхъ изрубили. Узнавъ оплошность свою, Штакельбергъ старался отразить непріятеля, но принужденъ былъ оставить замокъ. Главнокомандующій сдѣлалъ замѣчаніе Суворову, который поклялся отомстить Французамъ: немедленно осадилъ Краковъ; покушался (18 Февр.) взять замокъ приступомъ, но не имѣлъ успѣха; держалъ его въ осадѣ до половины Апрѣля; сдѣлалъ въ двухъ мѣстахъ проломъ и принудилъ, въ исходѣ мѣсяца, Французскаго Коменданта Шоази положить оружіе, объявить себя и весь гарнизонъ плѣнными. Наказывая Французовъ за употребленную ими хитрость, Суворовъ заставилъ ихъ выдти тѣмъ самымъ нечистымъ проходомъ, которымъ они прокрались въ замокъ; а уважая мужественную оборону, возвратилъ офицерамъ шпаги, пригласилъ ихъ къ обѣду и, потомъ, отправилъ въ Люблинъ. Уронъ нашъ въ продолженіе осады простирался до двухъ сотъ человѣкъ убитыхъ и до четырехъ сотъ раненыхъ. Вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ овладѣлъ Заторомъ (въ двѣнадцати миляхъ отъ Кракова), велѣлъ взорвать тамошнія укрѣпленія и взялъ двѣнадцать пушекъ. Императрица изъявила ему Свое благоволеніе въ милостивомъ рескриптѣ отъ 12 Мая; пожаловала тысячу червонныхъ, а на войско его десять тысячь рублей.

Кончилась война съ конфедератами и Суворовъ, надѣявшійся увидѣть берега Дуная, получилъ другое назначеніе: перемѣщенъ въ корпусъ Генералъ-

Поручика Эльмта, которому приказано было идти къ границамъ Швеціи (*). Онъ писалъ тогда къ Бибикову изъ Вильны: «Съ сожалѣніемъ оставляю «этотъ край, гдѣ желалъ дѣлать только добро или, «по крайней мѣрѣ, всегда о томъ старался. Безуко«ризненная моя добродѣтель услаждается одобреніемъ «моего поведенія. Но когда разсматриваю неправед«ныхъ оскорбителей моей невинности, начинаю сво«боднѣе дышать. Какъ честный человѣкъ оканчиваю «здѣсь мое поприще и отъ нихъ избавляюсь. Жен«щины управляютъ здѣшнею страною, какъ и вездѣ. «Мнѣ не доставало времени заниматься съ ними, и «я страшился ихъ, не чувствовалъ въ себѣ доста«точной твердости защищаться отъ ихъ преле«стей (**)».

Суворовъ — по собственнымъ его словамъ — готовился *сражаться среди льдовъ, шелъ туда, какъ солдатъ* (***); но слава ожидала его не на Сѣверѣ. Екатерина поручила ему (1773 г.) обозрѣть Финляндскую границу и узнать мнѣніе тамошнихъ жителей о послѣдовавшей перемѣнѣ въ правленіи Шведскомъ (****). Тогда имѣлъ онъ случай перейти въ ар-

---

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Эльмта.

(**) См. *Жизнь Суворова*, изд. Г. Глинкою 1819 г., стр. 47 и 49.

(***) Тамъ же, стр. 55.

(****) Въ половинѣ 1772 года Густавъ III сдѣлался почти самодержавнымъ Государемъ, въ противность коренныхъ законовъ.

мію Задунайскаго, поступилъ въ корпусъ Генералъ-Аншефа Графа Салтыкова (*).

Первый шагъ Суворова въ предѣлахъ Турціи ознаменованъ побѣдой. Салтыковъ отрядилъ его къ Туртукаю: онъ въ одну ночь прискакалъ на почтѣ въ Негоиштъ, въ три дни осмотрѣлъ мѣстоположеніе, все устроилъ и, не взирая на приказаніе Румянцова отступить, рѣшился ослушаться его, овладѣлъ (10 Мая) Туртукаемъ, прекратилъ Туркамъ сообщеніе между Силистріей и Рущукомъ, обезопасилъ отряды, посылаемые отъ устья Аргиса и, вмѣсто обыкновеннаго донесенія, увѣдомилъ Румянцова стихами:

«Слава Богу! слава вамъ!
«Туртукай взятъ и я тамъ.»

Задунайскій представилъ Императрицѣ оригинальный рапортъ: «какъ безпримѣрный *лаконизмъ* без«примѣрнаго Суворова» — ; но, вмѣстѣ, долженъ былъ предать ослушника суду. «Римъ — говорилъ, потомъ, Суворовъ—«меня-бы казнилъ. Военная Кол«легія поднесла докладъ, въ которомъ Секретарь ея «не выпустилъ ни одного закона на мою погибель; «но Екатерина написала: *побѣдителя судить не долж«но* и *я* остался въ арміи на служеніи моей Спаси«тельницѣ (**).» — Военный орденъ Св. Георгія большаго креста втораго класса увѣнчалъ (30 Іюня) его знаменитый подвигъ.

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Ивана Петровича Салтыкова.

(**) См. *Анекдоты Суворова*, изд. Г. Фуксомъ. стр. 114.

Туртукай, отданный на жертву солдатамъ, былъ обращенъ ими въ пепелъ. Съ нашей стороны убито 60 человѣкъ; ранено 150. Суворовъ увезъ десять знаменъ и шесть мѣдныхъ пушекъ изъ числа отнятыхъ у непріятеля; бросилъ въ Дунай восемь тяжелыхъ орудій; овладѣлъ 50 судами; укрѣпилъ монастырь Негоешти; но, обучая войска свои, не смотря на полученную имъ контузію въ ногу, разстроилъ здоровье, занемогъ лихорадкою и отправился въ Букарестъ для излѣченія.

Герой перемѣнилъ тогда образъ войны: въ Польшѣ, усмиряя непріятеля, охранялъ онъ селенія; въ Турціи желалъ, чтобы одно имя его приводило въ трепетъ невѣрныхъ и достигнулъ цѣли своей.

Онъ, снова, выступилъ на поле брани, чувствуя еще чрезвычайную слабость, поддерживаемый двумя солдатами: переправился ночью на правый берегъ Дуная, овладѣлъ, 17 Іюля, нѣсколькими шанцами непріятельскими, лагеремъ Турецкимъ, 18 мѣдными пушками, 26 лодками. Уронъ Турокъ простирался до двухъ тысячь человѣкъ; въ числѣ убитыхъ находился храбрый Сари-Мехметъ Паша, извѣстный силою и красотой своей. Суворовъ предалъ тѣло его землѣ съ должными военными почестями. Побѣда эта, одержанная во время неудачнаго покушенія на Силистрію, обрадовала Задунайскаго: такъ умѣлъ Суворовъ, пользуясь случаями, соединять славу свою съ славой главнаго Предводителя нашихъ войскъ.

Подъ Гирсовымъ ожидало Турокъ, 3 Сентября, новое пораженіе: ихъ войско простиралось до одиннадцати тысячь; Суворовъ имѣлъ: три эскадрона гу-

саръ, сто козаковъ, четыре пѣхотныхъ полка и нѣсколько орудій. Онъ заманилъ непріятеля къ укрѣпленному стану своему и когда невѣрные, преслѣдуя бѣжавшихъ, покушались ворваться на валъ, вдругъ двинулись штыки Рускіе, опрокинули ихъ, между тѣмъ какъ пѣхотный полкъ Князя Гагарина, обойдя высоту, напалъ кареемъ на лѣвое крыло Турецкое, а Баронъ Розенъ врубился въ ряды Музульманъ съ конницею. Турки, наступавшіе строемъ, по примѣру Европейскому, и не привыкшіе сражаться такимъ образомъ, не могли выдержать сильнаго натиска противниковъ, смѣшались, приведены были въ совершенный безпорядокъ, обратились въ бѣгство, преслѣдуемые побѣдителями за тридцать верстъ. Болѣе тысячи человѣкъ пало на мѣстѣ битвы, въ томъ числѣ двое Пашей. Съ нашей стороны ранено двѣсти человѣкъ. Трофеи того дня состояли изъ восьми пушекъ, одной мортиры и девяти знаменъ; въ плѣнъ взято около ста человѣкъ. Суворовъ произведенъ былъ въ Генералъ-Поручики.

Онъ содѣйствовалъ въ 1774 году Каменскому въ одержаніи (9 Іюня) блистательной побѣды подъ Козлуджи надъ сорока-тысячнымъ Турецкимъ корпусомъ (*). Два героя сражались единодушно, хотя не любили другъ друга: одинъ завидовалъ славѣ младшаго товарища; другой, чувствуя свое превосходство, тяготился подчиненностію. — Вскорѣ Кочукъ-Кайнарджійскій договоръ положилъ (10 Іюля) конецъ кровопролитной брани.

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа М. Ѳ. Каменскаго.

Умолкли громы на берегахъ Дуная и еще продолжались въ нѣдрахъ нашего Отечества: Донской козакъ, служившій въ Турецкую войну, бѣжавшій, потомъ, въ Польшу, укрывавшійся между раскольниками, явился на Яикѣ; началъ возмущать тамошнихъ козаковъ; пойманъ; бѣжалъ, снова, на Яикъ изъ темницы Казанской (1773 г.); дерзнулъ выдавать себя Императоромъ Петромъ III и съ горстію отчаянныхъ сообщниковъ началъ опустошительныя свои дѣйствія: вступилъ въ Илецкій городокъ; взялъ приступомъ крѣпость Разсыпную; овладѣлъ крѣпостями: Нижне-Озерною, Татищевою, Черноречеиской, Пречистенскою; принятъ въ Сакмарскомъ городкѣ съ колокольнымъ звономъ и дарами; осадилъ Оренбургъ; ворвался въ крѣпость Ильинскую; занялъ крѣпости Тоцкую и Сарачинскую; потерпѣлъ совершенное пораженіе отъ храбраго Генералъ-Маіора Князя Голицына (1774 г.) (*); бѣжалъ за рѣку Сакмару въ степь; собралъ новую сволочь; занялъ Сакмарскій городокъ; возмутилъ Башкирцевъ; разорилъ Магнитную крѣпость; устремился къ Карагайской Уральскими

(*) Князь Петръ Михайловичь Голицынъ, родный племянникъ славнаго Генералъ-Фельдмаршала временъ Петра Великаго, извѣстенъ уже былъ военными своими подвигами въ Польшѣ противъ конфедератовъ; имѣлъ орденъ Св. Георгія 3 класса. Императрица наградила его Александровскою лентой за пораженіе Пугачева, пожаловала ему двѣ тысячи крестьянъ, произвела, потомъ, въ Генералъ-Поручики; но, вскорѣ, сдѣлался онъ жертвою зависти и палъ, на поединкѣ, въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты, 11 Ноября 1775 года.

горами; обратилъ ее въ пепелъ; разорилъ, сжегъ крѣпости: Петрозаводскую, Степную, Троицкую; разбитъ на голову Генералъ-Поручикомъ Де-Колонгомъ и, потомъ Михельсономъ (*); удалился къ Башкирцамъ; собралъ свѣжее войско: завладѣлъ, на рѣкѣ Камѣ, большимъ дворцовымъ селомъ Каракули-

(*) Иванъ Ивановичь Михельсонъ, Лифляндскій уроженецъ, тяжело раненый въ Франкфуртской битвѣ (1759 г.) и на Кагульскомъ сраженіи (1770 г.); оказавшій въ Польшѣ рѣдкія и великія дарованія воинскія, пожалованъ за свои подвиги противъ самозванца: Полковникомъ, кавалеромъ Св. Георгія 3 класса, Шефомъ кирасирскаго полка военнаго ордена и получилъ еще золотую шпагу, украшенную брилiантами, тысячу крестьянъ, значительную сумму денегъ (1775 г.). Въ послѣдствіи удостоенъ онъ чина Генералъ-Маіора, и ордена Св. Александра Невскаго (1778 г.); произведенъ въ Генералъ-Поручики (1786 г.); служилъ съ честію въ Шведскую войну подъ главнымъ начальствомъ Графа-Мусина-Пушкина (1788 и 1789 г.); возведенъ Императоромъ Павломъ I въ достоинство Генерала отъ Кавалеріи; управлялъ при Императорѣ Александрѣ Новороссійскимъ краемъ и Бѣлоруссіею; получилъ Андреевскій орденъ (1806 г.); пожалованъ Главнокомандующимъ Днѣстровской арміи: овладѣлъ Суллинскимъ проходомъ въ Дунай (1807); отразилъ осмнадцати тысячный корпусъ Турецкій, высланный противъ него изъ Журжи; разбилъ подъ Измаиломъ Пегливана Пашу; скончался въ Букарестѣ 19 Августа 1807 года, оплакиваемый арміею, какъ храбрый вождь и добрый начальникъ; былъ первый партизанъ на войнѣ, искусный кавалеристъ и, вмѣстѣ, ловкій царедворецъ.

нымъ; выжегъ городокъ Осу; разорилъ до основанія казенные винокуренные заводы: Ижевскій и Воткинскій; взбунтовалъ работниковъ; осадилъ Казань: ворвался въ городъ, предалъ его огню и мечу, готовился овладѣть крѣпостью, былъ обращенъ въ бѣгство, преслѣдованъ мужественнымъ Михельсономъ; возмутилъ Заволжскихъ жителей; ограбилъ Цывильскъ и Курмышъ; опустошилъ: Алатырь, Саранскъ, Пензу, Петровскъ и Саратовъ; умерщвлялъ вездѣ градодержателей, духовныхъ, чиновниковъ, купцовъ, дерзавшихъ противиться ему.

Въ это время Императрица ввѣрила главное начальство надъ войсками, высланными противъ Пугачева, Графу Петру Ивановичу Панину, который готовился тогда идти на встрѣчу бунтовщикамъ съ вооруженными служителями, намѣревался, присоединясь къ первой командѣ, подчинить себя младшему его чиномъ (*). Устрашенный именемъ Панина, самозванецъ, бывшій свидѣтелемъ завоеванія Бендеръ — бѣжалъ изъ Саратова къ Царицыну, преслѣдуемый, тѣснимый на всѣхъ пунктахъ.

Въ числѣ вождей, подчиненныхъ Панину, который въ одинъ мѣсяцъ даровалъ спокойствіе и тишину Россіи — находился Суворовъ. Военная Коллегія, еще въ продолженіе Турецкой войны, вызывала героя на новый подвигъ, видя важность возмущенія, но Румянцовъ удержалъ его въ своей арміи, чтобы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о вну-

(*) См. объ этомъ знаменитомъ мужѣ въ біографіи Генер. Фельдм. Графа Петра Семеновича Салтыкова.

тренних безпокойствахъ Государства. — «Такова «была слава Суворова!» — восклицаетъ Пушкинъ въ Исторіи Пугачевскаго бунта (*). Кончилась война и Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно явиться къ Графу Панину. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева; переправился чрезъ Волгу въ Царицынѣ; взялъ, подъ видомъ наказанія, въ одной изъ бунтовавшихъ деревень, пятьдесять паръ воловъ и съ этимъ запасомъ углубился въ пространную степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Тамъ скитался Пугачевъ. Злодѣй надѣялся еще укрыться между Киргизами отъ заслуженной казни, продолжалъ обманывать сообщниковъ; но послѣдніе лишились терпѣнія и выдали своего предводителя Яицкому Коменданту Симонову, славному обороною ввѣренной ему крѣпости, которую мятежники держали въ тѣсной осадѣ семь мѣсяцевъ; отразившему, съ горстію людей, два приступа самозванца; утолявшему голодъ лошадинымъ мясомъ, овчинными кожами, костями и, наконецъ, землею! . . . .

Суворовъ, поспѣшая къ тѣмъ мѣстамъ, сбился ночью съ дороги, и нашелъ на огни; напалъ неожиданно на ворующихъ Киргизовъ; разсѣялъ ихъ; прибылъ черезъ нѣсколько дней въ Яицкій городокъ; принялъ Пугачева; посадилъ его въ деревянную клѣтку на двуколесной телѣгѣ; окружилъ силь-

(*) Часть I, стр. 157.

нымъ отрядомъ при двухъ пушкахъ; не отлучался отъ него; самъ караулилъ ночью и, въ началѣ Октября, сдалъ въ Симбирскѣ Графу Панину. Въ Москвѣ совершилась казнь надъ самозванцемъ 10 Января 1775 года.

Вскорѣ въ древней столицѣ, осчастливленной присутствіемъ Екатерины, праздновали (10 Іюля) миръ съ Портою Оттоманской. Суворовъ былъ награжденъ золотою шпагой, осыпанною бриліантами и наименованъ, потомъ, начальникомъ С. Петербургской дивизіи.

Тогда Потемкинъ, съ которымъ сравнялся было Суворовъ на полѣ чести, вдругъ предпріимчивымъ умомъ и отважностію опередилъ многихъ, сдѣлался главнымъ вельможею въ Государствѣ и, среди нѣги и роскоши, приступилъ къ исполненію гигантскихъ предпріятій относительно изгнанія невѣрныхъ изъ Европы. Войска наши вступили въ Крымъ подъ предводительствомъ Князя Прозоровскаго (1776 г.). Явился Суворовъ и разсѣялъ (1777) скопища Хана Девлетъ-Гирея, преданнаго Портѣ; заставилъ его бѣжать въ Константинополь; содѣйствовалъ Прозоровскому въ утвержденіи Ханомъ Шагинъ-Гирея, малодушнаго и неспособнаго управлять народомъ, котораго политическое существованіе исчезло съ возстановленіемъ мнимой независимости. Турція готовилась къ новой войнѣ. Суворовъ укрѣпилъ правый берегъ Кубани; сдѣлалъ также укрѣпленія въ разныхъ пунктахъ полуострова и даже въ горахъ. Въ началѣ 1778 года Князь Прозоровскій отозванъ въ Петербургъ и войска, находившіяся въ Крыму, были

ввѣрены Суворову. Турецкій флотъ, подъ предводительствомъ Капитана Паши крейсировалъ въ Черномъ морѣ, подступилъ къ берегу Крыма, угрожалъ высадкою и удалился безъ боя. Между тѣмъ неутомимый Полководецъ занялся переселеніемъ двадцати тысячь Грековъ и Армянъ въ Екатеринославскую губернію. Духовенство содѣйствовало ему; но Министры, управлявшіе новымъ Ханомъ, явно возстали противъ распоряженія, долженствовавшаго уменьшить получаемые ими доходы. Суворовъ окружилъ жилище ихъ солдатами, приставилъ пушку и Министры на все согласились (*). Въ половинѣ 1779 года Порта признала Шагинъ-Гирея Ханомъ; Суворовъ выѣхалъ изъ Крыма, вслѣдъ за тѣмъ присоединеннаго къ Имперіи. Государыня наградила труды его: табакеркою съ портретомъ Ея, осыпаннымъ бриліантами; возложила на него въ Петербургѣ, бриліантовую звѣзду Александровскаго ордена, которую сама носила на орденской одеждѣ; назначила командиромъ Малороссійской дивизіи. Въ 1780 году онъ осмотрѣлъ, по приказанію Императрицы, берега Каспійскаго моря; переведенъ былъ, потомъ, въ Казанскую дивизію (1781 г.); наименованъ командиромъ пятаго корпуса, расположеннаго на Кубани (1782 г.).

Дѣятельно вспомоществовалъ Суворовъ Потемкину въ знаменитыхъ предпріятіяхъ: ласками, дарами и угощеніемъ склонилъ онъ Нагайскихъ Татаръ къ принятію Россійскаго подданства (1783 г.); награжденъ орденомъ Св. Владиміра большаго креста пер-

(*) *Побѣды Суворова*, изд. 1809, ч. 2, стр. 23.

вой степени (28 Іюля); разбилъ Нагайцевъ, возмущенныхъ Шагинъ-Гиреемъ; привелъ ихъ въ повиновеніе.

Россія наслаждалась миромъ и Суворовъ, обучавшій въ это время ввѣренныя ему войска Владимірской и С. Петербургской дивизій, пожалованъ былъ Генералъ-Аншефомъ въ 1786 году. Вскорѣ Императрица предприняла путешествіе въ полуденный край (1787 г.) (*); Суворовъ находился въ Малороссіи. Она спросила его въ Кременчугѣ: «не имѣетъ ли «онъ какой просьбы?» — Заслуженный воинъ бросился къ ногамъ Государыни и умолялъ *о заплатѣ за нанятую имъ въ томъ городѣ квартиру*. Въ тотъ же день выдано ему изъ казны, по его показанію, двадцать пять рублей съ копѣйками (**), но вслѣдъ за тѣмъ удостоился онъ получить табакерку съ вензеловымъ именемъ Императрицы, осыпанную бриліантами. Тогда ввѣрены ему были войска, стоявшія въ Херсонѣ и въ Кинбурнѣ. Разрывъ съ Турціей казался неизбѣжнымъ. Суворовъ, всегда дѣятельный и осторожный, укрѣплялъ берега Днѣпра, особливо Буга, на которомъ было много удобныхъ переправъ; приказалъ заложить передъ гаванью Глубокою большую батарею о двадцати четырехъ 18 и 24 фунтовыхъ пушкахъ, для защищенія обоихъ фарватеровъ; а на островѣ подъ Херсономъ построилъ пять батарей съ меньшимъ числомъ пушекъ, для произведенія кре-

(*) См. объ этомъ путешествіи въ біографіи Князя Потемкина-Таврическаго.

(**) См. *Анекдоты Суворова*, изд. Фуксомъ, стр. 177.

стообразнаго огня; старался также о безопасности полуострова Кинбурнскаго. Городъ былъ окруженъ ничтожными стѣнами, землянымъ гласисомъ, мѣлкимъ рвомъ. Суворовъ остался въ Кинбурнѣ, предвидя нападеніе.

Турки, дѣйствительно, при самомъ началѣ войны, намѣревались овладѣть Кинбурномъ, какъ слабымъ укрѣпленіемъ; потомъ надѣялись ворваться въ Херсонъ и Крымъ; располагали сжечь корабли наши. Предводимые Французскими офицерами, они приплыли, 30 Сентября, къ Косѣ и начали укрѣпляться. Войска Суворова состояли только изъ 1000 человѣкъ, къ которымъ подоспѣли 4 козачьихъ полка и еще 1000 человѣкъ конницы. Число Турокъ, вступившихъ на берегъ, 1-го Октября, простиралось до 6 тысячь. Главный предводитель ихъ, Юсъ-Паша, знавшій совершенно Кинбурнъ, рѣшился побѣдить или умереть, велѣлъ своимъ перевознымъ судамъ удаляться. Турки начали бомбардировать; но имъ не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ изъ крѣпости; копали ложементы, безъ всякаго препятствія съ нашей стороны. Суворовъ далъ приказаніе *дѣйствовать, когда непріятель подойдетъ на двѣсти шаговъ;* назначилъ сигналомъ залпъ со всѣхъ крѣпостныхъ полигоновъ, находившихся на той сторонѣ; между тѣмъ молился въ церкви, велѣлъ, когда кончилась литургія, пѣть молебенъ. Въ часъ по полудни Турецкій авангардъ подошелъ къ назначенному разстоянію; сигналъ былъ данъ: Полковникъ Иловайскій, съ двумя козачьими полками и двумя эскадронами легкой конницы, объѣхавъ крѣпость съ

лѣвой стороны по берегу Чернаго моря, напалъ на непріятельскія войска, которыя состояли изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, несшихъ лѣстницы, изрубилъ ихъ, въ томъ числѣ Юсъ-Пашу, не хотѣвшаго сдаться. Между тѣмъ Орловскій пѣхотный полкъ, предводимый Генералъ-Маіоромъ Рекомъ, сдѣлалъ вылазку изъ крѣпости и устремился на непріятеля съ правой стороны, проложилъ себѣ штыками дорогу въ ложементы, очистилъ половину оныхъ, подъ громомъ шести сотъ орудій съ Турецкихъ кораблей. Въ это время храбрый Рекъ, опасно раненый, былъ вынесенъ за фрунтъ. Суворовъ подкрѣпилъ сражавшихся батальономъ Козловскаго полка, но со всѣмъ тѣмъ, Рускіе отступили; герой остался впереди съ горстію людей. Мушкатеры бросились выручать своего Генерала; подъ нимъ убита тогда лошадь; уже одинъ Турка готовился поразить его, какъ былъ поверженъ на землю унтеръ-офицеромъ Новиковымъ. Наши сражались еще нѣкоторое время, но, подавляемые силою, принуждены были отступить. Суворовъ, не смотря на полученную имъ рану картечью въ бокъ, вывелъ свѣжія войска. Отчаянная битва возобновилась въ третій разъ. Побѣда казалась на сторонѣ Турокъ, какъ вдругъ подоспѣли къ нашимъ десять эскадроновъ легкой конницы, стоявшихъ въ тридцати верстахъ за Кинбурномъ. День склонился уже къ вечеру. Пѣхота, получивъ подкрѣпленіе, ударила на непріятеля съ большимъ ожесточеніемъ; козаки устремились во фланги. Турки, ободряемые дервишами, продолжали нападеніе, бросались съ отчаяніемъ

въ ряды наши. Суворовъ былъ, снова, раненъ пулею въ лѣвую руку, но не оставилъ поля сраженія. Вскорѣ сдѣлалось совершенно темно: въ девятомъ часу присоединились еще триста человѣкъ Муромскаго полка, лишь только прибывшіе изъ Херсона и рѣшили побѣду. Турки отступили къ морю, оборонялись съ полчаса и, потомъ, принуждены были искать спасенія въ волнахъ, гдѣ погибло ихъ множество. Въ десять часовъ все утихло.

Потеря наша убитыми простиралась до двухъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ десять Штабъ и Оберъ-офицеровъ; ранено восемьсотъ. Изъ шести тысячь Турокъ, высадившихъ на берегъ, едва десятая часть спаслась отъ пораженія. Императрица, получивъ донесеніе Князя Потемкина объ одержанной побѣдѣ Суворовымъ, принесла (17 Окт.) благодареніе Всевышнему съ пушечною пальбой и сказала, потомъ, приближеннымъ: «*Александръ Васильевичь поставилъ «насъ на колѣни; но жаль, что старика ранили* (*).» Она собственноручнымъ рескриптомъ благодарила его, на другой день, за оказанные имъ и ввѣреннымъ ему войскомъ мужественные подвиги; изъявила искреннее соболѣзнованіе о полученныхъ Суворовымъ ранахъ; желала скораго выздоровленія и, вслѣдъ за тѣмъ, наградила его (9 Ноября) орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, *который онъ*— по выраженію Екатерины—*заслужилъ вѣрою и вѣр-*

(*) См. *Памятныя Записки Храповицкаго* въ Отечеств. Запискахъ Г. Свиньина.

ностію (*); препроводила къ нему шесть Георгіевскихъ крестовъ, *для раздачи, по собственному его выбору, отличившимся офицерамъ.* — Суворовъ писалъ (20 Декабря), изъ Кинбурна, къ своей дочери, которая еще воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ: «У насъ были драки сильнѣе, нежели вы деретесь «за волосы; а какъ въ правду потанцовали, въ бо«ку пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули «дырочка, да подо мной лошади мордочку отстрѣ«лили: насилу часовъ чрезъ восемь отпустили съ «театра въ камеру. Я теперь только, что возвратил«ся; выѣздилъ близь пятисотъ верстъ верхомъ, въ «шесть дней и не ночью. Какъ же весело на Чер«номъ морѣ, на Лиманѣ! вездѣ поютъ лебеди, утки, «кулики; по полямъ жаворонки, синички, лисички, «а въ водѣ стерледи, осетры: пропасть! Прости, мой «другъ Наташа и проч.»

Въ 1788 году, Потемкинъ повелъ ввѣренную ему армію къ Очакову. Еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Суворовъ вызывался овладѣть этою крѣпостью, но получилъ отказъ. 28 Августа, преслѣдуя Турокъ, сдѣлавшихъ вылазку, онъ, въ жару сраженія, съ нѣсколькими гренадерскими батальонами ворвался въ непріятельскій ретраншаментъ, почти овладѣлъ онымъ, но былъ раненъ пулею, которая попала на два пальца отъ горла и остановилась въ затылкѣ. Тогда нѣсколько сотъ человѣкъ погибли, во время безпорядочнаго отступленія.

(*) Девизъ ордена.

Герой находился у вратъ смерти; пуля вынута; онъ велѣлъ везти себя въ Кинбурнъ; занемогъ горячкою; сдѣлалось воспаленіе; прибѣгнули къ новой операціи: вырѣзали изъ раны нѣсколько кусковъ сукна и подкладки отъ мундира, которыхъ не примѣтили при первой перевязкѣ. Ожидали кончины страдальца; но благодѣтельный сонъ возвратилъ ему силы и опасность миновалась. Во все время лѣченія, которое продолжалось три недѣли, Суворовъ не лежалъ въ постелѣ; уже начиналъ выздоравливать, какъ одна бомба, изъ числа взорванныхъ отъ загорѣвшагося пороховаго магазина, разбила часть стѣны той комнаты, въ которой онъ находился: Суворовъ еще слабый на ногахъ, хотѣлъ выдти и былъ засыпанъ множествомъ щепъ, раненъ ими въ лицо, въ грудь и въ колѣно.

Къ тѣлеснымъ страданіямъ присоединились душевныя, которыя болѣе первыхъ подавляютъ человѣка: «Мнѣ странно — писалъ гордый Князь Тавриды къ безстрашному Полководцу — «что въ присутствіи моемъ дѣлается движеніе безъ моего приказанія пѣхотою и конницею..... Извольте меня «увѣдомлять, что у васъ происходить будетъ; а не «такъ, что даже и не прислали мнѣ сказать о движеніи *впередъ.*» — Суворовъ заговорилъ: что желаетъ удалиться въ Москву *для лучшаго излѣченія ранъ.* — «Невинность не терпитъ оправданій — отвѣчалъ онъ Потемкину. — «*Всякій имѣетъ свою систему*, — *такъ и по службѣ я имѣю мою.* — Мнѣ «не переродиться, — и поздо! Свѣтлѣйшій Князь! «успокойте остатки моихъ дней! — Шея моя не оцарапана, — чувствую сквозную рану, — тѣло изло-

«мано. — Коли вы не можете побѣдить свою немилость, удалите меня отъ себя. — *Добродѣтель всегда гонима.* — Вы вѣчны, вы кратки!» — Такъ, стараясь смягчить оскорбленнаго вельможу, герой напоминалъ ему о смерти, которая прерываетъ навсегда земное значеніе.... Потемкинъ забылъ прошедшее, называлъ Суворова въ письмахъ *сердечнымъ своимъ другомъ*, призывалъ его, снова, къ Очакову — черта похвальная въ жизни Князя Таврическаго! Между тѣмъ Суворовъ имѣлъ пребываніе въ Малороссіи, возстановлялъ силы свои и не гонялся за славою, которая ожидала его на каждомъ шагу съ распростертыми объятіями. Въ началѣ 1789 года отправился онъ въ С. Петербургъ для свиданія съ дочерью; былъ отлично принятъ Императрицею; получилъ бриліантовое перо на каску съ литерою *К* (Кинбурнъ).

Новая блистательнѣйшая кампанія ожидала его. Суворовъ отправился въ армію, которою предводительствовалъ одинъ только Потемкинъ: Задунайскій вложилъ въ ножны мечь, испытывая разныя непріятности по службѣ со стороны Президента Военной Коллегіи (*), жилъ тогда на одной мызѣ въ окрестностяхъ Яссъ. Тамъ посѣтилъ Кагульскаго героя достойный ученикъ его, Суворовъ, который видѣлъ въ немъ бывшаго своего начальника, непобѣдимаго вождя, и не смотрѣлъ на отношенія къ нему Князя Таврическаго.

Принявъ въ Берладѣ отъ Генералъ-Поручика Дер-

(*) Президентомъ Военной Коллегіи былъ Потемкинъ.

фельдена ввѣренный ему корпусъ, Суворовъ, по приказанію Князя Репнина, начальствовавшаго въ Молдавіи и въ Бессарабіи, вступилъ въ сношенія съ Принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ, который командовалъ вспомогательными Австрійскими войсками. Онъ находился въ Валахіи, не зналъ еще лично Суворова, но уважалъ его: вскорѣ тѣсная дружба соединила ихъ.

Турецкая армія, подъ предводительствомъ Сераскира, двинулась отъ Браилова къ Фокшанамъ и угрожала нападеніемъ на корпусъ Принца Кобургскаго: Суворовъ поспѣшилъ къ нему и, проходя ближайшею дорогой, горами и лѣсомъ, сдѣлалъ восемьдесять верстъ въ 36 часовъ. Тогда оба корпуса переправились за рѣку Стратушъ въ двухъ колоннахъ: авангардъ состоялъ изъ однихъ Австрійцевъ, чтобы Турки не знали о прибытіи союзниковъ.

21 Іюля произошло сраженіе при Фокшанахъ, на которомъ 18,000 Австрійцевъ и 7000 Рускихъ совершенно разбили 40,000 Турокъ; обратили ихъ въ бѣгство; преслѣдовали по двумъ дорогамъ: Букарестской и Браиловской; положили на мѣстѣ до двухъ тысячь человѣкъ; взяли въ плѣнъ около трехъсотъ; отняли 16 знаменъ, 12 пушекъ; овладѣли богатымъ лагеремъ. Императоръ Іосифъ наградилъ Принца Кобургскаго большимъ крестомъ ордена Маріи Терезіи и прислалъ Суворову, при лестномъ рескриптѣ, табакерку съ вензеловымъ именемъ, осыпанную бриліантами. Въ столицѣ ожидали дальнѣйшихъ извѣстій о его побѣдахъ.

Вскорѣ Верховный Визирь съ шестидесятитысячнымъ войскомъ, переправясь отъ Браилова чрезъ рѣку Бузео, сталъ лагеремъ при деревнѣ Граденешти, въ близкомъ разстояніи отъ Австрійцевъ. Принцъ отправилъ нарочнаго къ Суворову, который находился въ Берладѣ. Россійскій Полководецъ, сначала, не спѣшилъ походомъ; не получивъ второе увѣдомленіе, отвѣчалъ двумя словами: *Иду, Суворовъ*; полетѣлъ на помощь союзникамъ и 9 Сентября, вечеромъ, соединился съ ними, въ виду непріятельскаго стана. Принцъ, тотчасъ, пригласилъ къ себѣ Генералъ-Аншефа; послѣдній велѣлъ ему доложить: *Суворовъ Богу молится.* Принцъ отправилъ другаго посланнаго: *Суворовъ ужинаетъ* — сказалъ герой. Явился третій и услышалъ: *Суворовъ спитъ.* Между тѣмъ, не помышляя о снѣ, дѣятельный Полководецъ обозрѣвалъ съ высокаго дерева мѣстоположеніе непріятельское и, на разсвѣтѣ, явился къ Принцу Кобургскому, условился съ нимъ о нападеніи. — «Еслибъ «при самомъ началѣ — произнесъ Суворовъ Генераламъ — «пошелъ я къ Принцу, мы провели-бы всю «ночь въ толкованіяхъ *тактическихъ*; мы спорили «бы и упустили время.»

Союзныя войска, въ двухъ колоннахъ, перешли вечеромъ, 10 Сентября, Милковъ въ бродъ и по наведеннымъ мостамъ; приблизились, въ глубочайшей тишинѣ, къ крутымъ берегамъ Рымника и совершили переправу черезъ эту рѣку 11 числа на разсвѣтѣ.

Рускіе двинулись впередъ въ трекъ линіяхъ: пѣхота, находившаяся въ первой и второй, шла

шестью кареями; конница подвигалась за ними въ третьей. Число войскъ простиралось, какъ и подъ Фокшанами, только до семи тысячъ человѣкъ, при двадцати орудіяхъ. Австрійцы слѣдовали также тремя линіями: девять кареевъ составляли двѣ первыя, а конница третью. Всѣхъ ихъ было до 18,000. Визирь, узнавъ, что долженъ будетъ сразиться съ Суворовымъ, сказалъ: «Это навѣрно другой Суворовъ, «потому, что первый умеръ отъ ранъ въ Кинбурнѣ.»

Лишь только Русскіе подошли къ непріятельскому лагерю на полторы версты, Турки открыли сильный огонь изъ своихъ орудій; но солдаты не смотря на рытвины, затруднявшія артиллерію, быстро подвигались впередъ. Между тѣмъ конница, бывшая на правомъ крылѣ подъ командою Бригадира Бурнашева, начала атаку. Турки стоявшіе на возвышеніи, зашли лощиною нашимъ въ бокъ и ударили на каре Шастакова, который также находился на правомъ крылѣ. Ихъ было до семи тысячъ человѣкъ: янычары сидѣли на однѣхъ лошадяхъ съ спагами и, приближаясь къ Русскимъ, тотчасъ соскочили, напали на противниковъ съ ожесточеніемъ; но число невѣрныхъ не устрашило храбрыхъ воиновъ, предводимыхъ Суворовымъ: они приняли Турокъ холоднымъ оружіемъ и отбросили назадъ; янычары спасались отъ смерти на лошадяхъ спаговъ и первые падали подъ саблею нашей конницы. Въ это время Османъ Паша, съ 5,000 охотниковъ изъ спаговъ, потерпѣлъ пораженіе на лѣвомъ крылѣ нашемъ. Въ непріятельскомъ лагерѣ не найдено ни одной пушки. Когда происходила битва при Тирго-

кули, Принцъ Кобургскій, переправившійся чрезъ Рымникъ, верстъ на семь ниже Суворова, не успѣлъ еще соединиться съ нимъ и находился верстахъ въ четырехъ. Османъ Паша съ 15,000 чел. конницы намѣревался возобновить нападеніе на Рускихъ и неожиданно сошелся съ Австрійцами, былъ во второй разъ обращенъ въ бѣгство.

Давъ отдохнуть войскамъ, Суворовъ, въ первомъ часу по полудни, выступилъ къ деревнѣ Боксѣ. Австрійцы стояли отъ него верстахъ въ трехъ; Визирь расположился за Крингумеларскимъ лѣсомъ на Рымникѣ, въ десяти верстахъ отъ союзниковъ. Турки выкопали вдоль по опушкѣ лѣса шанцы, за которыми намѣревались 12 числа оставить тяжелый обозъ передъ нападеніемъ на Принца Кобургскаго; но Суворовъ не любилъ откладывать и, между тѣмъ, какъ Австрійцы вступили въ бой съ Визиремъ, обошелъ непріятельскія батареи, поставилъ свои шесть каре полукружіемъ и повелъ ихъ скорымъ шагомъ къ укрѣпленному лѣсу. Сильная пальба не остановила безстрашныхъ: чтобы сберечь людей, Суворовъ приказалъ конницѣ нападать на лѣсъ чрезъ интервалы между кареями. Въ укрѣпленіяхъ находилось болѣе 15,000 янычаръ; конница Турецкая стояла по бокамъ. Принцъ Кобургскій, отразивъ шесть сильныхъ атакъ, также двинулъ свои полки къ лѣсу. Конница наша быстро перенеслась чрезъ рвы и валы и врубилась въ толпы янычаръ: завязался рукопашный бой; Турки отчаянно защищались саблями и кинжалами; многіе изъ нихъ изрублены на пушкахъ, которыхъ не хотѣли покинуть. Старо-

дубскіе карабинеры, предводимые храбрымъ Миклашевскимъ и Венгерскіе гусары первые бросились на непріятеля. Козаки, Австрійскіе уланы и Арнауты ударили на Турецкую конницу, смяли ее и окружили лѣсъ слѣва и сзади. Устремилась пѣхота и въ четыре часа соединенные корпусы совершенно овладѣли лѣсомъ. Турки были вездѣ опрокинуты и искали спасенія въ бѣгствѣ. Тщетно Визирь убѣждалъ свое войско возвратиться на поле битвы, заклиная алкораномъ, который держалъ въ рукѣ; наконецъ, обратилъ на малодушныхъ два орудія: ничто не помогло. Суворовъ самъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ по трупамъ убитыхъ, не давалъ никакой пощады непріятелю, приказывалъ рубить всѣхъ и запретилъ брать въ плѣнъ. Визирь, прогнанный въ Браиловъ, заперся въ крѣпости. Турки лишились убитыми болѣе десяти тысячь человѣкъ. Потеря союзниковъ не превышала 600 человѣкъ убитыми и 300 ранеными. Въ числѣ трофеевъ было: восемьдесять пушекъ и сто знаменъ; весь лагерь, обозъ и множество рогатаго скота достались побѣдителямъ. Взятіе Бѣлграда Лаудономъ и сдача Бендеръ и Акермана Князю Потемкину были слѣдствіемъ Рымникской битвы.

И здѣсь, какъ подъ Кинбурномъ, угрожало Суворову пораженіе: вечеромъ, 11 Сентября, Принцъ Кобургскій получилъ, съ курьеромъ, выговоръ отъ Князя Таврическаго *за то, что понтоны не были готовы* и, будучи Имперскимъ Княземъ, находясь въ службѣ Римскаго Императора, не считая себя подчиненнымъ Россійскому Фельдмаршалу, чрезвычайно оскорбился; сказалъ Суворову: «что еслибъ

«курьеръ пріѣхалъ по утру, то онъ не вступилъ бы «въ дѣло съ Турками (*).»

Екатерина наградила Суворова бриліантовыми знаками ордена Св. Андрея Первозваннаго; шпагою, украшенной бриліантами и лавровыми вѣнками, съ надписью: *Побѣдителю Верховнаго Визиря* и, вслѣдъ за тѣмъ, препроводила къ нему дипломъ на Графское достоинство Россійской Имперіи, съ наименованіемъ *Рымникскимъ*, также орденъ Св. Великомученика Георгія перваго класса (18 Окт.). Послѣдняя награда чрезвычайно обрадовала героя. Онъ писалъ тогда къ дочери своей: «Слышала ли, *сестрица* (**), душа моя? Отъ моей щедрой Матушки (***): Рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому; знаки Св. Андрея тысячь въ «пятьдесять, *да выше всего*, голубошка, первый «классъ Св. Георгія. Вотъ каковъ твой папинька за «доброе сердце. Чуть, право, отъ радости не умеръ.» — Іосифъ возвелъ Суворова въ Графское достоинство Римской Имперіи (19 Окт.); пожаловалъ Принца Кобургскаго Генералъ-Фельдмаршаломъ. Онъ получилъ отъ Екатерины одинакую шпагу съ Суворовымъ. Послѣ одержанной ими побѣды, Принцъ пришелъ въ палатку нашего Полководца, сопрово-

(*) См. *Побѣды Суворова*, ч. 3, стр. 32.

(**) *Сестрицею* называлъ Суворовъ дочь свою, подражая монастыркамъ. Въ началѣ письма именуетъ онъ ее: *Comtesse de deux Empires! Любезною Наташею Суворочкою.*

(***) Императрицы.

ждаемый своимъ Штабомъ, и оба вождя бросились въ объятія другъ друга.

Австрійцы расположились въ Валахіи. Корпусъ Принца Кобургскаго увеличился до сорока тысячъ человѣкъ. Новый Визирь Юсуфъ Паша двинулъ сильную армію къ Рущуку (1790 г.). Суворовъ поспѣшилъ къ Букаресту. Въ это время скончался вѣрный союзникъ Россіи, Императоръ Іосифъ II, и Леопольдъ, постановивъ перемиріе съ Турціею, отозвалъ Принца въ Венгрію. Онъ изъявилъ въ письмѣ своемъ къ Суворову душевную скорбь; называлъ его *достойнымъ, драгоцѣннымъ другомъ, неравнодушнымъ учителемъ;* увѣрялъ: *что не въ силахъ проститься съ нимъ лично;* просилъ *о продолженіи къ нему дружбы, которая одна услаждаетъ военную жизнь его.*

Между тѣмъ оружіе наше торжествовало въ Турціи: Контръ-Адмиралъ Рибасъ овладѣлъ Тульчею; братъ его вступилъ въ Исакчу, Гудовичъ въ Килію. Тогда Потемкинъ, въ глубокую осень, приказалъ Суворову *взять Измаилъ, во чтобъ то ни стало.* За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ эта крѣпость, имѣющая семь верстъ въ окружности, восемь бастіоновъ, валъ, вышиною въ три и четыре сажени; рвы отъ шести до семи саженей — сдалась на условіяхъ Репнину. Турки гордились, потомъ, два раза неудачною осадой Русскихъ. Въ 1790 году Измаилъ, сильно укрѣпленный Французскими инженерами, почитаемый неприступнымъ Турціей и Европою, вмѣщалъ въ себѣ тридцати пяти тысячный гарнизонъ, который состоялъ большею частію изъ янычаръ, подъ предводительствомъ Сераскира Аудузлу

Паши, стараго воина, отказавшагося отъ Визирскаго достоинства.

Армія Суворова простиралась только до 28,000 человѣкъ, изъ которыхъ около половины были козаки. Она расположилась полукружіемъ въ трехъ верстахъ отъ Измаила и занимала почти двадцать верстъ отъ одного берега Дуная до другаго: въ ней свирѣпствовали разныя болѣзни по причинѣ ненастной погоды; претерпѣвали недостатокъ въ фуражѣ. Холодъ увеличивался; Суворовъ приказалъ нарѣзать тростнику, чтобы солдаты могли грѣться у огня; приготовилъ лѣстницы и фашины; обучалъ ночью войска дѣйствовать ими; осматривалъ мѣстоположеніе; отражалъ вылазки; построилъ батареи въ сорока саженяхъ отъ Измаила, желая обмануть Турокъ правильною осадой; велѣлъ стрѣлять въ крѣпость, откуда также отвѣчали жестокимъ огнемъ и начертилъ, между тѣмъ, планъ приступа. Контръ-Адмиралъ Рибасъ дѣйствовалъ со стороны Дуная: укрѣпилъ островъ, лежащій противъ Измаила, построилъ на немъ батареи, бросалъ бомбы въ крѣпость, сжегъ и потопилъ почти всю Турецкую флотилію.

7-го Декабря Суворовъ вступилъ въ сношенія съ Сераскиромъ; два раза убѣждалъ его сдать крѣпость. Гордый Аудузлу-Паша отвѣчалъ: «Скорѣе «Дунай остановится въ теченіи своемъ и небо пре«клонится къ землѣ, нежели сдастся Измаилъ.» — Суворовъ въ третій разъ увѣдомилъ Сераскира: *что если въ тотъ же день не выставитъ онъ бѣлаго флага, то крѣпость будетъ взята приступомъ, а гарни-*

зонъ сдѣлается жертвою ожесточенныхъ воиновъ. Паша оставилъ отзывъ Главнокомандовавшаго безъ отвѣта.

Въ это время Князь Таврическій, страшась помрачить неудачею славу оружія Рускаго, вдругъ отмѣнилъ данное приказаніе и совѣтовалъ Суворову: «не отваживаться на приступъ, если онъ не совер«шенно увѣренъ въ успѣхѣ.» — «*Мое намѣреніе непремѣнно*» — отвѣчалъ Суворовъ: — *два раза было Россійское войско у воротъ Измаила — стыдно будетъ, если въ третій оно отступитъ не вошедши въ него.*» — Собранъ былъ военный совѣтъ: Бригадиръ Платовъ (прославившійся, потомъ, въ Отечественную войну) первый написалъ: *штурмовать.* Всѣ то же подтвердили. Суворовъ вбѣжалъ въ ставку, перецѣловалъ всѣхъ и сказалъ. «*Одинъ день Богу молиться; другой день учиться; въ третій день славная смерть или побѣда (*)!*».

Ночью съ 10 на 11 Декабря передъ приступомъ Суворовъ велѣлъ изрѣдка бомбардировать крѣпость, чтобы обмануть Турокъ недостаткомъ пороха и другихъ артиллерійскихъ снарядовъ: онъ не сомкнулъ вѣждей своихъ, сидѣлъ у огня съ нѣсколькими офицерами и ожидалъ сигнала. Въ пять часовъ утра, когда пущена была третья ракета, вдругъ шесть колоннъ, среди которыхъ находился Суворовъ, сухимъ путемъ, и три на судахъ двинулись къ Измаилу; первыми тремя или правымъ крыломъ коман-

---

(*) См. *Рускую Исторію* С. Н. Глинки, напеч. 1818 г., ч. 8, стр. 179.

довалъ Генералъ-Поручикъ Потемкинъ, двоюродный братъ Фельдмаршала; лѣвымъ родный племянникъ Князя Таврическаго Генералъ-Поручикъ Самойловъ. Подъ начальствомъ послѣдняго находился Голенищевъ-Кутузовъ (*). Онъ предводительствовалъ шестою колонною. Конница расположилась въ одной верстѣ, подъ пушками крѣпости; козаки, назначенные для приступа, спѣшились, укоротили свои пики.

Темнота и туманъ продолжались до девяти часовъ утра. Лишь только Русскіе подошли на четыреста шаговъ, Турки открыли сильный картечный огонь, причинившій большое опустошеніе въ рядахъ нашихъ. Секундъ-Маіоръ Неклюдовъ, вызвавшійся съ егерями въ охотники, первый бросился въ ровъ, наполненный водою и изъ глубины онаго, безъ лѣстницъ, съ помощію только копій и штыковъ, взобрался на валъ подъ пушки непріятельскія; приказалъ егерямъ, къ ободренію товарищей, стоявшихъ у рва, выстрѣлить въ промежутки Турецкой батареи; вскочилъ, потомъ, на бастіонъ, овладѣлъ оружіями и тяжело раненъ (**). Генералъ-Маіоръ Лас-

---

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго.

(**) Неклюдовъ цѣлый годъ страдалъ отъ ранъ и Суворовъ, считая его умершимъ, не представилъ о немъ. Въ 1792 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина наградила героя Измаильскаго военнымъ орденомъ Св. Георгія 4 класса, произвела его изъ Секундъ-Маіо-

си, начальствовавшій второю колонною, прежде всѣхъ взошелъ на валъ въ шесть часовъ: первая колонна, подъ командою Генералъ-Маіора Львова и третья, предводимая Генералъ-Маіоромъ Мекнобомъ, должны были его подкрѣпить; но нѣсколько опоздали. Львовъ и Мекнобъ были тяжело ранены; Ласси, слегка, въ руку и, продолжая нападеніе, захватилъ многія батареи за Хотинскими воротами. Между тѣмъ, лѣвое крыло дѣйствовало съ одинакимъ мужествомъ: Генералъ-Маіоръ Голенищевъ-Кутузовъ, преодолѣвъ сильный картечный и ружейный огонь, овладѣлъ бастіономъ; но въ первое мгновеніе удержанъ былъ многочисленными толпами непріятелей, которые сильною вылазкой остановили четвертую и пятую колонны. Ими предводительствовалъ Безбородко, братъ знаменитаго Канцлера, получившій тогда тяжелую рану. Суворовъ наблюдалъ каждый шагъ подчиненныхъ ему вождей, немедленно велѣлъ поздравить Кутузова *Комендантомъ Измаила* и прибавилъ, что онъ уже отправилъ нарочнаго съ вѣстію о покореніи крѣпости. Усиливъ свои войска Херсонскимъ полкомъ, Кутузовъ возобновилъ отчаянную битву; опрокинулъ янычаръ и довершилъ побѣду штыками. Турки старались взорвать пороховые магазины, на-

---

ровъ въ Подполковники и пожаловала ему двѣсти крестьянъ. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ произвелъ престарѣлаго воина изъ отставнаго Полковника въ Генералъ-Маіоры и Высочайше повелѣлъ ему состоять по кавалеріи. Неклюдовъ скончался въ 1839 году.

ходившіеся подъ валомъ каждаго бастіона и устремились на лагерь осаждающихъ, но были отражены Рускими съ значительной потерею. Въ восемь часовъ Суворовъ овладѣлъ крѣпостными укрѣпленіями съ сухаго пути и съ рѣки; началось сраженіе во внутренности города: Турки въ узкихъ улицахъ стрѣляли изъ оконъ, обороняись съ ожесточеніемъ; между ними было множество женщинъ, вооруженныхъ кинжалами. Рускіе вошли въ Измаилъ четырмя воротами. Сераскиръ долго защищался въ каменномъ строеніи и, потомъ, палъ героемъ. Въ четыре часа по полудни крѣпость была совершенно завоевана. Въ числѣ девяти тысячь плѣнныхъ, положившихъ оружіе (изъ которыхъ двѣ тысячи умерли отъ ранъ въ тотъ же день), находились: трехъ-бунчужный Паша Мустафа, одинъ Султанъ, сынъ Сераскировъ, Капиджи Баша и множество Бимъ Башей; болѣе четырехъ тысячь Христіанъ и сто тридцать пять Евреевъ, жительствовавшихъ въ Измаилѣ, прибѣгнули къ покровительству Суворова. Во время штурма погибло до 26,000 Турокъ и Татаръ; въ числѣ трофеевъ находились: 245 пушекъ и мортиръ, 364 знамени, семь бунчуговъ, два санджака, множество пороху и другихъ военныхъ снарядовъ, полные магазины съѣстныхъ припасовъ для людей и лошадей. Солдатамъ позволено было грабить, согласно данному обѣщанію, три дни сряду: они получили въ добычу болѣе милліона рублей и множество прекрасныхъ Турчанокъ. Нашихъ убито на приступѣ 1880 человѣкъ; ранено: три Генералъ-Маіора, около 200 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и 244 рядовыхъ.

«*Гордый Измаилъ палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества*» — донесъ Государынѣ Суворовъ и, въ то же самое время, написалъ къ Фельдмаршалу: «*Россійскія знамена на стѣнахъ Измаила!*»

Тогда Князь Таврическій имѣлъ пребываніе въ Яссахъ, гдѣ, среди блеска и пышности окружавшихъ его, предавался внутренней скорби, страшился пережить свое значеніе. Онъ пригласилъ къ себѣ покорителя Измаила; желалъ сдѣлать ему почетную встрѣчу; велѣлъ разставить по дорогѣ нарочныхъ сигнальщиковъ и поручилъ любимцу своему, Боуру, доложить лишь только Генералъ-Аншефъ будетъ подъѣзжать къ городу. Суворовъ нарочно пріѣхалъ въ Яссы ночью и на другой день отправился къ Фельдмаршалу въ длинной Молдавской повозкѣ, заложенной парою лошадей въ шорахъ, съ кучеромъ и лакеемъ, одѣтыми въ широкихъ платьяхъ. Проницательный Боуръ, не смотря на странный экипажъ, узналъ Суворова, когда онъ въѣхалъ въ ворота Княжескаго дворца и поспѣшилъ увѣдомить Фельдмаршала. Немедленно Потемкинъ вышелъ на парадное крыльцо, но не успѣлъ сойти съ трехъ ступеней, какъ увидѣлъ передъ собой Суворова, обнялъ его и произнесъ: «Чѣмъ могу я васъ наградить за ваши заслу-«ги?» — *Нѣтъ, Ваша Свѣтлость* — отвѣчалъ поспѣшно Суворовъ — *я не купецъ и не пріѣхалъ съ вами торговаться. Меня наградить, кромѣ Бога и Всемилостивѣйшей Государыни, никто не можетъ.* — Потемкинъ перемѣнился въ лицѣ, замолчалъ и пошелъ въ залу. Тамъ Суворовъ подалъ ему рапортъ. Фельдмаршалъ принялъ его съ примѣтной холодно-

стію и они, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ залѣ, разстались не говоря ни слова (*).

Суворовъ явился въ Петербургѣ въ началѣ 1791 года. Императрица велѣла спросить его: «гдѣ же «лаетъ онъ быть Намѣстникомъ?» — *Я знаю* — отвѣчалъ безсмертный Полководецъ — *что Матушка-Царица слишкомъ любитъ Своихъ подданныхъ, чтобы мною наказать какую-либо провинцію. Я размѣряю силы съ бременемъ, какое могу поднять. Для другаго не въ моготу Фельдмаршальскій мундиръ* (**).» — Но Потемкинъ, оскорбленный Суворовымъ, воспрепятствовалъ ему получить тогда Военачальническій жезлъ: онъ былъ награжденъ званіемъ Подполковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и, въ память знаменитаго его подвига, выбита медаль.

Присутствіе Суворова тяготило гордаго Вельможу, который приготовлялъ въ Таврическомъ дворцѣ своемъ волшебный праздникъ для Екатерины по случаю взятія Измаила, и намѣревался представить ей плѣнныхъ Пашей. 26 Апрѣля Суворовъ отправленъ въ Финляндію съ порученіемъ укрѣпить границу (***); 28 числа жители Невы стеклись во множествѣ въ великолѣпные чертоги исполина тѣхъ временъ, который не воображалъ праздновать тогда скорый переходъ свой въ вѣчность.

Удаленный въ каменистую Финляндію, Суворовъ трудился для пользы и безопасности Отечества и

(*) См. *Анекдоты Суворова*, стр. 162 — 164.

(**) См. *Анекдоты Суворова*, стр. 52.

(***) См. *Записки Храповицкаго*, изд. Г. Свиньинымъ.

называлъ занятія свои *бездѣйствіемъ* въ сравненіи съ прежнею службой. Между тѣмъ Кутузовъ разбилъ Турокъ при Бабадѣ; Князь Репнинъ одержалъ знаменитую побѣду при Мачинѣ; Потемкинъ сошелъ во гробъ; Безбородко подписалъ славный миръ съ Портою Оттоманской и вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ назначенъ начальникомъ надъ войсками въ Екатеринославской губерніи, въ Крыму и въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, до устья рѣки Днѣстра (1792 г.); избралъ главною квартирою Херсонъ, гдѣ покоился Князь Таврическій; получилъ тамъ (въ Сент. 1793 г.) слѣдующій рескриптъ отъ Императрицы:

«Графъ Александръ Васильевичь! День праздно-«ванія мира напоминаетъ Намъ знаменитыя заслу-«ги и дѣла, коими вы отличились. Всемилостивѣй-«ше жалуемъ вамъ похвальную грамоту, за соб-«ственноручнымъ Нашимъ подписаніемъ, съ означе-«ніемъ всѣхъ ревностныхъ и мужественныхъ под-«виговъ, произведенныхъ вами въ продолженіи слав-«наго и долговременнаго вашего служенія. Во сви-«дѣтельство Высочайшей довѣренности къ вашему «знанію и вашей справедливости, ввѣряемъ вамъ ор-«денъ Св. Георгія третьей степени: возложите оный «на того, кого почитаете достойнѣйшимъ изъ отли-«чившихся въ военномъ званіи. Въ знакъ же Мо-«наршаго благоволенія препровождаемъ вамъ эполетъ «и перстень бриліантовые (*).»

Суворовъ занимался укрѣпленіемъ приморскихъ мѣстъ Тавриды, между тѣмъ, какъ неустройства въ

(*) Обѣ эти вещи были оцѣнены въ шестьдесять тысячь рублей.

Польшѣ и мятежный духъ жителей открывалъ ему новый путь къ славѣ. Служившій подъ знаменами Вашингтона, Костюшко, призванный соотечественниками изъ Германіи, принялъ главное начальство, поклялся защищать мнимую независимость или погибнуть. Краковъ, Варшава и Вильно возстали на Рускихъ воиновъ; Генералъ Ферзенъ отступилъ къ Прусскимъ границамъ и, потомъ двинулся къ Варшавѣ съ вспомогательнымъ войскомъ, предводимымъ Королемъ Вильгельмомъ III. Костюшко успѣлъ перехватить паркъ осадной Прусской артиллеріи; вспыхнулъ мятежъ въ областяхъ пріобрѣтенныхъ Пруссіей отъ Польши; союзники отдѣлились отъ Ферзена. Въ это время Екатерина ввѣрила войска Свои побѣдителю при Сталовичахъ. «Я посылаю въ «Польшу двѣ арміи — сказала Она приближеннымъ: — «одну армію, а другую — Суворова.»

Садясь въ кибитку, Суворовъ сказалъ сестрѣ знаменитаго нашего Адмирала Круза (*), которой мужъ,

(*) Александръ Ивановичь Крузъ, участвовавшій (1769 г.) подъ предводительствомъ Адмирала Спиридова въ славномъ истребленіи Турецкаго флота, обезсмертилъ, потомъ, имя свое во время Шведской войны въ 1790 году: сразился (23 и 24 Мая) съ Герцогомъ Зюдерманландскимъ, не смотря на превосходное число кораблей непріятельскихъ; заставилъ его ретироваться; награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго; командовалъ авангардомъ Адмирала Чичагова при разбитіи Шведовъ 22 Іюня: выдержалъ сильный огонь отъ всего флота ихъ, проходившаго мимо его, *храбро и мужественно* — по словамъ Главнокомандовав-

Капитанъ перваго ранга Вальронтъ, былъ вѣчно разжалованъ въ матрозы: «*Молись Богу: Онъ услышитъ молитву твою*» — и полетѣлъ въ армію (1794 г.). Благоразумными распоряженіями его, Польскія войска были обезоружены на разныхъ пунктахъ, между тѣмъ, какъ наши сосредоточивались въ одинъ, около Варковичь. Суворовъ, во время похода, ѣхалъ верхомъ, чтобы подать собою примѣръ офицерамъ: сдѣлавъ въ три недѣли 560 верстъ, овладѣлъ въ Кобринѣ магазиномъ; разбилъ при Крупчицѣ (6 Сент.) семнадцатитысячный корпусъ Сераковскаго; положилъ на мѣстѣ до трехъ тысячь человѣкъ; обратилъ его въ бѣгство; сразился во второй разъ съ нимъ и Косинскимъ (8 Сентября) при Бржецѣ; овладѣлъ всею ихъ артиллеріей, состоявшею изъ 28 орудій; донесъ Задунайскому: «*Корпусъ Сераковскаго кончилъ!*» — награжденъ бриліантовою петлицею на шляпу и тремя пушками. Между тѣмъ Ферзенъ поразилъ при Мачевичахъ (28 Сентября) Костюшко; взялъ его въ плѣнъ и присоединился, 14 Октября, въ Станиславовѣ къ Суворову съ десятитысячнымъ корпусомъ (*). Тогда войска послѣдняго увеличились

шаго — *поражалъ непріятеля*; награжденъ орденомъ Св. Георгія втораго класса, а въ день мирнаго торжества шпагою, украшенной алмазами. Онъ получилъ въ послѣдствіи орденъ Св. Андрея Первозваннаго отъ Императора Павла I, будучи главнымъ Командиромъ Кронштадтскаго флота; скончался въ 1798 году, на 72 отъ рожденія.

(*) Баронъ, а потомъ Графъ, Иванъ Евстафьевичь Ферзенъ, содѣйствовавшій Суворову во взятіи приступомъ

до семнадцати тысячь, съ которыми онъ пошелъ къ Варшавѣ и на другой день (15 Окт.) разсѣялъ при Кобылкѣ пятитысячный отрядъ непріятельскій, взялъ девять пушекъ, 400 человѣкъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ одного Генерала и 30 Штабъ и Оберъ-офицеровъ; овладѣлъ обозомъ.

Вскорѣ Суворовъ подступилъ къ Прагѣ, защищаемой 30,000 лучшихъ Польскихъ войскъ и 104 пушками. Отличаясь быстротой и внезапностію, герой осмотрѣлъ укрѣпленія, начертилъ планъ атаки, раздѣлилъ войска свои на семь колоннъ и назначилъ день приступа 24 Октября. Въ пять часовъ утра была пущена ракета: колонны двинулись не смотря на сильный крестообразный огонь съ разныхъ батарей; по сбитіи переднихъ ретраншаментовъ, Польскія войска, построясь въ боевой порядокъ передъ вторымъ и третьимъ окопами, защищались отчаянно; но мужество ихъ и сильный взрывъ магазина съ порохомъ и бомбами, не остановили безстрашныхъ воиновъ Суворова: въ три часа Прага взята въ виду столицы Польши, полагавшей на нее всю надежду. Четыре Генерала: Ясинскій, Корсакъ, Квашневскій и Грабовскій съ 13,540 воинами погреблись

Праги, принудилъ (18 Ноября) въ Радочинѣ Главнокомандовавшаго Польскаго Ваврженцкаго положить оружіе; награжденъ военнымъ орденомъ Св. Георгія втораго класса; пожалованъ Императоромъ Павломъ I Директоромъ Кадетскаго Корпуса, Генераломъ отъ пнфантеріи (1798 г.); отставленъ съ мундиромъ и въ скоромъ времени скончался.

подъ развалинами крѣпости; въ числѣ плѣнныхъ были: три Генерала, 29 Штабъ-Офицеровъ, 413 офицеровъ и 14,000 рядовыхъ; до двухъ тысячь потонуло въ Вислѣ и не болѣе тысячи человѣкъ спаслось въ Варшаву; 104 пушки, множество знаменъ и орудій разнаго рода достались побѣдителямъ. Съ нашей стороны убито 580 человѣкъ; ранено 960. На приступѣ было 22,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 7000 человѣкъ конницы. Суворовъ приказалъ разбить на окопахъ палатку и отдыхалъ въ ней на соломѣ!

На другой день явились депутаты изъ Варшавы. Щадя кровь человѣческую и желая побѣдить Поляковъ ужасами войны, Суворовъ не велѣлъ хоронить убитыхъ, далъ приказаніе, чтобы войска находились въ готовности. Депутаты проходили въ ставку Рускаго военачальника по грудамъ тѣлъ, среди грознаго вооруженія и дымившихся развалинъ. Суворовъ вышелъ къ нимъ въ курткѣ, безъ орденовъ, въ каскѣ, съ саблею; сбросилъ послѣднюю, произнеся: *миръ, тишина и спокойствіе!* — и съ этими словами обнялъ представителей народа, цѣловавшихъ его колѣна. Графъ Потоцкій, присланный отъ Короля, желалъ вступить въ переговоры о мирѣ; но Суворовъ отвѣчалъ: «*съ Польшею у насъ нѣтъ войны; я не министръ, а военачальникъ: сокрушаю толпы мятежниковъ и желаю мира и покоя благонамѣреннымъ.*» — 28 Октября прибыли прежніе Депутаты съ предоставленіемъ жребія Варшавы великодушію Екатерины и добродѣтелямъ побѣдителя. Король убѣждалъ Суворова немедленно вступить въ

столицу. Онъ имѣлъ торжественный въѣздъ 29 числа, предшествовалъ войскамъ верхомъ, въ простомъ мундирѣ, безъ знаковъ отличій. На берегу Вислы встрѣтилъ его Магистратъ, поднесшій *хлѣбъ-соль* и ключи городскіе. Суворовъ поцѣловалъ ихъ и, воздѣвъ руки къ небу, произнесъ: «*Боже! благодарю Тебя, что эти ключи не такъ дорого достались, какъ . . . .*» Здѣсь слезы прервали рѣчь человѣколюбиваго героя, который обратилъ горестный взоръ на развалины Праги. Громкія восклицанія: *да здравствуетъ Екатерина! да здравствуетъ Суворовъ!* — сливались съ радостнымъ *ура* нашихъ воиновъ. 1376 Рускихъ плѣнныхъ, 500 Пруссаковъ и 80 Австрійцевъ, обреченныхъ на смерть, томившихся въ оковахъ, получили свободу.

Донеся Императрицѣ о новыхъ завоеваніяхъ тремя словами: *Ура! Варшава наша!* — Суворовъ, среди полнаго торжества, вспомнилъ о Херсонскомъ изгнанникѣ. «*Знаю* — писалъ онъ въ Петербургъ — «*что Матушка-Царица меня наградитъ; но величай-*«*шая для меня награда — помилованіе Вальронта.*»

Екатерина отвѣчала побѣдителю (19 Ноября) также тремя словами: «*Ура! Фельдмаршалъ Суворовъ!*» — и, вслѣдъ за тѣмъ, удостоила его слѣдующимъ рескриптомъ: «Вы знаете, что Я не произвожу никого «чрезъ очередь, и никогда не дѣлаю обиды стар-«шимъ; но вы, завоевавъ Польшу, сами себя сдѣ-«лали Фельдмаршаломъ;» — пожаловала ему военачальническій жезлъ, осыпанный бриліантами; семь тысячь крестьянъ около Кобрина и возвратила чинъ Капитана перваго ранга Вальронту. Императоръ

Францъ прислалъ Суворову портретъ свой, украшенный бриліантами; Король Прусскій: ордена Чернаго и Краснаго Орловъ.

Въ Варшавѣ Станиславъ просилъ Суворова возвратить шпагу одному плѣнному офицеру: онъ освободилъ, вмѣстѣ съ нимъ, пятьсотъ человѣкъ; смѣялся, потомъ, надъ сдѣланнымъ подаркомъ Королю.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ единственный, Суворовъ праздновалъ полученіе Фельдмаршальскаго достоинства слѣдующимъ образомъ: приказалъ поставить въ походной церкви нѣсколько стульевъ соотвѣтственно числу лицъ, которыхъ онъ обошелъ; потомъ явился въ палатку въ камзолѣ; началъ перепрыгивать черезъ стулья, именуя, по одиначкѣ, старшихъ Генералъ-Аншефовъ: двухъ Салтыковыхъ (1773 г.); Репнина (1774); Долгорукаго (1774); Эльмта (1780); Прозоровскаго (1782); Мусина-Пушкина (1782); Каменскаго (1784); Каховскаго (1784 г.) (*) и, послѣ, надѣлъ Фельдмаршальскій мундиръ, всѣ свои ордена, принялъ поднесенный ему жезлъ, велѣлъ служить благодарственный молебенъ, вышелъ къ войску! Тогда въ Россіи были только три Генералъ-Фельдмаршала: Разумовскій, Задунайскій и Рымникскій.

Онъ пробылъ цѣлый годъ въ Варшавѣ; осенью дѣлалъ смотръ полкамъ, занималъ ихъ маневрами;

(*) Всѣ они, кромѣ Князя Юрія Владиміровича Долгорукаго и Графа Каховскаго, были, потомъ, Генералъ-Фельдмаршалами.

въ Ноябрѣ (1795 г.) приглашенъ былъ въ Петербургъ. Въ проѣздъ Суворова чрезъ Литву и Лифляндію, крестьяне выходили толпами на дорогу, чтобы его видѣть. Императрица выслала ему на встрѣчу карету; но Фельдмаршалъ въѣхалъ въ столицу ночью и на другой день палъ къ стопамъ Екатерины. Она приказала ему имѣть пребываніе въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ четыре года передъ тѣмъ всѣ поклонялись Потемкину.

Три мѣсяца Фельдмаршалъ задержанъ былъ въ Петербургѣ, откуда отправился для осмотра пограничныхъ крѣпостей со стороны Швеціи и, вслѣдъ за тѣмъ, назначенъ Главнокомандующимъ восьмидесятитысячной арміи, расположенной въ губерніяхъ: Брацлавской, Вознесенской, Харьковской и Екатеринославской (1796 г.).

Вскорѣ Императрица переселилась въ вѣчность, 6 Ноября, къ неописанной горести Россіянъ, тридцать четыре года блаженствовавшихъ подъ Ея Скипетромъ. Фельдмаршалъ неутѣшно оплакивалъ невозвратную потерю. «*Безъ Матушки-Царицы* — говорилъ онъ со слезами — «*не видать бы мнѣ Кинбурна*, «*Рымника*, *Измаила и Варшавы!*

По военной части послѣдовали разныя перемѣны. Суворовъ наименованъ Предводителемъ Екатеринославской дивизіи и получилъ маленькія палочки для мѣры косъ и буклей солдатскихъ. Не терпя нововведеній, онъ сказалъ: «*пудра не порохъ, букли не* «*пушки, коса не тесакъ, я не Нѣмецъ, а природный*

«*Русакъ* (*).»—Слова эти, обратившіяся въ пословицу, перелетѣли въ столицу въ то самое время, какъ Фельдмаршалъ изложилъ въ письмѣ къ Императору: *что онъ скучаетъ своимъ бездѣйствіемъ*. Тогда послѣдовало Именное повелѣніе (6 Февр. 1797 г.): «за сдѣ«ланный отзывъ Фельдмаршаломъ Графомъ Суворо«вымъ Его Императорскому Величеству, *что такъ «какъ войны нѣтъ, ему дѣлать нечего* — онъ отстав«ляется отъ службы (**).»

Суворовъ, оставляя дивизію, собралъ полки; велѣлъ сдѣлать передъ фрунтомъ пирамиду изъ литавръ и барабановъ; вышелъ въ простомъ гренадерскомъ мундирѣ, но во всѣхъ орденахъ; привѣтствовалъ солдатъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ: «*Прощайте, ребята! друзья! чудобогатыри* — сказалъ онъ имъ — «*Молитесь Богу; мы дрались со «славою и будемъ опять вмѣстѣ!*» — потомъ снялъ съ себя знаки отличія, положилъ ихъ на пирамиду въ видѣ трофеевъ и произнесъ: «*Настанетъ время «когда Суворовъ снова явится среди васъ, и возметъ «назадъ то, что теперь оставляетъ вамъ.*» — Мужественные воины не могли удержаться отъ слезъ, разстались съ Главнокомандовавшимъ, какъ съ отцомъ своимъ.

Онъ избралъ пребываніемъ Москву, гдѣ имѣлъ небольшой домъ; но Частный Маіоръ объявилъ Фельд-

---

(*) См. *Побѣды Князя Италійскаго*, издан. въ Москвѣ 1810 года, ч. 6, стр. 145.

(**) Изъ Московскихъ современныхъ Вѣдомостей.

маршалу приказаніе отправиться съ нимъ въ деревню, по случаю скораго прибытія Императора въ столицу. «*Сколько назначено мнѣ времени* — спросилъ храднокровно Суворовъ Полицейскаго чиновника — «*для приведенія въ порядокъ дѣлъ?*»—«Четыре часа»— отвѣчалъ Маіоръ. — «*О! слишкомъ много милости* — продолжалъ Фельдмаршалъ; — *для Суворова довольно одного часа.*» — Дорожная карета ожидала его у крыльца. «*Суворовъ, ѣдущій въ ссылку* — сказалъ онъ — *не имѣетъ надобности въ каретѣ; можетъ отправиться туда въ томъ экипажѣ, въ какомъ ѣздилъ ко Двору Екатерины или въ армію.*» — Подвезли кибитку и Маіоръ принужденъ былъ проѣхать въ ней пятьсотъ верстъ съ Фельдмаршаломъ (*).

Удаленный въ село свое Кончанское (Новогородской губерніи, Боровичскаго уѣзда), побѣдитель Турціи и Польши проводилъ въ бѣдной хижинѣ остатокъ знаменитыхъ дней: звонилъ въ колокола; пѣлъ на клиросѣ; читалъ въ церкви Апостолъ; примирялъ семейства; соединялъ юныя четы брачными узами; восхищался счастіемъ крестьянъ своихъ; писалъ свои *замѣтки* и съ немногими особами, которыя посѣщали его, любилъ бесѣдовать о дѣлахъ Европы; смотря на ландкарту, восклицалъ: «*О! далеко шагаетъ мальчикъ! пора унять его* (**)!» Такъ говорилъ Суворовъ о Бонапарте.

(*) См. *Побѣды Князя Италійскаго*, ч. 6, стр. 147 и 148.

(**) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи*, изд. Фуксомъ, ч. 1, стр. 1 и 2.

Протекло нѣсколько времени и къ опальному явился курьеръ съ рескриптомъ отъ Императора. Суворовъ былъ тогда въ банѣ, куда велѣлъ придти посланному. На пакетѣ было написано большими буквами: *Генералъ-Фельдмаршалу Графу Суворову-Рымникскому.* — «*Это не ко мнѣ* — сказалъ хладнокровно старый герой, прочитавъ надпись: — «*Фельд-маршалъ при войскѣ, я въ деревнѣ.*» — Изумленный курьеръ тщетно увѣрялъ его, что присланъ къ нему, а не къ другому; — Суворовъ рѣшительно отказался отъ рескрипта и нарочный, пропотѣвъ довольно долго въ банѣ, отправился обратно въ Петербургъ съ чѣмъ пріѣхалъ. Государь не обнаружилъ досады своей, но съ того времени надзоръ за изгнанникомъ усиленъ (*).

Лишась надежды быть полезнымъ Отечеству, Суворовъ обратился къ Императору съ просьбой: *дозволить ему удалиться въ Нилову пустынь* (**). — «Я намѣренъ — писалъ онъ — «окончить тамъ «краткіе дни въ службѣ Богу. Неумышленности про«сти, милосердый Государь!» — Отвѣта не было: его ожидалъ лучшій жребій!

(*) См. *Побѣды Князя Италійскаго,* ч. 6, стр. 149 и 150 и *Сочиненія Фукса,* изд. 1827, стр. 88.

(**) Пустынь эта находится въ Новогородской губерніи, въ 25 верстахъ отъ города Бѣлозерска, при рѣчкѣ Сорѣ: монахи подвергнуты основателемъ оной Преподобнымъ Ниломъ строгимъ отшельническимъ правиламъ, а потому она называлась *Скитомъ.*

Еще въ Государствованіе Екатерины II, Суворовъ желалъ *идти противъ Французовъ* (*), но Императрица медлила явною войной. Между тѣмъ оружіе республики торжествовало въ Европѣ, ниспровергало алтари и престолы. Обитая подъ соломенной крышею, знаменитый Полководецъ начертилъ (1798 г.) средства остановить и отразить властолюбцевъ:

«Австрійцы и Рускіе — писалъ онъ — будутъ дѣй-«ствовать противъ Франціи каждые со ста тысячами.

«1. Ничего, кромѣ наступательнаго.

«2. Быстрота въ походахъ, натискъ въ нападе-«ніяхъ, холодное ружье.

«3. Не нужна методика; глазомѣръ.

«4. Полная мочь Главнокомандующему.

«5. Нападать и бить непріятеля въ полѣ.

«6. Не терять время въ осадахъ, развѣ Маинцъ, «какъ пунктъ для депо. Иногда обсерваціоннымъ «корпусомъ предпринять блокаду. Брать крѣпости «приступомъ или штурмомъ; менѣе теряешь.

«7. Никогда не раздѣлять силъ, дабы стеречь «разные пункты. Если непріятель ихъ перейдетъ, «тѣмъ лучше: онъ приближится, чтобы его раз-«бить.

«8. Такимъ образомъ нуженъ только обсерваціонный корпусъ на Страсбургъ; еще одинъ летучій «къ Луксенбургу. Идти далѣе, сражаясь, не остана-

(*) Собственныя слова его: «Матушка! — писалъ онъ къ Государынѣ, по вступленіи въ Варшаву — «вели идти «противъ Французовъ.»

«вливаясь, прямо до Парижа, какъ главный пунктъ, «не останавливаясь въ Ландау; развѣ, чтобы наблю-«дать оный, а не для ретирадъ, о которыхъ никогда «не должно мыслить, но для транспортовъ, и нико-«гда не заниматься пустыми маневрами, контр-мар-«шами, или такъ называемыми военными хитростями, «которыя годны только для бѣдныхъ Академиковъ.

«9. Италія, Нидерланды послѣдуютъ легко въ «Парижъ. Король Сардинскій соединится. Въ Ита-«ліи есть еще довольно пылкихъ головъ, а осталь-«ныя вступятся за общее благо.

«Король Неаполитанскій возродится. Англичане «очистятъ Средиземное море. Не мѣшкать. Ложная «осторожность и зависть, — Головы *Медузины* въ «Кабинетѣ и Министерствѣ. Суворовъ и Кобургскій «родятся какъ юный Малборугъ.»

Канцлеръ Князь Безбородко и союзныя державы отдали справедливость безсмертнымъ дарованіямъ Суворова; но планъ его оставленъ безъ исполненія (*). Пользуясь бездѣйствіемъ сильнѣйшихъ государствъ Европы, республика Французская продолжала свои завоеванія, угрожала Австріи. Принцъ Оранскій, назначенный Вѣнскимъ Дворомъ предводителемъ войскъ въ Италіи, скончался; Баронъ Меласъ заступилъ его мѣсто. Императоръ Павелъ I, не желая пріобрѣтеній, но имѣя въ виду безопасность Европы и полагая, что другіе Монархи послѣдуютъ Его великодушному примѣру, двинулъ

(*) См. *Жизнь Суворова*, изд. С. Н. Глинкою, стр. 120 — 122.

(1799 г.) въ Австрійскія наслѣдственныя владѣнія вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ Генерала отъ инфантеріи Розенберга. Французскою арміей, долженствовавшею дѣйствовать въ Германіи, предводительствовалъ Журданъ: ему были подчинены Массена и Бернадотъ. Эрцгерцогъ Карлъ вступилъ въ Швабію: въ это время Австрія и Англія обратились къ Императору Павлу I-му съ просьбою ввѣрить начальство надъ союзными войсками Суворову. — «*Вотъ, Рускіе на все пригожаются*» — сказалъ Государь Графу Растопчину, управлявшему тогда иностранными дѣлами и, взявъ перо, написалъ слѣдующій лестный рескриптъ, исполненный краснорѣчія и высокихъ чувствъ:

«Графъ Александръ Васильевичь! Теперь намъ не «время расчитываться. Виноватаго Богъ проститъ. «Римской Императоръ требуетъ васъ въ начальники «своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и «Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти «ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте «у славы вашей время, у Меня удовольствія васъ «видѣть. Пребываю вамъ доброжелательнымъ Па«велъ.»

Облобызавъ рескриптъ, Суворовъ прижалъ его къ ранамъ своимъ, немедленно отслужилъ молебенъ въ сельской церкви и, готовясь къ неимовѣрнымъ подвигамъ, продолжалъ отличаться оригинальностію, отдалъ слѣдующій приказъ старостѣ: «*Часъ соби«раться, другой отправляться. Поѣздка съ четырью «товарищами; я въ повозкѣ, они въ саняхъ. Лошадей «осмнадцать, а не двадцать четыре. Взять денегъ на*

«дорогу двѣсти пятьдесять рублей. Егоркѣ бѣжать «къ старостѣ Фомкѣ и сказать, чтобъ такую сумму «повѣрилъ, потому, что я ѣду не на шутку. Да яжъ «служилъ за дьячка, пѣлъ басомъ, а теперь поѣду «пѣть Марсомъ.»

Въ Петербургѣ Суворовъ повергнулся 18 Февраля (1799 г.) къ стопамъ Императора. Поднявъ престарѣлаго героя, Павелъ I возложилъ на него большой крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. *«Господи! «Спаси Царя!»* — воскликнулъ тогда Фельдмаршалъ. — «Тебѣ спасать Царей!» — отвѣчалъ Императоръ. — *«Съ Тобою, Государь,* — возразилъ Суворовъ — *«возможно.»*

Пользуясь благоволеніемъ Царскимъ, безсмертный Полководецъ, который *торопился дѣлать добро* (*), исходатайствовалъ прощеніе сосланному въ Сибирь Капитану лейбъ-гренадерскаго полка Синицкому, возвратилъ его несчастной матери, схоронившей шестнадцать взрослыхъ дѣтей и остававшейся безъ всякой подпоры. — Императоръ, согласно желанію Суворова, не велѣлъ объявлять въ приказахъ о вторичномъ принятіи его въ службу.

Завистники утверждали, что побѣдитель неустроенныхъ войскъ Турецкихъ и Польскихъ, утратитъ всю свою славу передъ искусными вождями Франціи. Нелѣпые отзывы доходили до Суворова: онъ отомстилъ тайнымъ врагамъ — дѣлами.

Съ молитвой отправился герой на новое поприще, долженствовавшее передать имя его позднѣйшему

(*) Собственное выраженіе Суворова.

потомству. Въ Митавѣ посѣтилъ онъ Лудовика XVIII. — «*Тотъ день почту счастливѣйшимъ въ моей жизни* — сказалъ ему Суворовъ — «*когда пролью послѣднюю каплю крови, способствуя вамъ взойти на престолъ знаменитыхъ вашихъ правотцевъ.*» — «Я «уже не несчастливъ — отвѣчалъ Лудовикъ — «ибо «судьба отечества моего зависитъ отъ Суворова.»

Въ Вѣну Суворовъ въѣхалъ поздно вечеромъ, 15 Марта, и остановился въ домѣ нашего Посла. Зная, что Фельдмаршалъ былъ врагъ роскоши, Графъ Разумовскій приготовилъ для него комнаты безъ зеркалъ, картинъ, драгоцѣнной мебели и бронзы; велѣлъ, вмѣсто кровати, разложить сѣно: на немъ опочилъ будущій освободитель Италіи.

Въ слѣдующее утро, народъ обширной столицы Австрійской окружилъ домъ Графа Разумовскаго, бѣжалъ за каретою, въ которой ѣхалъ Фельдмаршалъ во дворецъ. Вездѣ раздавались восклицанія: *да здравствуетъ Суворовъ!* — на которыя Руской Полководецъ отвѣчалъ: *да здравствуетъ Императоръ Францъ II!* У оконъ, даже на крышахъ тѣснились зрители. Императоръ принялъ Суворова съ отличнымъ уваженіемъ; возвелъ его на степень Римско-Императорскаго Фельдмаршала; назначилъ жалованья въ годъ двадцать четыре тысячи флориновъ и восемь тысячь на путевыя издержки. Въ этомъ новомъ званіи, Суворовъ торжественно присягалъ въ церкви Св. Марка.

Рускія вспомогательныя войска вступили въ Вѣну. Трогательно было свиданіе съ ними Фельдмаршала въ Шенбрунѣ. Полководецъ привѣтствовалъ

героевъ Кинбурна, Фокшанъ, Рымника, Измаила и Праги, послѣ горестной, долговременной разлуки, словами: «*Здравствуйте чудобогатыри, любезнѣйшіе друзья мои*» — и слезы показались на мужественныхъ лицахъ воиновъ.

Зная медленныя дѣйствія *Гофкриеграта* (*) и сильное вліяніе на дѣла онаго Барона Тугута, Суворовъ испросилъ позволеніе относиться во всемъ непосредственно къ самому Императору. Тугутъ, желавшій исторгнуть у него тайну военныхъ предположеній, получилъ свитокъ бѣлой бумаги: «*вотъ «мои планы!*» — сказалъ Фельдмаршалъ и убѣжалъ отъ перваго Министра.

Въ день своего отъѣзда изъ Вѣны, Суворовъ, садясь въ дорожный экипажъ, велѣлъ принесть на золотомъ блюдѣ сердечко, надѣлъ его, въ знакъ благодарности за гостепріимство, на Графиню Разумовскую, заперъ ключемъ и, положа ключь въ карманъ, уѣхалъ.

Согласно мнѣнію Фельдмаршала, рѣшено начать военныя дѣйствія въ Верхней Италіи. Тогда Эрцгерцогъ Карлъ принудилъ Журдана отступить за Рейнъ. Суворовъ ѣхалъ къ арміи съ величайшею поспѣшностію, не смотря на темныя ночи и дурную дорогу. Въ Веронѣ народъ отпрягъ лошадей отъ кареты его и повезъ ее на себѣ до приготовленнаго для Суворова дворца. Австрійскіе Генералы Меласъ и Край явились къ нему съ рапортами. Ночью городъ былъ торжественно освѣщенъ:

(*) Главнаго воинскаго Совѣта.

вездѣ горѣлъ щитъ или вензель Фельдмаршала, вездѣ воспѣвали ему похвальныя пѣсни.

Суворовъ сдѣлалъ смотръ Австрійскимъ полкамъ и сказалъ окружавшимъ его Генераламъ: «*Шагъ «ихъ хорошъ: побѣда!*»

Вскорѣ Розенбергъ вступилъ въ Верону съ двадцати двухъ тысячнымъ корпусомъ. Число Императорскихъ Королевскихъ войскъ, ввѣренныхъ Суворову, простиралось до 66,084 человѣкъ (*). 3 Апрѣля Фельдмаршалъ обнародовалъ воззваніе къ Италійскимъ народамъ: приглашалъ ихъ соединиться подъ знамена, несомыя на брань за Бога и Вѣру, для возстановленія законнаго правительства; угрожалъ смертію вѣроломнымъ и содѣйствующимъ намѣреніямъ Республики.

Непріятель утвердился въ многочисленныхъ крѣпостяхъ Италіи, ожидая свѣжихъ войскъ. Суворовъ счелъ нужнымъ раздѣлить силы свои, чтобы дѣйствовать вдругъ противъ крѣпостей и отступавшей Французской арміи; Баронъ Край отряженъ былъ для занятія Бресчіи, важнѣйшаго пункта въ сообщеніи съ Тиролемъ: онъ овладѣлъ этою крѣпостью, при содѣйствіи храбраго Князя Багратіона; взялъ въ плѣнъ 1064 человѣкъ, захватилъ 46 орудій и получилъ приказаніе отъ Главнокомандующаго осадить Мантую и Пескьеру. Число ввѣренныхъ ему войскъ простиралось до двадцати-пяти тысячь человѣкъ.

(*) См. *Исторію Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года*, ч. 2, стр. 21 — 23.

Французскою арміею предводительствовалъ въ то время Генералъ Моро, который утвердился на правомъ берегу Адды. Главная квартира его была близь Кассано въ мѣстечкѣ Инсаго; дивизіи Серюрье около города Лекко и Дельмаса у крѣпости Лоди составляли лѣвое и правое крылья. Все протяженіе Адды, широкой, быстрой рѣки, имѣющей крутые берега, приведено было въ оборонительное состояніе; пункты, удобные для переправы, охранялись сильнѣйшими батареями. «*И здѣсь вижу я* — сказалъ Суворовъ—«*перстъ Провидѣнія. Мало славы было-бы разбить шарлатана* (*). *Лавры, которые похитимъ у Моро, будутъ лучше цвѣсти и зеленѣть.*»

Авангардъ нашей арміи, предводимый Княземъ Багратіономъ, двинулся чрезъ Бергамо къ городу Лекко и, въ предмѣстіи онаго, ударилъ 15 Апрѣля въ непріятеля штыками; покололъ до 800 человѣкъ; отразилъ съ помощію козаковъ нападеніе Французовъ, сосредоточившихся въ одинъ пунктъ; вступилъ въ городъ, преслѣдовалъ стрѣлковъ, разсыпанныхъ по горамъ въ садахъ и ущельяхъ. Французы возобновили нападеніе съ большимъ стремленіемъ, но, вскорѣ, подкрѣпилъ Багратіона Милорадовичь съ гренадерскимъ батальономъ и, не смотря на свое старшинство, великодушно оставилъ первому главное начальство. Упорное сраженіе продолжалось двѣнадцать часовъ: Французы поспѣшно отступили правымъ

(*) Подъ словомъ *шарлатана*, Суворовъ разумѣлъ Шерера, который предводительствовалъ прежде Французскою арміею.

берегомъ внизъ по рѣкѣ Аддѣ, потерявъ убитыми до двухъ тысячь человѣкъ и плѣнными сто. Фельдмаршалъ отпустилъ ихъ въ Парижъ, сказавъ: «*Идите домой и объявите землякамъ вашимъ, что Суворовъ здѣсь.*» — Нашихъ легло на мѣстѣ до 135 человѣкъ. Между тѣмъ Австрійцы овладѣли Кремою и Кремоною.

Средняя колонна союзныхъ войскъ получила отъ Главнокомандующаго приказаніе переправиться черезъ Адду противъ Треццо, и, сдѣлавъ рѣшительное нападеніе на непріятельскую армію, отдѣлить ея лѣвое крыло отъ центра. Пользуясь безпечностію Французовъ, Генералъ-Квартирмейстеръ Австрійскій Маркизъ Шателеръ совершилъ это движеніе 16 Апрѣля, ночью, по наведенному чрезъ рѣку понтонному мосту. Немедленно упорная битва загорѣлась: Французы имѣли нѣкоторое время поверхность; но Австрійцы, сильно подкрѣпленные, ударили на непріятеля холоднымъ ружьемъ, ворвались въ его лѣвое крыло, смяли, жестоко поразили. Храбрые Донскіе козаки мужественно содѣйствовали имъ, предводимые походнымъ Атаманомъ Денисовымъ и Полковникомъ Грековымъ. Сломленная первая линія Французская была подкрѣплена второю; сраженіе возобновилось и непріятель былъ снова опрокинутъ, обращенъ въ бѣгство къ Милану. Генералъ Моро едва спасся отъ преслѣдовавшихъ его гусаръ; убито Французовъ болѣе трехъ тысячь; взято въ плѣнъ: Бригадный Генералъ, семдесять штабъ и оберъ-офицеровъ и до двухъ тысячь нижнихъ чиновъ. Уронъ союзныхъ войскъ простирался болѣе тысячи чело-

вѣкъ. На другой день побѣдители двинулись колоннами къ Милану. Денисовъ первый вступилъ въ столицу Ломбардіи. Въ это время Австрійскій Генералъ Меласъ разбилъ Французовъ при мѣстечкѣ Касано; правая колонна, подъ начальствомъ нашего Генерала отъ инфантеріи Розенберга перешла черезъ Адду въ Бривіо; Серюрье съ остальными войсками своей дивизіи укрѣпился, подъ защитою артиллеріи, при деревнѣ Вердеріо. Австрійскій бригадный Генералъ Вукасовичь первый напалъ на него (17 Апрѣля) съ трехъ сторонъ и, подкрѣпленный Розенбергомъ, принудилъ положить оружіе: Серюрье и Генералъ Фрезье съ тремя тыс. войска и осмью пушками, сдались въ плѣнъ; офицерамъ позволено возвратиться во Францію, по размѣнѣ, съ условіемъ не служить противъ союзныхъ Государей. *Чтя превратность счастія въ плѣнномъ* (*), Суворовъ вручилъ шпагу Генералу Серюрье, сказавъ: «*Кто ею такъ владѣетъ какъ вы, у того она не отъемлема.*» — Серюрье просилъ освободить его войска. «*Эта черта дѣлаетъ честь вашему сердцу* — отвѣчалъ Фельдмаршалъ;—«*но вы лучше меня знаете, что народъ въ революціи есть лютое чудовище, которое должно укрощать оковами.*» — Потомъ, обнадеживъ, что Французамъ не будетъ причинено ни какихъ обидъ, произнесъ стихи Ломоносова:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ;
Но хищный волкъ его лежащаго терзаетъ.

(*) Собственныя слова Суворова. — См. *Анекдоты его*, изд. Фуксомъ, стр. 103.

«*Переведите эти стихи Французскому Генералу* — продолжалъ Фельдмаршалъ — «*Я читалъ ихъ на-«изусть, по взятіи Варшавы, и Депутатамъ Поль-«скимъ.*» — Съ этими словами Суворовъ вышелъ изъ комнаты. «Quel homme (*)!»—воскликнулъ Серюрье.

Императоръ Павелъ I препроводилъ къ Фельдмаршалу портретъ Свой, въ перстнѣ, осыпанный бриліантами. «Примите его — упомянулъ Государь въ рескриптѣ — «въ свидѣтели знаменитыхъ дѣлъ «вашихъ и носите на рукѣ, поражающей врага бла-«годенствія всемірнаго.» — Тогда сынъ Суворова пожалованъ былъ Генералъ-Адъютантомъ и получилъ приказаніе находиться при отцѣ. — «Поѣзжай и учись «у него — сказалъ ему Государь. — «Лучшаго при-«мѣра тебѣ дать и въ лучшія руки отдать не могу.»

Союзныя войска вступили въ Миланъ въ день Св. Пасхи (**). Суворовъ въѣхалъ верхомъ позади свиты своей, въ Австрійскомъ бѣломъ мундирѣ и остановился въ домѣ прежде занимаемомъ Моро. На другой день Фельдмаршалъ, надѣвъ парадный мундиръ и ордена, украшенные бриліантами, отправился, въ великолѣпной каретѣ между рядовъ выстроеннаго войска, въ соборную церковь Миланскую. Громкія восклицанія *ура!* и жителей: *да здравствуетъ Суворовъ!* привѣтствовали его на улицахъ. Католи-

---

(*) *Какой человѣкъ!* — См. *Анекдоты Суворова*, стр. 179.

(**) На канунѣ взятія Милана, Суворовъ сказалъ: *Demain j'aurai mille ans.* — *Сочиненія Фукса, стр. 89.*

ческое духовенство встрѣтило Суворова, при входѣ въ храмъ, въ полномъ облаченіи. «Господь да бла-«гословитъ шествіе твое, добродѣтельный Полково-«дець!» — произнесъ Архіепископъ — «*Молитесь*—отвѣчалъ выразительно и важнымъ голосомъ, на Италіянскомъ языкѣ Фельдмаршалъ—«*да поможетъ мнѣ* «*Богъ спасти ваши храмы и престолы Государей!*» — и, войдя въ соборную церковь, преклонилъ съ благоговѣніемъ колѣна предъ священнымъ жертвенникомъ.

Въ Миланѣ нѣкоторые Австрійскіе Генералы просили Суворова дать отдохнуть войску; но онъ отвѣчалъ имъ словомъ: *впередъ* и, пробывъ въ этомъ городѣ не болѣе четырехъ дней, обнародовалъ воззваніе къ Французамъ, которое не имѣло, однакожъ, успѣха; составилъ планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ непріятеля. Армія его, названная *операціонною* (кромѣ войскъ осадныхъ, предводимыхъ Барономъ Краемъ и находившихся также въ Венеціи), состояла только изъ 18 тысячь Рускихъ и 18 тысячь Австрійцевъ. Оставивъ 4500 человѣкъ подъ начальствомъ Генерала Латермана для блокады Миланской цитадели, Суворовъ предположилъ перейти По и Тичино и разбить Моро до присоединенія къ нему Макдональда, идущаго изъ Южной Италіи. Между тѣмъ, Эрцгерцогъ Карлъ долженъ былъ вторгнуться въ Швейцарію съ сѣвера и теснить со всѣхъ сторонъ Массену, который, покоривъ Швейцарію, расположилъ ввѣренныя ему войска, числомъ до ста тысячь, по лѣвому берегу Рейна до самой Голландіи. Тирольская армія, предводимая Графомъ Беллегардомъ, надлежала при-

соединиться къ Италіянской (*); последняя, разбивъ Макдональда, обязана была занять Туринъ; осадной арміи, по взятіи Пескьеры и Мантуи, следовало обложить Тортону; отдельному корпусу Графа Клейнау, съ подкрепленіемъ Англійскаго флота, идти для занятія Генуи; Рускимъ, Англійскимъ и Турецкимъ войскамъ, сделавшимъ высадку въ южной Италіи, преследовать Макдональда.

Моро, отступивъ отъ Милана, остановился при Александріи на рѣкѣ Бормидѣ съ собраннымъ имъ семнадцатитысячнымъ войскомъ. Фельдмаршалъ повелъ свою армію къ Тортонѣ, сделалъ воззваніе къ обитателямъ Піемонта, убеждая ихъ взять оружіе на защиту законнаго Государя. Баронъ Край деятельно продолжалъ осадную войну, открылъ траншеи противъ Пескьеры. Въ это время прибылъ въ Италію Великій Князь Константинъ Павловичъ, сопровождаемый Генераломъ отъ кавалеріи Дерфельденомъ. Пріездъ его былъ ознаменованъ сдачею осаждаемой крепости: 90 орудій, множество съестныхъ и другихъ припасовъ, большое количество пороха и флотилія изъ осмнадцати канонерскихъ лодокъ увеличили трофеи союзниковъ, которые открыли для себя сообщеніе съ Тиролемъ и Швейцаріею. Вскоре Великій Князь явился въ главную квартиру Фельдмаршала, находившуюся въ Вогере. 28 Апреля

(*) Австрійскія войска, находившіяся подъ начальствомъ Эрцгерцога Карла въ Германіи и подъ начальствомъ Беллегарда въ Тиролѣ, числомъ до ста двадцати девяти тысячь чел., оставались тогда въ бездействіи.

храбрый Маркизъ Шателеръ покорилъ эту крѣпость, ключь Піемонта. Другая крѣпость Пичиготона, сдалась въ тотъ день на капитуляцію Фельдмаршалу-Лейтенанту Кейму. Между тѣмъ Вукасовичь овладѣлъ въ Верхней Италіи крѣпостями: Ивреею и Ароною; поселяне вездѣ вооружались противъ Французовъ и союзная армія безпрепятственно получала продовольствіе изъ плодородныхъ областей: Феррарской, Болонской и Моденской.

Среди повсемѣстныхъ успѣховъ, Розенбергъ, увлекаемый храбростію, сразился 20 Апрѣля при Басиньяно съ Французами; сбилъ ихъ передовые отряды, но, стѣсненный, близь Пичетто, многочисленнымъ непріятелемъ, послѣ упорной обороны, продолжавшейся восемь часовъ, переправился обратно чрезъ По, оставивъ двѣ пушки. Въ этомъ дѣлѣ Милорадовичь, подъ которымъ убиты были три лошади, съ малыми силами нанесъ чувствительный вредъ противникамъ: увидя замѣшательство рядовъ нашихъ, онъ схватилъ знамя, бросился впередъ, закричавъ: «*Солдаты! смотрите какъ умретъ Генералъ вашъ!*» — и опрокинулъ Французовъ штыками. Смерть щадила безстрашнаго, чтобы онъ съ большею славой палъ (1825 г.) за Царя и отчизну. — Розенбергъ занялъ крѣпости Валенцу и Касаль, оставленныя непріятелемъ, а Вукасовичь Веррую; Піемонцы овладѣли замкомъ Чевою. Другой ученикъ Суворова, храбрый Князь Багратіонъ, съ шестью батальонами и двумя козачьими полками, вступилъ въ Генуезскую крѣпость Нови; сразился съ Французами при рѣкѣ Танаро; положилъ на мѣстѣ до 2500 человѣкъ; взялъ

въ плѣнъ 200. Крѣпость Александрія сдалась Генералъ-Лейтенанту Повалошвейковскому; Миланская цитадель Генералу Графу Гогенцоллерну; Феррара (въ Верхней Италіи) Графу Клейнау. — Передъ Туриномъ нѣкоторые Генералы осмѣлились представить Суворову затрудненія, препятствующія взять этотъ городъ. Онъ разсердился и вскрикнулъ: «*Пустое! Аннибалъ, прошедъ Испанію, переправясь чрезъ «Рону, поразивъ Галловъ, перешедъ Альпы, — взялъ «въ три дни Туринъ. Онъ будетъ моимъ учителемъ. «Хочу быть преемникомъ его генія* (*).»

Вскорѣ столица Сардинскаго Королевства увеличила завоеванія Суворова: Вукасовичь, начальствовавшій передовыми Австрійскими войсками, первый вступилъ въ Туринъ 14 Мая, прогнавъ непріятеля въ замокъ. На другой день Фельдмаршалъ имѣлъ торжественный въѣздъ, въ сопровожденіи Великаго Князя, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. Получено въ добычу 382 пушки, 15 мортиръ, двадцать тысячь ружей и арсеналъ, наполненный множествомъ припасовъ. Изъ цитадели, въ которую удалился трех-тысячный гарнизонъ Французскій, безпрестанно сыпались градомъ бомбы, картечи и каленыя ядра. Суворовъ велѣлъ объявить Коменданту Фіореллѣ: *что если онъ не прекратитъ пальбы, то подъ выстрѣлы будутъ выведены Французскіе плѣнные.* Тишина водворилась. — Духовенство Католическое, при входѣ Суворова въ каѳедральный храмъ, въ угодность ему, благословило его по обряду Греческой Церкви.

(*) *Анекдоты Суворова*, стр. 177.

Туринъ поднесъ побѣдителю шпагу, украшенную бриліантами.

По прошествіи нѣкотораго времени, Главнокомандующій удостоился получить слѣдующій рескриптъ отъ Императора:

«Графъ Александръ Васильевичь! Въ первый разъ «увѣдомили вы Насъ объ одной побѣдѣ, въ другой «о трехъ, а теперь прислали реестръ взятымъ го«родамъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ вамъ «всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи «памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ. Освободите «ее отъ ига неистовыхъ разорителей; а у Меня за «сіе воздаяніе для васъ готово. Простите. Богъ съ «вами. Пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ.»

Тщетно Генералъ Викторъ съ шеститысячнымъ войскомъ покушался взять замокъ Чеву: Вукасовичь и Фрейлихъ, отряженные Суворовымъ, принудили Французовъ отступить, овладѣвъ 14 пушками и двумя мортирами.

Побѣды Суворова угрожали границамъ Франціи; но Вѣнскій Дворъ, щадившій войска свои, препятствовалъ дальнѣйшимъ его успѣхамъ, предписывалъ ему: не отваживаться на предпріятія слишкомъ отдаленныя и не вѣрныя; ограничивать дѣйствія покореніемъ Мантуи и цитадели Миланской, также обороною завоеванныхъ крѣпостей. Разныя распоряженія Суворова въ Піемонтѣ были уничтожены Римскимъ Императоромъ. Россійскій Самодержецъ приказывалъ Фельдмаршалу водворить Короля Сардинскаго въ его владѣніяхъ; Францъ II посягалъ на Піемонтъ въ вознагражденіе понесенныхъ по-

теръ Австріею въ продолжительную войну противъ Франціи; отмѣнилъ составленіе Піемонтской арміи. Гофкригсратъ, безъ всякаго сношенія съ Фельдмаршаломъ, прислалъ повелѣніе Краю, тѣснившему Французовъ изъ области Болонской, возвратиться къ осадѣ Мантуи (*). Суворовъ негодовалъ и противъ Эрцгерцога Карла, *которому* — по словамъ нашего знаменитаго Полководца — «*давно слѣдовало бы, за-«воевавъ Швейцарію, даровать вольность тамошнимъ «храбрымъ народамъ и, съ помощію ихъ, господство-«вать на Рейнѣ.*»

Обезпечивъ правое крыло союзной арміи со стороны Альпійскихъ горъ, Фельдмаршалъ имѣлъ безпрестанное наблюденіе за дѣйствіями Моро и Макдональда, старавшихся соединиться. Для открытія сообщенія съ послѣднимъ, Моро отрядилъ Виктора съ десятитысячною дивизіею, а самъ занялъ Геную и намѣревался идти къ Александріи. Главнокомандующій, поручивъ осаду Туринской цитадели Кейму и предписавъ Краю поспѣшить на помощь противъ Моро, приказалъ привести въ оборонительное состояніе крѣпости Валенцу и Павію, и съ 14 Рускими батальонами, съ полками драгунскимъ Австрійскимъ Карачая и козачьимъ, выступилъ на встрѣчу Французскаго Генерала. Въ Александріи Суворовъ узналъ 4 Іюня, что армія Макдональда стремится въ трехъ

(*) Суворовъ называлъ дѣйствія Гофкригсрата *черепашнымъ шагомъ*. — «Ничему путному не бывать — писалъ онъ къ Графу Растопчину — «доколѣ Тугутъ не «перестанетъ самовластвовать.»

сильныхъ колоннахъ на Модену и Парму къ Мантуѣ и, немедленно, оставивъ тяжелые обозы, повелъ войка свои усилениыми маршами къ Сен-Джіовани. Тогда, прибывшій въ главную квартиру Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Беллегардъ, который командовалъ до того въ Тиролѣ, принялъ начальство надъ осадою Тортонской и Александрійской цитаделей. Ему поручено было также наблюдать за арміею Моро: корпусъ его простирался до девяти тысячь человѣкъ; авангардомъ предводительствовалъ храбрый Вукасовичь.

Стремительно шествовалъ изъ Неаполя Макдональдъ, преодолѣвая всѣ препятствія: онъ присоединилъ къ своимъ двумъ дивизіямъ еще двѣ, Тосканскую и Виктора, также Польскій легіонъ Домбровскаго, увеличилъ силы до двадцати восьми тысячь; для облегченія похода уменьшилъ обозы; вытѣснилъ Австрійцевъ изъ Понтремоли; занялъ Болонь; принудилъ Клейнау снять осаду Урбано и отступить къ Феррарѣ; окружилъ подъ Моденою Графа Гогенцоллерна, сразился съ нимъ, раненъ, отбросилъ его къ Мирандолѣ; вступилъ въ Піаченцу; сдѣлалъ расположеніе къ осадѣ цитадели; готовился подавить пятитысячную дивизію Фельдмаршала-Лейтенанта Отто: послѣдній, оставивъ форпосты свои при Требіи, принужденъ былъ удалиться за рѣку Тидону и едва держался противъ шестнадцати тысячнаго непріятельскаго войска, какъ явился Суворовъ съ Россійскимъ авангардомъ, предводимымъ Княземъ Багратіономъ (6 Іюня). Козаки ударили на Французовъ въ лѣвый флангъ; Князь Горчаковъ, подкрѣп-

ленный Великимъ Княземъ, атаковалъ правый: сражались болѣе холоднымъ ружьемъ. Кровавая битва продолжалась шесть часовъ; Багратіонъ содѣйствовалъ побѣдѣ. Непріятель отступилъ къ рѣкѣ Требіи, лишась убитыми 600 человѣкъ; въ плѣнъ взято 400.

На другой день (7 Іюня) союзная армія перешла тремя колоннами вбродъ чрезъ Тидону. Макдональдъ сосредоточилъ всѣ свои силы на этой сторонѣ рѣки Требіи, построилъ въ боевый порядокъ двадцать восемь тысячь человѣкъ. Не смотря на невыгодное мѣстоположеніе, Князь Багратіонъ, подкрѣпленный Австрійскимъ Генераломъ Карачаемъ и козачьими полками Грекова и Поздѣева, быстро атаковалъ холоднымъ ружьемъ лѣвое крыло непріятельское, которое состояло изъ семи тысячь пѣхоты и тысячи чел. конницы, опрокинулъ ихъ за рѣку Требію, положилъ на мѣстѣ болѣе 500 человѣкъ, отнялъ двѣ пушки и знамя, взялъ въ плѣнъ 600 Поляковъ. Непріятель усилился на этомъ пунктѣ до пятнадцати тысячь человѣкъ: Розенбергъ подоспѣлъ къ Багратіону, ударилъ въ штыки и общими силами сбилъ Французовъ за Требію, истребилъ 800 чел., увеличилъ число плѣнныхъ 400. — Генералъ-Лейтенантъ Ферстеръ атаковалъ, между тѣмъ, непріятельскій центръ, также опрокинулъ его за рѣку, положилъ на мѣстѣ до 500 человѣкъ. Правое крыло Французское, состоявшее изъ десяти тысячь, сразилось съ Генераломъ отъ кавалеріи Меласомъ и послѣ упорной битвы, часъ продолжавшейся, принуждено было отступить за Требію. Сильная пальба на обоихъ

берегахъ продолжалась до полночи. Союзная армія отдыхала на этой сторонѣ рѣки.

8 Іюня произошло третье сраженіе, съ большимъ, противъ прежнихъ двухъ, пролитіемъ крови: Макдональдъ ночью соединился съ послѣдними силами своей арміи и, имѣя уже до тридцати трехъ тысячь противъ двадцати двухъ тысячь союзныхъ войскъ (*), началъ колоннами переправляться черезъ Требію. Сраженіе возобновилось въ десять часовъ утра и продолжалось до седьмаго по полудни. Домбровскій съ Польскимъ легіономъ хотѣлъ обойти правое крыло наше: Багратіонъ, прежде всѣхъ, встрѣтилъ его штыками; Розенбергъ, подкрѣпленный Милорадовичемъ, атаковалъ и сломилъ въ линіи. Ферстеръ, который командовалъ центромъ союзныхъ войскъ, принялъ также въ штыки и сабли дивизію Монришара, опрокинулъ ее и преслѣдовалъ, между тѣмъ какъ на лѣвомъ крылѣ Меласъ разбилъ и обратилъ въ бѣгство правый непріятельскій флангъ подъ начальствомъ Оливье. Нѣсколько разъ Французы отступали за рѣку, возвращались оттуда, возобновляли атаку съ большимъ ожесточеніемъ и въ одномъ бѣгствѣ искали спасенія своего. Фельдмаршалъ, пользовавшійся рѣшительными мгновеніями, во время трехъ дневныхъ битвъ не сходилъ съ козачьей лошади, забылъ преклонныя лѣта, одушевлялъ войска своимъ присутствіемъ, спѣшилъ туда, гдѣ они начинали только разстроивать-

(*) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи*, изд. Фуксомъ, ч. 2, стр. 437.

ся и, тотчасъ, возстановлялъ порядокъ. Макдональдъ явилъ себя достойнымъ соперникомъ Суворова: страдая отъ полученной раны подъ Моденою, онъ командовалъ на носилкахъ; оспоривалъ побѣду; собралъ военный совѣтъ въ Піаченцѣ, объявилъ оному намѣреніе свое: *сразиться съ Суворовымъ въ четвертый день, чтобы побѣдить или умереть;* но военачальники Французскіе не согласились на это предложеніе и для блага республики, для спасенія арміи, требовали отступленія. Макдональдъ принужденъ былъ покориться жестокой судьбѣ своей. Рускіе преслѣдовали враговъ за рѣку Нуру. Приказывая сильно и неутомимо гнать бѣжавшаго непріятеля, Суворовъ требовалъ, чтобы щадили и миловали покорныхъ. Макдональдъ удалился съ семнадцатитысячнымъ войскомъ въ Тосканскую область; потомъ, сдѣлавшись боленъ отъ ранъ и тягостныхъ трудовъ, отправился въ Парижъ, приказавъ арміи своей соединиться съ Моро.

Въ эти убійственные дни погибло войска республики до шести тысячь; въ плѣнъ взято побѣдителями: 4 Генерала, 8 Полковниковъ, 502 Штабъ и Оберъ-офицеровъ и 11,766 нижнихъ чиновъ; получено въ добычу семь знаменъ и шесть пушекъ. Союзники потеряли убитыми менѣе тысячи человѣкъ; ранено на ихъ сторонѣ до четырехъ тысячь, въ томъ числѣ Князь Багратіонъ.

Узнавъ о походѣ Суворова противъ Макдональда, Моро устремился съ десятитысячнымъ войскомъ, черезъ Бокетту, Гави и Нови, къ Тортонѣ; занялъ этотъ городъ, перешелъ чрезъ Скривію, сразился

съ Беллегардомъ, принудилъ его отступить за Бормиду и, потомъ, предпринялъ обратный путь, удалился, чрезъ Бокетту, въ горы, избавивъ Макдональда посредствомъ этого движенія отъ дальнѣйшаго преслѣдованія Россійскаго Фельдмаршала.

Во время Требійской побѣды Кеймъ овладѣлъ Туринскою цитаделью, въ которой найдено: мѣдныхъ мортиръ 148, пушекъ 384, гаубицъ 30, ружей 40,000; столько же тысячь пудовъ пороху и множество военныхъ снарядовъ. Союзники имѣли въ своей власти всю рѣку По. Для осады цитадели Александрійской и Тортоны отправлена была водою артиллерія Туринская. Между тѣмъ оставшіяся безъ защиты послѣднія крѣпости Республики Чизальпинской, Болонь и Форте-Франко или Урбано, сдались Клейнау и Отто.

Италія, внимая воззваніямъ Суворова, вооружилась: составились противъ Французовъ народныя арміи подъ предводительствомъ Лагоца и Кардинала Руффо. Первый имѣлъ подъ ружьемъ двадцать двѣ тысячи Неаполитанцевъ; послѣдній болѣе тридцати тысячь вооруженнаго народа. Въ числѣ отдѣльныхъ предводителей Кардинала находился молодой монахъ, по прозванію *Фра-Діаволино*, до того содержавшійся въ тюрьмѣ и загладившій, потомъ, вины свои неимовѣрною храбростію: разбившій непріятеля на берегу Адріатическомъ, въ Пескарѣ, учредившій блокаду крѣпостей Капуи и Газты. Въ освобожденіи отъ Французовъ Королевства Неапольскаго и владѣній Папы содѣйствовали Руффо Россійско-Турецкій и Англійскій флоты, кото-

рыми предводительствовали Ушаковъ (подчиненный Суворову) и Нельсонъ.

Преслѣдовавшій Макдональда съ легкимъ корпусомъ Графъ Клейнау занялъ Ливорну, крѣпости Сарцанеллу, Леричи, Сен-Терезу; окружилъ блокадою крѣпость Сен-Марію, которую защищалъ гарнизонъ изъ 380 человѣкъ. Неприступная цитадель Александрійская, устроенная на высотѣ и защищаемая съ двухъ сторонъ рѣкою Танаро, послѣ сильнаго сопротивленія, сдалась Графу Беллегарду на капитуляцію. Тогда прибылъ въ Верону вспомогательный десятитысячный Россійскій корпусъ, высланный Императоромъ Павломъ I-мъ къ Королю обѣихъ Сицилій. Имъ предводительствовалъ Генералъ-Лейтенантъ Ребиндеръ, котораго, по распоряженію Фельдмаршала, смѣнилъ Генералъ Розенбергъ. Главный корпусъ нашихъ войскъ перешелъ подъ начальство Генерала отъ кавалеріи Дерфельдена. Розенбергу велѣно прикрывать осаду Мантуи и на время остановиться при Піаченцѣ.

Наконецъ и твердая Мантуа покорилась оружію Императорскому. Десятитысячный гарнизонъ ея, въ половину больной и израненый, сдался 17 Іюля на капитуляцію Генералъ-Фельдцейхмейстеру Краю, съ тѣмъ, чтобы оставаться военноплѣннымъ въ Германіи. Въ крѣпости найдено болѣе 300 пушекъ.

Суворовъ продолжалъ испытывать разныя неудовольствія отъ Гофкригсрата, который, останавливая полетъ непобѣдимаго Полководца, *вязалъ его* — какъ изъяснялся онъ. «Робость Гофкригсрата — писалъ къ

Императору Павлу I Фельдмаршалъ; — «зависть ко «мнѣ, какъ чужестранному; интриги частныхъ, дву«личныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ Гоф«кригсратъ; безвластіе мое въ производствѣ операцій, «прежде доклада, на тысячи верстахъ, принуждаютъ «меня всеподданнѣйше просить В. И. В. о моемъ «отзывѣ, ежели сіе не перемѣнится. Я хочу кости «положить въ моемъ Отечествѣ и молить Бога за «моего Государя.»

Въ это время Король Сардинскій Викторъ-Эмануилъ прислалъ Суворову ордена: Анонсіады, Св. Маврикія и Лазаря, дипломъ на чинъ Генералъ-Фельдмаршала Королевскихъ войскъ, также на достоинство Князя съ титуломъ его двоюроднаго брата (*cousin*) и съ предоставленіемъ онаго изъ рода въ родъ перворожденнымъ; сверхъ сего изъявилъ желаніе служить въ арміи Италійской подъ его начальствомъ. Императоръ Павелъ I согласился на полученіе Суворовымъ лестныхъ отличій и, увѣдомляя его о томъ, изъяснилъ: «что чрезъ это, онъ и Ему «войдетъ въ родство, бывъ единожды принятъ въ «одну Царскую Фамилію, потому, что владѣтельныя «Особы между собою всѣ почитаются роднею (*).»— За пораженіе Макдональда, Фельдмаршалъ награжденъ 13 Іюля портретомъ Государя, осыпаннымъ бриліантами, для ношенія на груди; а за освобожденіе всей Италіи, въ четыре мѣсяца, *отъ безбожныхъ ея завоевателей* пожалованъ (8 Авг.) Княземъ

(*) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи* 1799 г., ч. 3, стр. 268.

Россійской Имперіи съ титуломъ *Италійскаго*, который распространенъ и на его потомковъ мужескаго и женскаго родовъ. Въ Англіи на всѣхъ праздникахъ пили здоровье: 1) Короля; 2) Императора Россійскаго и 3) *избавителя Италіи*; сочиняли въ похвалу Суворова пѣсни. — Императоръ повелѣлъ Фельдмаршалу, въ случаѣ продолженія дѣлаемыхъ ему непріятностей отъ Вѣнскаго Кабинета, собрать въ одно мѣсто ввѣренныя ему Россійскія войска и дѣйствовать, по обстоятельствамъ, независимо; но, вмѣстѣ, совѣтовалъ остерегаться союзниковъ, продолжая сношенія съ Англійскимъ Министерствомъ. Суворовъ просилъ Государя наградить Генералъ-Фельдцейхмейстера Края и получилъ въ отвѣтъ: «Я «ничего ему не дамъ: потому, что Императоръ Францъ «трудно признаетъ услуги и воздаетъ за спасеніе «своихъ земель учителю и предводителю его войскъ.»

Успѣхи союзниковъ въ Италіи произвели переворотъ въ Французскомъ Правительствѣ: Директоры Республики были смѣнены; начальство надъ арміею ввѣрено Жуберту, котораго Бонапартъ называлъ *наслѣдникомъ славы своей*. Юный герой, не задолго передъ тѣмъ сочетавшійся бракомъ, надѣлъ на грудь портретъ обожаемой имъ супруги, поклялся именемъ ея побѣдить или умереть и полетѣлъ въ Италію. Моро сдалъ ему начальство и, соединенный съ нимъ тѣсною дружбой, остался въ главной квартирѣ, чтобы вмѣстѣ отомстить честь Французскаго оружія. Между тѣмъ городъ Сераваль, находящійся у подошвы утесистой горы, послѣ кратковременнаго бомбардированія, отворилъ вороты Багратіону. Рускій

авангардъ, подъ начальствомъ послѣдняго, занялъ позицію передъ Нови. Вскорѣ Жубертъ и Моро появились на хребтахъ высокихъ горъ, надъ обширною равниной, простирающеюся до Тортоны и Александріи. «*Юный Жубертъ* — сказалъ Суворовъ — *пришелъ учиться; дадимъ ему урокъ.*»

Выступя изъ горъ съ 45 тысяч. чел., Главнокомандующій Французскихъ войскъ занялъ выгодное положеніе по хребту на Нови къ Серавалѣ, оставя въ тылу Гави. 4 Августа начался кровавый бой, шестнадцать часовъ продолжавшійся. Центромъ союзной тридцати-восьми-тысячной арміи предводительствовалъ Дерфельденъ; правымъ крыломъ Край, лѣвымъ Меласъ. Войска Розенберга составляли обсерваціонный корпусъ: ему поручено было прикрывать осаду Тортоны и, въ случаѣ надобности, подкрѣплять сражающуюся армію. На разсвѣтѣ, лѣвое крыло непріятельское было сильно атаковано Крайемъ, который овладѣлъ ближайшими высотами; но принужденъ уступить превосходнымъ силамъ Французовъ. Жубертъ самъ повелъ на штыкахъ противъ Австрійцевъ колонну пѣхоты, стремился, верхомъ, съ нею при восклицаніяхъ солдатъ: *да здравствуетъ Республика! да здравствуетъ Жубертъ!* . . . . Пуля мгновенно рѣшила блистательную судьбу его; послѣднія слова его были: *впередъ, впередъ!* . . . . . Моро снова принялъ начальство. — Чтобы облегчить препятствія, встрѣченныя Крайемъ, Князь Багратіонъ сдѣлалъ атаку на центръ непріятельскій. Французы начали дѣйствовать правымъ крыломъ своимъ въ лѣвый флангъ Императорскихъ войскъ, овладѣли всѣ-

ми возвышеніями въ окрестностяхъ Нови, составляющими подошву Генуэзскихъ горъ. Тамъ ударилъ на нихъ Генералъ-Маіоръ Князь Горчаковъ, подкрѣпленный, потомъ, Меласомъ и Дерфельденомъ. Вся Императорская армія двинулась впередъ. Градъ ядеръ и картечи привелъ въ замѣшательство Рускія колонны; но, усиленныя свѣжими полками, онѣ снова устремились на смертоносныя горы, три раза возобновляли нападенія на центръ непріятельскій. Французы, казалось, мстили за смерть Жуберта; колонны Дерфельдена, открывая путь къ убійственнымъ высотамъ, подъ личнымъ предводительствомъ Суворова, котораго сопровождалъ Великій Князь, какъ будто наказывали за дерзновенное намѣреніе помрачить славу Россійскаго Полководца. Моро, Сенъ-Сиръ и начальникъ Французскаго Главнаго Штаба Дессоль, видя послѣднія усилія союзной арміи, бросились сами противъ Рускихъ съ новыми колоннами. Съ такою же твердостію противъ лѣваго крыла Французской арміи, которое получило подкрѣпленіе, возобновляли атаку войска Края, нѣсколько разъ отраженныя. Лѣвое крыло союзниковъ сражалось на берегахъ рѣки Скривіи противъ Домбровскаго. Меласъ принудилъ его отступить и снять блокаду Серавали. Нападенія на центръ Французскихъ войскъ требовали безпрестанныхъ подкрѣпленій съ праваго ихъ крыла, которое ослабѣло до того, что не могло сопротивляться стремленію лѣваго крыла соединенныхъ войскъ. Пользуясь обстоятельствами, Меласъ предпринялъ движеніе на дорогу между Серавалію и Гави, въ тылъ правому Французскому крылу. Стѣс-

ненная этимъ движеніемъ Республиканская армія не могла сопротивляться нападеніямъ на центръ; Рускіе достигли высотъ; Французы начали отступать, склоняясь къ лѣвому крылу своему на деревню Пастурану. Тамъ отряды Австрійской кавалеріи и козаковъ, подъ начальствомъ Карачая, довершили пораженіе непріятеля, который удалился чрезъ Боккету къ Савонѣ, чтобы сблизиться съ своими подкрѣпленіями, собранными на границѣ Піэмонтской. Мракъ ночи покрылъ бѣгство враговъ.

Потеря Французовъ простиралась до двадцати тысячь чел., въ томъ числѣ убитыми до семи тысячь, плѣнными болѣе 4600, ранеными болѣе 5000, пропавшими безъ вѣсти около 4000. Въ числѣ плѣнныхъ находились четыре Генерала; пушекъ взято 39, ящиковъ съ снарядами 54. Союзныя войска потеряли убитыми до 1300 чел., ранеными болѣе 4700. Побѣда при Нови заставила непріятеля заключить капитуляцію о сдачѣ Тортоны, *крѣпости неприступной, стоящей на высотѣ скалы, которую ни гаубицы, ни бомбы не достаютъ, стоившей Королю Сардинскому пятнадцать милліоновъ* (*).

Императоръ Павелъ I повелѣлъ (24 Авг.) гвардіи и всѣмъ Россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи Своемъ, *отдавать* Князю Италійскому, Графу Суворову-Рымникскому *всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ Особѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.* — «Князь Александръ Васильевичь! — писалъ Государь къ Фельдмаршалу, — «Я получилъ

(*) Слова Суворова. См. въ *Анекдотахъ* его стр. 169.

«извѣстіе о знаменитой побѣдѣ вашей надъ упокоен-«нымъ вами Генераломъ Жубертомъ. Радъ весьма, «а тѣмъ болѣе, что убитыхъ немного и что вы здо-«ровы. Не знаю, что пріятнѣе? Вамъ ли побѣж-«дать или Мнѣ награждать за побѣды? Но мы оба «исполняемъ должное: Я какъ Государь, а вы какъ «первый Полководецъ въ Европѣ. Посылаю награ-«жденіе за взятіе Серавали; а вамъ не зная, что «уже давать, потому, что вы поставили себя свыше «награжденій, опредѣлили почесть военную, какъ «увидите изъ Приказа, вчера отданнаго. Достойному «достойное. Прощайте, Князь! Живите, побѣждайте «Французовъ, и прочихъ, кои имѣютъ въ виду не «возстановленіе спокойствія, но нарушеніе онаго.»

Между тѣмъ Генералъ-Лейтенантъ Германъ сдѣлалъ неудачную высадку въ Голландіи; другой вспомогательный тридцати-трехъ тысячный корпусъ, подъ начальствомъ Нумсена, потомъ Генералъ-Лейтенанта Римскаго-Корсакова, двинулся въ Швейцарію, гдѣ Эрцгерцогъ Карлъ занялъ Цирихъ; третій, пятитысячный, изъ эмигрантовъ, подъ предводительствомъ Принца Конде, находился въ Волыніи.

Въ то время какъ Россійскій Самодержецъ, желая утвердить спокойствіе Европы, возстановлялъ вѣру и низверженныхъ Государей, Вѣнскій дворъ продолжалъ противудѣйствовать, достигнувъ своей цѣли. Генералъ Графъ Клейнау, долженствовавшій, при пособіи Англійскаго флота, тѣснить непріятеля на берегахъ Генуэзскихъ, находившійся уже на одинъ переходъ отъ Генуи, поступилъ подъ начальство Фельдмаршала-Лейтенанта Фрейлиха, который былъ

отозванъ отъ главной союзной арміи въ Герцогство Тосканское; Суворовъ, по приказанію Императора Франца II, сдалъ начальство надъ Австрійскими войсками Генералу Меласу и двинулся съ своими полками въ Швейцарію. Піемонтъ остался во власти союзниковъ. Къ довершенію непріятностей, Эрцгерцогъ, до соединенія нашего Фельдмаршала съ Римскимъ-Корсаковымъ, удалился изъ Швейцаріи въ Швабію.

Такъ кончился знаменитый походъ 1799 года, въ которомъ союзники подъ главнымъ предводительствомъ Суворова выиграли десять сраженій, пріобрѣли около трехъ тысячь огнестрѣльныхъ орудій, двѣсти тысячь ружей, восемдесять тысячь плѣнныхъ и покорили двадцать пять крѣпостей, лишась убитыми и ранеными только восемь тысячь человѣкъ (*).

Не отступая отъ предположеннаго плана Государь, съ своей стороны, предоставилъ всѣ Россійскія войска въ Швейцаріи и корпусъ Принца Конде главному начальству Суворова, съ тѣмъ, чтобы эта армія, усиленная Швейцарами, которыхъ вооружала Англія, составивъ центръ Австрійскихъ войскъ Эрцгерцога и Меласа, стремилась чрезъ Франшъ-Конте во Францію.

Оставляя Италію, Фельдмаршалъ простился съ Австрійцами приказомъ, исполненнымъ признательности. «Никогда — упомянулъ Суворовъ — «не забуду «я храбрыхъ Австрійцевъ, которые почтили меня «довѣренностію и любовію; не забуду воиновъ по-

(*) См. *Замѣтку Суворова* въ Исторіи Рос. Австр. кампаніи 1799 г., ч. 3, стр. 490.

«бѣдоносныхъ, содѣлавшихъ меня побѣдителемъ.»— Непріятная вѣсть объ удаленіи Россіянъ привела въ уныніе обитателей Піемонта и Ломбардіи.

Руская армія выступила въ походъ къ границамъ Швейцаріи двумя колоннами: первою предводительствовалъ Дерфельденъ, второю Розенбергъ. Полевыя орудія отправлены, подъ прикрытіемъ войска, чрезъ Миланъ и Комо, откуда положено перевести ихъ на судахъ. Въ замѣнъ этихъ пушекъ корпусъ Дерфельдена долженъ былъ получить 15 горныхъ, а корпусъ Розенберга 10. Австрійское начальство обязалось снабдить мулами подъ орудія и для подвоза провіанта. Меласъ увѣрилъ Суворова, что они выставлены въ городѣ Белинцонѣ, лежащемъ у подошвы Сен-Готарда. Быстро шествовалъ Суворовъ: въ шесть дней совершилъ переходъ для котораго нужно было восемь; но въ Белинцонѣ не нашелъ онъ обѣщанныхъ муловъ, потерялъ пять дней, обнадеживаемый Австрійскими коммиссіонерами и въ такой крайности исполнилъ полезный совѣтъ Великаго Князя добавить недостававшее число муловъ козачьими лошадьми.

Приближаясь къ Альпійскимъ горамъ, одушевляя Россіянъ чрезвычайными дѣлами, недавно совершенными въ Италіи, опытный Полководецъ не скрывалъ отъ военачальниковъ своихъ печальныхъ слѣдствій удаленія изъ Швейцаріи Эрцгерцога; предвидѣлъ, что Массена устремится со всѣми силами своими на Корсакова, потомъ на Конде.

Наконецъ показались грозные утесы и скалы Сен-Готарда, котораго вершина возносится выше

облаковъ. Осенняя, ненастная погода придавала еще болѣе мрачности дикой громадѣ. Между солдатами, утомленными отъ дальнихъ походовъ, возникъ ропотъ на трудный переходъ. Услышавъ негодованіе, Суворовъ предоставилъ имъ избрать любое: безпрекословно повиноваться ему или предать его землѣ у подошвы Сен-Готарда; велѣлъ рыть для себя могилу. «*Здѣсь похороните меня* — произнесъ герой: — «*вы болѣе не дѣти мои — я болѣе не отецъ* «*вамъ — мнѣ ничего не остается кромѣ смерти!*» — Изумленные, растроганные солдаты, зная рѣшительность вождя своего, бросились къ нему съ громкими восклицаніями: *веди, веди насъ!* подняли его на руки. «Вотъ — говоритъ очевидецъ Фуксъ — «первый шагъ Суворова къ побѣдамъ на горахъ Альпійскихъ (*)!»

Въ донесеніи своемъ Государю отъ 3 Октября (1799 г.), Суворовъ описалъ знаменитый переходъ свой: «На каждомъ шагѣ въ этомъ царствѣ ужаса, «зіяющія пропасти представляли отверстые и поглотить готовые гробы смерти. Дремучія, мрачныя «ночи, непрерывно ударяющіе громы, ліющіеся дожди и густый туманъ облаковъ, при шумныхъ водопадахъ, съ каменьями съ вершинъ низвергавшихся, увеличивали трепетъ. Тамъ явилась зрѣнію «нашему гора *Сен-Готардъ*, этотъ величающійся колоссъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя «тучи и облака плаваютъ, и другая, уподобляющаяся ей, *Фогельсбергъ*. Всѣ опасности, всѣ трудности

(*) *Исторія Рос. Австр. кампаніи*, ч. 1, стр. 291.

«были преодолѣны, и при таковой борьбѣ со всѣми «стихіями, непріятель, гнѣздившійся въ ущелинахъ «и въ неприступныхъ, выгоднѣйшихъ мѣстоположе- «ніяхъ не могъ противостоять храбрости воиновъ, «явившихся неожиданно на этомъ новомъ театрѣ: «онъ всюду прогнанъ. Войска В. И. В. прошли «чрезъ темную горную пещеру *Урзерн-Лохъ*, заняли «мостъ удивительною игрой природы изъ двухъ «горъ сооруженный и прошенованный *Тейфельсбри- «ке* (*) Оный разрушенъ непріятелемъ; но это не «остановило побѣдителей: они связываютъ доски «шарфами офицеровъ; бѣгутъ по этимъ доскамъ, «спускаются съ вершинъ въ бездны, и, достигая «врага, поражаютъ его всюду. Напослѣдокъ надле- «жало восходить на снѣжную гору *Бикшнеръ-Бергъ*, «скалистою крутизной всѣ прочія превышающую; «утопая въ скользкой грязи, должно было поды- «маться противъ и посреди водопада, низвергавша- «гося съ ревомъ, и низрывавшаго съ яростію стран- «ные камни, снѣжныя и земляныя глыбы, на ко- «торыхъ много людей съ лошадьми съ величайшимъ «стремленіемъ летѣли въ преисподнія пучины, гдѣ «многіе убивались, а многіе спасались. Всякое изра- «женіе недостаточно къ изображенію этой картины «во всемъ ея ужасѣ. Единое воспоминаніе преиспол- «няетъ душу трепетомъ и теплымъ благодарствен- «нымъ моленіемъ ко Всевышнему, Его же невиди- «мая, всесильная десница видимо охраняла воинство «В. И. В., подвизавшееся Святою Его Вѣрою.»

(*) *Чертовъ мостъ.*

Суворовъ совершилъ неимовѣрный походъ среди своего войска на лошади, едва влачившей ноги, въ синемъ обветшаломъ плащѣ, который достался ему послѣ отца и былъ извѣстенъ подъ названіемъ *родительскаго*, въ круглой большой шляпѣ, взятой у одного капуцина. Ропотъ воиновъ, отчаяніемъ исторгаемый, доходилъ до него: «Старикъ нашъ — говорили они вслухъ — «выжилъ уже изъ ума: «Богъ вѣсть, куда насъ завелъ!» — Суворовъ спрашивалъ: *что они говорятъ?* — Ему отвѣчали: «вы «слышите сами.» — «*Да!* — кричалъ онъ: — «*Помилуй Богъ! они меня хвалятъ; такъ хвалили они «меня въ Туретчинѣ и Польшѣ.*» — И утомленные солдаты хохотали, забывали свою усталость, радостно повторяли слова Предводителя: *Впередъ! съ нами Богъ! Руское войско побѣдоносно. Ура!* — «*Здѣсь «нѣтъ des belles retirades* (*). — говорилъ Суворовъ улыбаясь, приближеннымъ; — «*развѣ въ пропа«стяхъ.*» — Одно слово *ретирада* приводило его въ гнѣвъ и изступленіе. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и оставленный союзниками, онъ повторялъ: «не дамъ костей своихъ врагамъ; умру «здѣсь, и высѣките на камнѣ: *Суворовъ — жертва «измѣны, но не трусости* (**).» — Великій Князь проводилъ съ Фельдмаршаломъ ночи подъ открытымъ небомъ: иногда, въ равнинахъ только, имѣли

(*) *Прекрасныхъ ретирадъ.* См. *Сочиненія Фукса*, стр. 179.

(**) *Сочиненія Фукса*, стр. 88, 124 и 178.

они пристанище въ сараяхъ, гдѣ въ лѣтнее время укрываются отъ непогоды пасущіяся стада.

Вытѣснивъ Французовъ изъ горныхъ ущелій, обративъ ихъ въ бѣгство, сначала, къ долинѣ Урзернъ, потомъ чрезъ Чертовъ мостъ за мѣстечко Вазенъ, къ Амстегу; занивъ городъ Альтдорфъ, Суворовъ преодолѣлъ съ войскомъ своимъ чрезвычайныя трудности при переходѣ черезъ гору *Кольмбергъ,* высочайшую по Сен-Готардѣ. Въ продолженіи этихъ битвъ герои его, Багратіонъ и Милорадовичь, покрыли себя новою славой: послѣдній, найдя въ Амстегѣ сосженный мостъ, полетѣлъ по тлѣвшимся бревнамъ; спускался на спинѣ съ утесистыхъ горъ.

Армія вступила въ долину Мутенъ. Здѣсь Фельдмаршалъ извѣстился отъ жителей окрестныхъ селеній о печальной участи корпусовъ Римскаго-Корсакова и Фельдмаршала-Лейтенанта Готце. Слѣдуя повелѣніямъ Гофкригсрата, Эрцгерцогъ оставилъ Швейцарію въ то самое время, когда, соединивъ силы свои съ Римскимъ-Корсаковымъ и Готце (кои всѣ составили бы до ста тысячь), могъ разбить Массену, имѣвшаго подъ ружьемъ только шестьдесять тысячь. Французскій Генералъ, узнавъ о приближеніи Суворова, рѣшился внезапнымъ нападеніемъ отвратить угрожавшую ему опасность: Готце, храбро обороняясь противъ Сульта, палъ при деревнѣ Шаннисъ героемъ; Римскій-Корсаковъ, распространившій силы свои въ Швейцаріи по случаю удаленія изъ оной Эрцгерцога, былъ, послѣ упорныхъ битвъ (14 и 15 Сент.) окруженъ въ Цирихѣ

многочисленнымъ непріятелемъ, не согласился на постыдныя условія и съ десятитысячнымъ войскомъ, съ 12 орудіями, проложилъ себѣ дорогу штыками къ Эглизау сквозь сорокатысячную армію (*). Жители Швейцаріи не отважились возстать единодушно: нѣсколько тысячь сражались подъ знаменами Французовъ и не щадили Россіянъ, пришедшихъ защищать ихъ свободу.

У Суворова оставалось менѣе двадцати тысячь войска, утомленнаго отъ непрестанныхъ сраженій и дальнихъ походовъ, почти безъ патроновъ и пороху: онъ не могъ предпринять наступательныхъ дѣйствій въ открытыхъ равнинахъ противъ Массены, въ трое сильнѣйшаго и, вмѣстѣ съ военнымъ Совѣтомъ, рѣшился идти на Гларисъ горами, открыть себѣ путь оружіемъ. Непріятель нападалъ на Рускихъ днемъ и ночью со всѣхъ сторонъ: въ мокрую, холодную погоду, они должны были подниматься на утесы, покрытые снѣгомъ, проходить по тѣснымъ, болотистымъ дорогамъ, и вправо отъ Гляриса вооруженною рукой пробираться къ Коиру. Безпрестанно происходили кровопролитныя сраженія, на которыхъ воины Суворова всегда оставались побѣдителями: подъ Мутенталемъ Розенбергъ, начальствовавшій нашимъ ар-

(*) Александръ Михайловичь Римскій-Корсаковъ, въ послѣдствіи Литовскій Военный Губернаторъ, Генералъ отъ Инфантеріи, Членъ Государственнаго Совѣта и кавалеръ орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и Св. Владиміра первой степени, скончался въ С. Петербургѣ 13 Мая 1840 года, на 87 отъ рожденія.

ріергардомъ, заманилъ Массену съ 10 тысяч. человѣкъ въ долину, выждалъ, ударилъ съ тремя тысяч. Русскихъ въ штыки, разбилъ его, обратилъ въ бѣгство до самаго Швица, потопилъ болѣе двухъ тыс. человѣкъ, взялъ въ плѣнъ: Генералъ-Квартирмейстера Лекурба, двухъ Шефовъ бригады, одного батальоннаго командира, 13 офицеровъ и 1200 рядовыхъ; отбилъ пять пушекъ (*). За Гляросомъ Князь Багратіонъ, командовавшій авангардомъ, подкрѣпленнымъ Генераломъ Дерфельденомъ, стремительно напалъ въ дефилеяхъ на Молитора, опрокинулъ его, положилъ на мѣстѣ тысячу человѣкъ, взялъ въ плѣнъ: Шефа бригады, 7 офицеровъ, 347 солдатъ, отбилъ двѣ пушки и одно знамя. Наконецъ, послѣ шестнадцатидневнаго побѣдоносного странствованія по Альпійскимъ горамъ, Русскіе достигли Хура, откуда выступили чрезъ Маенфельдъ и Бальцеръ въ Фельдкирхенъ.

Въ достопамятный походъ чрезъ Швейцарію непріятель потерялъ: убитыми, Генерала Лягурье, множество офицеровъ и болѣе четырехъ тысячъ солдатъ; плѣнными, одного Генерала, трехъ Полковниковъ, 37 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и 2778 нижнихъ чиновъ; пушекъ отбито 10, одна мортира и одно знамя. Съ нашей стороны пало 661 чел., ранено 1369, въ томъ числѣ Генералъ-Маіоры: Князь Горчаковъ, Князь Багратіонъ, Курнаковъ, Харламовъ и Мансуровъ. — Сынъ Суворова, во все время сраженій и

(*) Розенбергъ награжденъ за этотъ знаменитый подвигъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

погони, находился при Великомъ Князѣ, который не переставалъ одушевлять войско напоминаніемъ о любви къ Августѣйшему его Родителю. Между тѣмъ Римскій-Корсаковъ разбилъ, при деревнѣ Шлатѣ, три дивизіи Французскія: Менара, Лоржа и Гацана; преслѣдовалъ ихъ кавалеріею, прогналъ до рѣки Тура, отбилъ двѣ пушки, положилъ на мѣстѣ до тысячи человѣкъ, взялъ 50 въ плѣнъ, сосредоточилъ силы свои на правомъ берегу Рейна. Принцъ Конде потерпѣлъ пораженіе при Костницѣ.

Не теряя еще надежды соединиться съ Австрійской арміею и дѣйствовать снова къ освобожденію Швейцаріи, Фельдмаршалъ выступилъ изъ Фельдкирхена къ Линдау, гдѣ получилъ письмо отъ Эрцгерцога Карла, назначавшаго ему свиданіе въ Штокахъ. Ссылаясь на слабость здоровья, Суворовъ просилъ Эрцгерцога сообщить ему письменно виды и предположенія для дальнѣйшихъ дѣйствій, и въ присутствіи Графа Коллоредо (который былъ присланъ съ письмомъ) произнесъ: — «*Эрцгерцогъ Карлъ не при «Дворѣ, но на войнѣ, такой же Генералъ какъ Су«воровъ, кромѣ того, что послѣдній старѣе его по «своей опытности.*»—Возникшая между обоими Полководцами переписка не имѣла никакихъ успѣховъ: Эрцгерцогъ настоятельно требовалъ содѣйствія Суворова, не объявляя ему числа войскъ, которыми самъ намѣревался вспомоществовать. Фельдмаршалъ рѣшился перенесть главную квартиру въ Аугсбургъ, гдѣ вступилъ въ стольже безполезные переговоры съ Австрійскимъ Министромъ Княземъ Эстерхази. Вскорѣ послѣдовало формальное объявленіе. *У куда.*

тора Павла I, что Онъ прекращаетъ общее дѣло. — «Государь, Братъ мой! — писалъ великодушный Монархъ Россіи къ Императору Францу II — «Вашему Величеству должно уже быть извѣстно о послѣдствіяхъ удаленія изъ Швейцарія Вашей арміи «подъ начальствомъ Эрцгерцога Карла — совершившагося вопреки всѣхъ причинъ свѣта, по коимъ «оная оставалась тамъ до соединенія Фельдмаршала «Князя Италійскаго съ Генералъ-Лейтенантомъ Корсаковымъ. Видя войска Мои оставленныя, и такимъ «образомъ преданныя непріятелю — политику, противную Моимъ намѣреніямъ, и благосостояніе Европы, принесенное на жертву, имѣя совершенный «поводъ къ негодованію на поведеніе Вашего Министерства, коего побужденій не желаю знать, Я объявляю Вашему Величеству съ тѣмъ же чистосердечіемъ, которое заставило Меня летѣть на помощь «къ Вамъ и споспѣшествовать успѣхамъ Вашего оружія, что отнынѣ общее дѣло прекращено, дабы не «утвердить торжества въ дѣлѣ вредномъ. Пребываемъ съ должнымъ къ Вамъ почтеніемъ и проч. (*).»

Суворовъ получилъ Высочайшее повелѣніе воз- [illegible] въ Россію и, читая въ будущемъ, произ- [illegible] *французовъ; но не добилъ. Парижъ* [illegible] *!*» — Признательный къ [illegible] въ почетное до- [illegible] уса 29 Октября [illegible] о всю жизнь ва-

(*) [illegible] *дніи*, ч. 3, стр. 505

«шу враговъ Отечества—писалъ къ нему Павелъ I-й— «не доставало вамъ еще одного рода славы: пре«одолѣть самую природу; но вы и надъ нею одер«жали нынѣ верхъ. Поразивъ еще разъ злодѣевъ «вѣры, попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ «ихъ, злобою и завистію противъ васъ вооружен«ныхъ. Нынѣ, награждая васъ по мѣрѣ признатель«ности Моей, и ставя на вышній степень, чести и «геройству предоставленный, увѣренъ, что возвожу «на оный знаменитѣйшаго Полководца сего и дру«гихъ вѣковъ.» — *Это много для другаго* — произнесъ тогда Императоръ Графу Растопчину — «*а Су«ворову мало: ему быть Ангеломъ*» — и велѣлъ вылить бронзовую статую его для украшенія столицы, въ память знаменитыхъ подвиговъ. Императоръ Францъ II препроводилъ къ Суворову орденъ Маріи Терезіи первой степени большаго креста, предоставилъ ему по жизнь званіе своего Фельдмаршала и сопряженное съ онымъ жалованье. Великій Князь Константинъ Павловичь *за храбрость и примѣрное мужество* получилъ отъ своего Августѣйшаго Родителя титулъ *Цесаревича*.

Въ Прагѣ Генералиссимусъ провелъ время очень весело (въ Декабрѣ); завелъ у себя на банкетахъ святочныя игры: фанты, жмурки, жгуты и проч.; бѣгалъ, мѣшался въ толпѣ подчиненныхъ, съ точностію исполнялъ, что ему назначалось дѣлать, когда вынимали его фантъ; пустился въ танцы: *люди въ право, а онъ влѣво; такую* — какъ изъясняется очевидецъ Фуксъ — *причинилъ кутерьму, суматоху, штурмъ, что всѣ скакали, прыгали и сами не знали куда.*

Знатнѣйшія Богемскія дамы, Австрійскій Генералъ Графъ Беллегардъ, Англійскій Посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ Лордъ Минто и множество иностранцевъ путались въ нашихъ простонародныхъ играхъ. Кто бы подумалъ тогда, что Суворовъ находился у вратъ смерти?

«Князь! — писалъ собственноручно Императоръ къ Суворову 29 Декабря. — «Поздравляю васъ съ «новымъ годомъ, и желая его вамъ благополучно, «зову васъ къ себѣ. Не мнѣ тебя, герой, награ«ждать. Ты выше мѣръ Моихъ; но Мнѣ чувство«вать сіе и цѣнить въ сердцѣ, отдавая тебѣ долж«ное. Благосклонный Павелъ.»

Сдавъ команду Генералу Розенбергу Генералиссимусъ простился въ Прагѣ съ войсками, горестно и трогательно: солдаты предчувствовали, что не увидятъ болѣе своего водителя къ побѣдамъ!

Въ городѣ Нейтитшенѣ (въ Моравіи), Суворовъ желалъ поклониться праху Лаудона. Приближившись къ надгробному памятнику, онъ прочелъ со вниманіемъ Латинскую надпись, въ которой описаны титулъ и заслуги знаменитаго Полководца и произнесъ сопровождавшему его Фуксу (*): «Нѣтъ! «Когда я умру, не дѣлайте на моемъ надгробіи по-

(*) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Егоръ Борисовичь Фуксъ, Правитель Канцеляріи и неразлучный спутникъ Суворова, управлялъ также военною канцеляріею Князя Кутузова-Смоленскаго въ достопамятный 1812 годъ; скончался въ С. Петербургѣ 25 Марта 1829 года.

«хвальной надписи; но скажите просто: *Здѣсь ле-*
«*житъ Суворовъ.*»

Начало болѣзни Генералиссимуса, называемой *флюксиею*, оказалось въ Крановѣ: сыпь и водяные пузыри покрыли все тѣло его. Онъ поспѣшилъ въ имѣніе свое Кобрино (*) и тамъ слегъ въ постель, велѣлъ *отыскать аптечку блаженной памяти Екатерины.* — «Она надобна мнѣ только *на память*» — говорилъ Суворовъ, не любившій лѣкарствъ. Тотчасъ отправлена была съ печальнымъ извѣстіемъ эстафета къ Генералъ-Прокурору Обольянинову. Императоръ прислалъ Лейбъ-Медика Вейкарта къ больному. — «Молю Бога — писалъ Онъ къ нему — «да «возвратитъ Мнѣ героя Суворова. По пріѣздѣ ва-«шемъ въ столицу узнаете вы признательность къ «вамъ Государя, которая, однакожъ, не сравняется «съ вашими великими услугами, оказанными Мнѣ и «Государству.» — Суворовъ получилъ облегченіе, началъ выздоравливать и большую часть времени, по случаю наступившаго тогда великаго поста, проводилъ въ молитвахъ, заставлялъ Вейкарта участвовать въ нихъ три раза въ день, бить земные поклоны, употреблять самую строгую постную пищу, не смотря на отговорки; велѣлъ ему говорить по Руски, хотя онъ съ трудностію изъяснялся на нашемъ языкѣ; продолжалъ въ церкви пѣть съ пѣвчими, сердился когда они не согласовались съ нимъ, читалъ Апостолъ съ великимъ напряженіемъ голоса, безпрестанно перебѣгалъ съ одного клироса на другой или

(*) Нынѣ уѣздный городъ Гродненской губерніи.

въ алтарь и молился мѣстнымъ образамъ. Иногда герой предавался мечтаніямъ о новой кампаніи, диктовалъ отвѣты на письма знаменитыхъ особъ Европы, разговаривалъ о приготовленіяхъ, которыя дѣлались къ торжественному въѣзду его въ С. Петербургъ.

Наконецъ Докторъ позволилъ ему отправиться въ дорогу съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ сутки не болѣе двадцати пяти верстъ, о чемъ донесено Государю. Передъ отъѣздомъ Генералиссимусъ спросилъ: *не забылъ ли кого наградить?* Онъ не могъ уже путешествовать по своему обыкновенію, ѣхалъ не въ кибиткѣ, а въ дормезѣ, лежа на перинѣ и въ сопровожденіи врачей; на пути получилъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ Государь изъявлялъ величайшую радость, *что вскорѣ обниметъ героя всѣхъ вѣковъ, Суворова.* При выѣздѣ изъ Вильно, болѣзнь его вдругъ усилилась: великій Полководецъ остановился въ бѣдной хижинѣ, легъ на лавку и, прикрытый полотномъ, съ тяжелыми вздохами произносилъ: «*за что страдаю?*» — Въ Ригѣ собравшись съ силами, онъ надѣлъ въ первый день Пасхи свой Фельдмаршальскій мундиръ, всѣ знаки почестей, слушалъ Божественную Литургію и разговѣлся у Губернатора. — «*Ахъ! старъ я сталъ!*» — повторялъ Суворовъ во время двухнедѣльнаго путешествія своего отъ Риги до С. Петербурга. Народъ вездѣ толпился съ нетерпѣливымъ любопытствомъ взглянуть на непобѣдимаго вождя. Въ Стрѣльнѣ дормезъ его былъ окруженъ многими жителями столицы, выѣхавшими къ нему на встрѣчу: дамы и дѣти

подносили фрукты и цвѣты; слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ благодарилъ онъ ихъ, и съ умиленіемъ благословлялъ дѣтей. Избѣгая уже всѣхъ почестей, Генералиссимусъ желалъ въѣхать въ Петербургъ вечеромъ; приближился, 20 Апрѣля, къ тріумфальнымъ воротамъ въ десять часовъ: поднялся шлагбаумъ, солдаты выступили въ рядъ безъ ружей. Въ Зимнемъ Дворцѣ были приготовлены для него комнаты: Суворовъ остановился въ домѣ своего племянника Графа Дмитрія Ивановича Хвостова (*), гдѣ отъ увеличившейся болѣзни слегъ въ постель. На другой день явился къ нему Вице-Канцлеръ Графъ Растопчинъ съ собственноручнымъ рескриптомъ Лудовика XVIII, при которомъ Король Французскій препроводилъ къ нему орденъ Св. Лазаря. Суворовъ лежалъ въ совершенномъ разслабленіи; долго не могъ понять, зачѣмъ Растопчинъ пріѣхалъ; наконецъ велѣлъ прочитать письмо, взялъ орденъ, заплакалъ, спросилъ о мѣстѣ изъ котораго онъ присланъ, и съ ироническою улыбкой сказалъ: «*Такъ «ли прочитали? Французскій Король долженъ быть «въ Парижѣ, а не въ Митавѣ.*» — Не задолго передъ тѣмъ, Курфирстъ Баварскій Максимиліанъ-Іосифъ прислалъ Суворову орденъ Св. Губерта (**).

(*) На Екатерининскомъ каналѣ, близъ церкви Св. Николая. Этотъ домъ принадлежалъ потомъ Г. Болотникову.

(**) Суворовъ, кромѣ орденовъ: Австр. Маріи Терезіи, Прусскихъ, Сардинскихъ, Французскаго и Баварскаго, имѣлъ еще Польскіе: Бѣлаго Орла и Св. Станислава; желалъ получить орденъ *Подвязки* и намекалъ о томъ посредствомъ спущеннаго чулка, Англійскому Послу.

Онъ уже обѣдалъ не въ семь часовъ утра, а во второмъ по полудни; спалъ не на сѣнѣ; часто вставалъ съ постели, садился въ большія кресла, въ которыхъ вносили его по комнатѣ; продолжалъ, для препровожденія времени, заниматься Турецкимъ языкомъ; сохранилъ въ памяти всѣ подробности о походахъ противъ Поляковъ и Турокъ и забывалъ названія покоренныхъ имъ городовъ и крѣпостей въ послѣднюю кампанію, также имена Генераловъ, надъ которыми одержалъ свѣжія, блистательныя побѣды. «*Для чего* — говорилъ Суворовъ — *не умеръ я на поляхъ Италіи!*»

Тщетны были старанія искуснѣйшихъ врачей; болѣзнь день ото дня усиливалась и смерть приближалась скорыми шагами. Однажды вошелъ къ больному племянникъ его и сказалъ ему: «До васъ есть «дѣло.» — Окинувъ его быстрымъ взглядомъ, Суворовъ отвѣчалъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ: «*Дѣло? я готовъ!*» — Но узнавши, что Баронъ Бюллеръ желалъ получить изъ рукъ его Баварскій орденъ Золотаго Льва, опустилъ голову на подушку и слабо, едва внятными словами, произнесъ: «*хорошо; пусть войдетъ* (*).»

Уговорили Суворова исповѣдаться и причаститься Св. Тайнъ. Онъ исполнилъ послѣдній долгъ,

---

(*) Баронъ Бюллеръ, Чрезвычайный Россійскій Посланникъ и Полномочный Министръ въ Минхенѣ, въ послѣдствіи Сенаторъ, награжденъ этимъ орденомъ по предстательству Суворова.

какъ истинный христіанинъ, простился съ окружавшими одръ его. Наступила ночь: въ беспамятствѣ, умиравшій произносилъ слабымъ голосомъ разныя приказанія, какъ бы находясь съ военачальниками въ главной квартирѣ, твердилъ о Генуѣ, о новыхъ своихъ военныхъ планахъ. Бредъ продолжался и утромъ — наконецъ Суворовъ умолкъ — и навсегда . . . . 6 Мая 1800 года, во второмъ часу по полудни, на 72 году своей жизни.

Огорченный смертію Генералиссимуса, Императоръ послалъ своего Генералъ-Адъютанта утѣшить родственниковъ и объявить имъ, *что Онъ наравнѣ съ Россіею и съ ними раздѣляетъ скорбь о потерѣ великаго человѣка.* Великолѣпный гробъ былъ поставленъ въ богато-убранной залѣ, гдѣ въ продолженіе семи дней жители столицы орошали слезами признательности бренные останки.

Въ назначенный день, вельможи, чиновники и всѣ сословія двинулись къ Александроневской Лаврѣ. Императоръ, окруженный блистательною свитой, ожидалъ печальное шествіе у Публичной Библіотеки, и, по приближеніи гроба, снялъ шляпу, низко и почтительно поклонился праху знаменитаго мужа, который прославилъ Его царствованіе. У монастырскихъ воротъ высокій балдахинъ затруднилъ входъ дрогамъ; уже хотѣли снимать его, какъ одинъ унтеръ-офицеръ, находившійся во всѣхъ походахъ съ Суворовымъ, вскрикнулъ: «Оставьте! Онъ пройдетъ, «какъ и вездѣ проходилъ.» — Двинулись — и гробъ проѣхалъ благополучно.

Останки Генералиссимуса покоятся въ церкви Св. Благовѣщенія. Долго простая, но краснорѣчивая надпись: *Здѣсь лежитъ Суворовъ* — украшала мѣсто его погребенія. — Въ 1826 году нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, *въ честь непобѣдимому Полководцу и для возбужденія въ молодыхъ воинахъ воспоминанія о безсмертныхъ подвигахъ*, Высочайше повелѣть соизволилъ (17 Авг.) именоваться впредь Фанагорійскому гренадерскому полку (съ которымъ Суворовъ взялъ Измаилъ, разбилъ при Рымникѣ Визиря) *гренадерскимъ Генералиссимуса Князя Суворова-Италійскаго полкомъ*.

Князь Александръ Васильевичь Италійскій, Графъ Суворовъ-Рымникскій, средняго роста, взлизистый, сухощавый, имѣлъ лице покрытое морщинами, большой ротъ, взглядъ быстрый и часто грозный, волоса сѣдые какъ лунь; былъ жестокъ и сострадателенъ, гордъ и доступенъ, снисходителенъ и склоненъ къ насмѣшкамъ; скоръ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ: никогда не ходилъ, а бѣгалъ; не ѣздилъ верхомъ — скакалъ; одаренъ счастливою памятью: въ Турціи выучился по Турецки, въ Польшѣ по Польски, въ Финляндіи по Чухонски. Воспитанный среди битвъ, получивъ всѣ высшіе чины и знаки отличія на бранномъ полѣ, онъ жилъ въ арміи какъ простой солдатъ, употреблялъ суровую пищу, хлѣбалъ солдатскія щи и кашицу, спалъ на соломѣ; часто являлся въ лагерѣ въ одной рубашкѣ или солдатской курткѣ, иногда въ изодранномъ *родительскомъ плащѣ*, съ опущенными чулками и въ старыхъ сапогахъ; былъ доволенъ когда его не узнавали; ѣздилъ на неосѣд-

ланной козацкой лошади и по утру, до зари, пѣлъ три раза пѣтухомъ, пробуждая такимъ образомъ войско; при Дворѣ боялся скользкаго паркета, перебѣгалъ изъ угла въ уголъ; былъ неловокъ въ обращеніи съ женщинами, говорилъ: «*отъ нихъ мы потеряли рай!*» — дышалъ лишь славолюбіемъ. Онъ ложился спать въ шесть часовъ вечера, вставалъ въ два часа по полуночи, купался или окачивался холодною водой, обѣдалъ утромъ въ семь часовъ. Камердинеръ *Прошка* уполномоченъ былъ отнимать у него тарелку съ кушаньемъ и на вопросъ: *по чьему приказанію онъ это дѣлаетъ?* отвѣчалъ: «по приказанію Фельдмаршала Суворова.» — «*Ему должно повиноваться*» — говорилъ Суворовъ (*).

Императрица Екатерина II, узнавъ, что Графъ Рымникскій ѣздитъ и ходитъ въ трескучіе морозы въ одномъ мундирѣ, подарила ему черную соболью шубу. Суворовъ принялъ съ должнымъ благоговѣніемъ даръ Монархини, возилъ его съ собою на колѣнахъ; *но никогда не дерзалъ* — какъ изъяснялся — *возлагать на грѣшное свое тѣло.* — Выпарившись въ банѣ, онъ бросался въ рѣку или въ снѣгъ и, между тѣмъ, переносилъ въ горницѣ ужасную теплоту. Од-

(*) Этому *Прошкѣ*, всегда пьяному, дерзкому, грубившему господину, Король Сардинскій Карлъ Эммануилъ прислалъ двѣ медали, на зеленыхъ лентахъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Императора Павла I, на другой своего портрета, съ Латинскою надписью: *за сбереженіе здоровья Суворова.* Послѣдній снисходилъ ему потому, что онъ нѣкогда спасъ его жизнь.

нацы Правитель его канцеляріи Фуксъ закапалъ потомъ донесеніе, которое докладывалъ Суворову: «Вотъ, Ваше Сіятельство—сказалъ онъ ему — «я не «виноватъ, а ваша Этна» — указавъ на печь. — «*Ничего, ничего* — отвѣчалъ Суворовъ; — «*въ Петер-*, «*бургѣ скажутъ, или, что ты до поту лица рабо-* «*таешь, или что я окропилъ эту бумагу слезою. Ты* «*потливъ, а я слезливъ.*» — Въ другое время Австрійскій Генералъ-Квартирмейстеръ Цахъ до того распалился въ кабинетѣ его, что снялъ съ себя галстукъ и мундиръ. Фельдмаршалъ бросился его цѣловать, произнеся: «*Люблю кто со мною обходится* «*безъ фасоновъ.*»—«Помилуйте — вскрикнулъ Цахъ— «здѣсь можно сгорѣть!» — «*Что дѣлать!* — возразилъ Суворовъ.—«*Ремесло наше такое, чтобъ быть всегда* «*близъ огня, а потому я и здѣсь отъ него не отвы-* «*каю.*»

Суворовъ презиралъ роскошь, не терпѣлъ лести, любилъ давать милостыню; но здоровому нищему дарилъ топоръ, говоря: *Руби дрова; не умрешь съ голоду*; присылалъ нѣсколько лѣтъ сряду въ С. Петербургскую тюрьму, отъ неизвѣстнаго, по десяти тысячь рублей на искупленіе содержащихся за долги (*); отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ; примѣрнымъ безстрашіемъ и самоотверженіемъ; во всю жизнь поражалъ непріятеля многочисленнаго меньшими силами; былъ любимъ, боготворимъ войскомъ; наказывалъ солдатъ, за неисправность, отечески; оеще-

(*) *Собраніе разныхъ сочиненій Фукса*, С. Петерб., 1827 г., стр. 130.

ровъ арестами — никого не погубилъ: только одинъ разъ въ жизнь свою вынужденъ онъ былъ удалить Полковника, присвоившаго себѣ солдатскія артельныя деньги, но и тутъ велѣлъ написать просто, что онъ увольняется за *немогузнайство*. Генералы Дерфельденъ, Розенбергъ, Меласъ и другіе обращались съ нимъ съ нѣкоторою боязнію, страшась его насмѣшекъ. Отличаясь благочестіемъ, часто кричалъ онъ своимъ воинамъ: *Начало премудрости есть страхъ Господень;* умѣлъ бесѣдовать съ ними въ ихъ вкусѣ, слогѣ, языкѣ. Солдаты отзывались: «Нашъ Суворовъ «съ нами въ побѣдахъ и вездѣ въ паю, только не «въ добычѣ, она вся наша. Онъ не спитъ, когда мы «спимъ; не ѣстъ, когда насъ угощаетъ, и еще въ «жизни своей ни одного дѣла не проспалъ.»

Тактика Суворова состояла въ трехъ словахъ: *Быстрота, глазомѣръ, натискъ*. Пѣхота его дѣйствовала штыками, конница саблями. «*Ошибки великихъ* «*Полководцевъ поучительны* — говорилъ онъ. — «*За* «*ученаго даютъ трехъ неученыхъ. Намъ мало трехъ!* «*Давай намъ шесть; давай намъ десять на одного....* «*всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ. Берегиг* «*пулю на три дни, а иногда и на цѣлую кампанію,* «*когда негдѣ взять. Стрѣляй рѣдко да мѣтко —* «*штыкомъ коли крѣпко. Пуля обмишулится, а штыкъ* «*не обмишулится; пуля дура, штыкъ молодецъ.*» — Въ Рымникскомъ сраженіи, замѣтивъ ужасныя лица Янычаръ, Суворовъ тотчасъ приказалъ солдатамъ: *не смотрѣть бусурманамъ въ лице, а колоть ихъ прямо въ грудь.*

Онъ не терпѣлъ *ретирадъ* и оборонительной войны. «Словъ: *ретирада* (которое произносилъ всегда зажмурясь и съ насмѣшливымъ протяженіемъ), «*де-«фансивъ* въ моемъ Словарѣ нѣтъ» — повторялъ Суворовъ.—Генералъ Меласъ, называвшій его *Генераломъ впередъ* и которому нашъ Полководецъ сказалъ: «Правда, *впередъ!* но иногда оглядываюсь и *назадъ*, «не съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ бѣжать, но чтобъ «напасть,» — тѣснимый подъ Требіею Французами, прислалъ къ нему за повелѣніемъ: «куда отступать?» — «*Въ Піаченцу*» — отвѣчалъ Суворовъ, приказавъ, такимъ образомъ, разбить непріятеля и обратить его въ бѣгство (*).

«*Непріятель думаетъ, что ты за сто, за двѣсти верстъ* — говорилъ Генералиссимусъ — «*а ты, удвоивъ, утроивъ шагъ богатырскій, нагрянь на него быстро, внезапно. Непріятель поетъ, гуляетъ, ждетъ тебя съ чистаго поля, а ты изъ за горъ крутыхъ, изъ за лѣсовъ дремучихъ налети на него, какъ снѣгъ на голову; рази, стѣсни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться: кто испуганъ, тотъ побѣжденъ въ половину; у страха глаза большіе, одинъ за десятерыхъ покажется. Будь прозорливъ, остороженъ, имѣй цѣль опредѣленную. Возьми себѣ въ образецъ героя древнихъ временъ, наблюдай его, иди за нимъ въ слѣдъ, поровняйся, обгони — слава тебѣ! Я выбралъ Кесаря. Альпійскія горы за нами — Богъ передъ нами: ура! Орлы Рускіе облетѣли орловъ Римскихъ!*»

(*) Суворовъ называлъ Меласа: *Папа Меласъ*, *Haute Excellence*.

Все Руское было близко къ сердцу Суворова; любя родину, онъ часто повторялъ: «*Горжусь, что я Россіянинъ!*» — Подражавшихъ Французамъ въ выговорѣ и ухваткахъ спрашивалъ: «*Давно ли изволили получить письма изъ Парижа отъ родныхъ?* Италіянскія простонародныя пѣсни чрезвычайно нравились ему, сходствуя нѣсколько съ Рускими, особливо когда Италіянецъ поетъ вдали, въ чистомъ полѣ. Онъ переписывался съ Державинымъ и Костровымъ: первый воспѣлъ его знаменитые подвиги въ безсмертныхъ стихахъ; Костровъ посвятилъ ему переводъ свой *Оссіана*. Книга эта была любимымъ его чтеніемъ (*); онъ бралъ ее во всѣхъ походахъ. «Оссіанъ, мой сопутникъ, — говорилъ Суворовъ — «меня воспламеняетъ; я вижу Фингала, въ туманѣ, «на высокой скалѣ сидящаго, слышу слова его: «*Оскаръ, одолѣвай силу въ оружіи; щади слабую руку.* «Честь и слава пѣвцамъ! Они мужаютъ насъ и дѣ«лаютъ творцами общихъ благъ.» — Но съ умомъ образованнымъ, съ начитанностію, Суворовъ имѣлъ предразсудки: не терпѣлъ, чтобъ за столомъ его брали соль ножемъ изъ солонки; двигали ее съ мѣста или ему подавали: каждый долженъ былъ отсыпывать себѣ на скатерть соли сколько ему угодно и тому подобное.

Екатерина Великая, желая вывесть Потемкина изъ ошибочнаго его мнѣнія объ умѣ Суворова, присовѣтовала ему подслушать ихъ разговоръ изъ со-

(*) И Наполеонъ любилъ читать *Оссіана*, котораго перевелъ на Французскій языкъ Бауръ-Лорміанъ.

сѣдней комнаты. Удивленный необыкновеннымъ остроуміемъ и глубокомысліемъ Рымникскаго, Князь Таврическій упрекнулъ его зачѣмъ онъ съ нимъ не бесѣдуетъ такимъ образомъ. — «*Съ Царями у меня другой языкъ*» — отвѣчалъ Суворовъ. Проказничая въ обществахъ и передъ войскомъ, онъ въ кабинетѣ диктовалъ диспозиціи къ сраженіямъ, взвѣшивалъ въ умѣ своемъ силы непріятельскія, назначалъ позиціи полкамъ, предписывалъ имъ новыя дѣйствія, чертилъ самъ планы или поправлялъ ошибки искуснѣйшихъ своихъ Генералъ-Квартирмейстеровъ, Шателера и Цаха, которые за то не сердились, но изумлялись и благодарили его.

Упоминая о корыстолюбіи Массены, Суворовъ присовокуплялъ: «*Не помѣстятся въ тѣсномъ гробѣ «его заграбленные имъ и кровію обагренные милліо-«ны!*» — О Моро отзывался: «*Онъ меня, сѣдаго ста-«рика, нѣсколько понимаетъ; но я его больше. Гор-«жусь, что имѣлъ дѣло съ славнымъ человѣкомъ!*» — Румянцова называлъ *своимъ учителемъ;* Петра Великаго *первымъ Полководцемъ своего вѣка.* «*Мнѣніе «мое о Государѣ* — прибавлялъ онъ — *и Графъ «Петрѣ Александровичъ* (*) *удостоилъ одобрить.*»

Однажды, разговаривая о самомъ себѣ, Суворовъ сказалъ окружавшимъ его: «*Хотите ли меня знать? Я вамъ себя раскрою: меня хвалили Цари, любили воины, друзья мнѣ удивлялись, ненавистники меня поносили, при Дворѣ надо мною смѣялись. Я бывалъ*

(*) Румянцовъ-Задунайскій.

«при Дворѣ; но не придворнымъ, а Эзопомъ, Лафонтеномъ: шутками и звѣринымъ языкомъ говорилъ правду. Подобно шуту Балакиреву, который былъ при Петрѣ Первомъ и благодѣтельствовалъ Россіи, кривлялся я и корчился. Я пѣлъ пѣтухомъ, пробуждалъ сонливыхъ, утомлялъ буйныхъ враговъ Отечества. Если бы я былъ Кесарь, то старался бы имѣть всю благородную гордость души его; но всегда чуждался бы его пороковъ (*).» — Въ другое время, когда живописецъ Миллеръ явился къ нему въ Прагѣ (1799 г.) отъ Курфирста Саксонскаго, Суворовъ привѣтствовалъ художника: *«Ваша кисть изобразитъ черты лица моего; онѣ видны; но внутреннее человѣчество мое сокрыто. И такъ скажу вамъ, любезный господинъ Миллеръ, что я проливалъ кровь ручьями. Содрогаюсь. Но любви моего ближняго, во всю жизнь мою никого не сдѣлалъ несчастнымъ; ни одного приговора на смертную казнь не подписывалъ; ни одно насѣкомое не погибло отъ руки моей. Былъ малъ, былъ великъ* (тутъ вскочилъ на стулъ); *при приливѣ и отливѣ счастія уповалъ на Бога и былъ непоколебимъ* (сѣлъ на стулъ), *какъ и теперь (**).»* — Онъ умолкъ и сидѣлъ неподвижно. Восхищенный Миллеръ написалъ прекрасный портретъ, хранящійся въ Дрезденскомъ Музеумѣ.

«Суворовъ — передалъ намъ Генералъ Дерфельденъ, тридцатипятилѣтній спутникъ его — «пробѣ-

---

(*) См. *Анекдоты Князя Италійскаго, издан. Фуксомъ*, стр. 80.

(**) См. *Собраніе разныхъ сочиненій Фукса*, стр. 136.

«жалъ обширное поле Исторіи всѣхъ вѣковъ; со вни-«маніемъ читалъ, слушалъ біографіи великихъ му-«жей; хвалилъ примѣры ихъ величія; но для своей «славы проложилъ новую, дотолѣ неизвѣстную тро-«пу. Не имѣя сановитости и дара слова Румянцова, «милліоновъ Потемкина и одаренный отъ природы «не видною наружностію, онъ началъ играть ролю, «ни отъ кого не заимствованную, а самимъ имъ для «себя сотворенную и выдержалъ ее во всѣхъ пре-«вратностяхъ долговременной жизни: былъ героемъ «и казался чудакомъ.»

Графъ Сегюръ справедливо замѣчаетъ въ своихъ *Запискахъ* (*): что Суворовъ прикрывалъ блестящія достоинства странностями, желая избавить себя отъ преслѣдованія сильныхъ завистниковъ.

Потемкинъ говорилъ объ немъ: «Суворова никто не *пересуворитъ*.»

Моро отзывался о Суворовѣ: «что никто лучше «его не умѣлъ одушевлять войскъ, не соединялъ «въ высшей степени качествъ военачальника; что «главные его подвиги въ Италіи: сраженія при Но-«ви и при Требіи, особенно маршъ на Требію, ко-«торый есть совершенство въ военномъ иску-«ствѣ (**).»

Въ числѣ почитателей Князя Италійскаго находился безсмертный Нельсонъ, который писалъ къ нему:

(*) Т. 3, p. 57.

(**) См. *Записки о походѣ 1813 года, соч.* Сенатора Михайловскаго–Данилевскаго, втор. изд. стр. 296.

«Нѣтъ въ Европѣ человѣка, любящаго васъ такъ какъ «я не за одни великіе подвиги, но и за презрѣніе къ «богатству. Горжусь тѣмъ, что по увѣренію видав-«шаго васъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, имѣю «сходство съ вами ростомъ, видомъ и ухватками.»

Князь Александръ Васильевичь былъ женатъ на дочери Генералъ-Аншефа Князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, Княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ, отъ которой имѣлъ дочь, Княжну Наталью Александровну, вышедшую за Оберъ-Шталмейстера Графа Николая Александровича Зубова и сына, Князя Аркадія Александровича: онъ подавалъ большія надежды, но преждевременно лишился жизни въ волнахъ *Рымника*.

30-й

Генералъ-Фельдмаршалъ

Князь Николай Ивановичь

САЛТЫКОВЪ.

Князь Николай Ивановичь Салтыковъ, сынъ Генералъ-Аншефа Ивана Алексѣевича, внучатнаго племянника Императрицы Анны Іоанновны, которой родительница, Царица Параскевія Ѳеодоровна, была изъ дома Салтыковыхъ — родился 31 Октября 1736 года. Не смотря на знатное свое происхожденіе, онъ вступилъ въ службу рядовымъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ то самое время, какъ Императрица Елисавета отправила (въ 1747 г.) тридцатисеми-тысячный корпусъ на Рейнъ въ пособіе Маріи Терезіи, чрезъ что содѣйствовала къ заключенію Аченскаго мира. Салтыковъ находился въ этомъ корпусѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ подъ главнымъ начальствомъ Генералъ - Фельдцейхмейстера Князя

Князь Николай Ивановичь

САЛТЫКОВЪ.

Литог. М. Тюлева

Василія Аникитича Репнина. Потомъ участвовалъ онъ въ побѣдахъ Россіянъ въ Пруссіи; былъ присланъ въ С. Петербургъ съ донесеніемъ Главнокомандовавшаго о знаменитой битвѣ Франкфуртской, одержанной, 1 Августа 1759 года, надъ Фридрихомъ Великимъ; произведенъ въ Полковники; сражался, подъ знаменами Румянцова, при взятіи Колберга въ 1761 году; пожалованъ въ Генералъ-Маіоры Императоромъ Петромъ III, и, вслѣдъ за тѣмъ, съ 1763 по 1768 годъ предводительствовалъ попеременно Россійскимъ войскомъ въ Польшѣ, гдѣ пріобрѣлъ общую къ себѣ любовь и уваженіе; содѣйствовалъ взятію Хотина Княземъ Голицынымъ 10 Сентября 1769 года; но принужденъ былъ оставить армію въ слѣдующемъ году, по причинѣ разстроеннаго здоровья.

Императрица Екатерина II удостоила особенныхъ наградъ толь дѣятельную службу: пожаловала Николаю Ивановичу въ 1766 году орденъ Св. Анны; въ 1768 чинъ Генералъ-Поручика; въ 1769 орденъ Св. Александра Невскаго. Отправясь въ чужіе краи, былъ онъ на Пирмонтскихъ и Ахенскихъ водахъ, провелъ нѣкоторое время при Дворѣ Фридриха II и одну зиму въ Парижѣ. Путешествіе его продолжалось три года, но не уменьшило къ нему благоволенія Императрицы, которая произвела Николая Ивановича, въ 1773 году, Генералъ-Аншефомъ и Вице-Президентомъ Военной Коллегіи; повелѣла ему находиться при Наслѣдникѣ Престола, вмѣсто Графа Никиты Ивановича Панина, управлявшаго тогда Департаментомъ Иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ почет-

номъ званіи сопутствовалъ онъ Великому Князю въ Берлинъ, 1776 года, во время обрученія его съ племянницею Короля Прусскаго, Принцессою Виртембергъ-Штутгардскою, бывшею потомъ Императрицею Маріею Ѳеодоровною; находился при Павлѣ Петровичѣ, когда онъ путешествовалъ въ чужихъ краяхъ подъ именемъ *Сѣвернаго Графа* — и оставилъ его, въ 1783 году, для того только, чтобы совершенно посвятить себя воспитанію двухъ Великихъ Князей: Александра Павловича и Константина Павловича.

Важное порученіе Монархини, руководимой мудростію и нѣжною любовью ко Внукамъ — служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ достоинствъ и добродѣтели Николая Ивановича, пріобрѣтшихъ ему толь лестное довѣріе. Нельзя равнодушно читать письма, которымъ удостоилъ его въ то время Наслѣдникъ Престола. Мѣсто Салтыкова заступилъ Графъ Валентинъ Платоновичь Мусинъ-Пушкинъ. — «Я его не «знаю никакъ — писалъ Великій Князь Павелъ Петровичь — «а слышалъ всегда, какъ о честномъ че«ловѣкѣ. Признаюсь, что мнѣ разставаться съ то«бою трудно, въ чемъ хотя и утѣшенъ былъ от«зывомъ, что сіе не разлука, и что ты всегда въ «сношеніи съ нами останешься; но не меньше дру«гой, а не ты у насъ.» — Далѣе: «Дружба моя за«ставила меня тебѣ о семъ писать; теперь узналъ я, «что тебя прямо люблю: ибо первыя двѣ о семъ «экспликаціи (съ Императрицею), да и дни не безъ «слезъ прошли. Ты мнѣ позволишь о себѣ сожалѣть» — и проч. Государыня продолжала, между тѣмъ, отличать заслуги Николая Ивановича: возложила на него,

24 Ноября 1782 г., орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, произвела потомъ Генералъ-Адъютантомъ, Подполковникомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, Сенаторомъ, Членомъ Государственнаго Совѣта и повелѣла, въ 1788 году, управлять Военнымъ Департаментомъ. При заключеніи мира съ Швеціею, 1790 года, Николай Ивановичь получилъ Графское достоинство, а по случаю примиренія съ Портою Оттоманскою, 1791 г., пять тысячь крестьянъ въ новопріобрѣтенной Польшѣ. Сверхъ сего, за воспитаніе Великихъ Князей пожаловано ему: сто тысячь рублей единовременно, двадцать пять тысячь годоваго пенсіона, домъ въ С. Петербургѣ и серебряный сервизъ.

Вступивъ на Престолъ, Императоръ Павелъ I-й возвелъ Графа Салтыкова, 8 Ноября 1796 года, въ почетное достоинство Генералъ-Фельдмаршала; повелѣлъ быть Президентомъ Военной Коллегіи; Поручикомъ и Гофмейстеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго (въ 1799 году); наконецъ Старшиною Греческаго Пріорства. Не менѣе Графъ Николай Ивановичь облагодѣтельствованъ былъ Императоромъ Александромъ, который: въ день коронованія пожаловалъ ему Свой портретъ, алмазами украшенный; въ первую войну съ Наполеономъ, ввѣрилъ управленіе Комитета, учрежденнаго (въ 1806 г.) земскаго войска; въ достопамятный 1812 годъ наименовалъ его Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Гг. Министровъ. Въ этомъ званіи оставался онъ четыре года, до возвращенія въ С. Петербургъ Государя Императора; возведенъ 30 Ав-

густа 1814 года, въ потомственное достоинство Россійскаго Князя; Высочайшимъ Приказомъ, даннымъ тогожъ числа, велѣно находиться при немъ Офицерскому караулу. Кромѣ всѣхъ Россійскихъ орденовъ, имѣлъ онъ (исключая Св. Георгія, учрежденнаго по оставленіи Салтыковымъ военной службы): Польскій Бѣлаго Орла и Французскіе: Кармелитской Богородицы и Св. Лазаря.

Въ концѣ 1815 года у Князя Салтыкова открылась водяная болѣзнь, къ которой присоединился потомъ антоновъ огонь въ ногахъ. Сильныя страданія не поколебали твердости духа маститаго старца, посѣдѣвшаго въ подвигахъ добродѣтели. Вѣра сопутствовала ему въ другую жизнь: онъ успокоивалъ родныхъ своихъ и приближенныхъ и за нѣсколько минутъ до кончины, благословилъ воспитанника, друга, Монарха своего, который неоднократно посѣщалъ страдальца. Не въ состояніи будучи изъяснить чувствъ сердечныхъ, умиравшій вѣрноподданный прижалъ руку Цареву къ едва біющемуся сердцу и возведя взоръ свой къ Небу — казалось, испрашивалъ Ему благость Всевышняго. 16 Мая 1816 года, кончилъ онъ многотрудное поприще свое, на восмидесятомъ году жизни, и на шестьдесять восьмомъ служенія Отечеству.

Не смотря на высокій санъ свой, Князь Николай Ивановичь былъ доступенъ для всякаго, привѣтливъ въ обхожденіи, снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ, и будучи истинный цѣнитель достоинствъ, не оскорблялъ никого недовѣрчивостію безъ основательной причины. Дѣлать добро — было

священнымъ для него закономъ и удовольствіемъ; наказывать — огорченіемъ. Никогда бѣдный, требовавшій помощи, не выходилъ изъ его дома, безъ пособія. Съ веселымъ, кроткимъ нравомъ, умѣлъ онъ скрывать скорбь свою въ глубинѣ сердца, чтобы видомъ даже не огорчать людей, къ нему приверженныхъ. Когда въ 1812 году, 7 Сентября, пришли объявить ему кончину супруги его, съ которою онъ жилъ пятьдесятъ лѣтъ въ совершенномъ согласіи, почти безразлучно: нашли истиннаго Христіанина стоявшаго на колѣнахъ предъ образомъ Спасителя. «Боже! — взывалъ онъ тогда къ Всевышнему: — «Ты соединилъ насъ на земли, не «разлучи и на небесахъ, и какой ударъ ни пошлешь «на меня — вѣра моя къ Тебѣ не ослабнетъ.» — Озаренный чистѣйшимъ ученіемъ, онъ не приступалъ къ ежедневнымъ занятіямъ, не призвавъ на помощь Всевышняго, и вставая очень рано, посвящалъ молитвѣ болѣе часа; но и въ эту минуту, когда всѣмъ сердцемъ и душею предавался онъ Богу, всякій, имѣющій до него нужду, могъ прерывать его занятія — и почтенный старецъ, исполнивъ долгъ человѣколюбія, обращался снова къ молитвѣ (*).

(*) Извлечено изъ *Записокъ о жизни Князя Н. И. Салтыкова*, издан. въ 1818 году Павломъ Петровичемъ Свиньинымъ, въ С. Петербургѣ, на 122 страницахъ.

31-й

Генералъ-Фельдмаршалъ

Князь Николай Васильевичь

РЕПНИНЪ.

=

Князь Николай Васильевичь Репнинъ, сынъ Генералъ-Фельдцейхмейстера Князя Василія Аникитича (*) и внукъ Генералъ-Фельдмаршала Князя Аникиты Ивановича, родился 11 Марта 1734 года; получилъ первоначальное образованіе въ домѣ родительскомъ подъ особеннымъ надзоромъ и попеченіемъ матери своей; въ службу записанъ солдатомъ,

(*) Князь Василій Аникитичь Репнинъ, ученикъ знаменитаго Принца Евгенія (которому былъ рекомендованъ Петромъ Великимъ), служилъ волонтеромъ при завоеваніи Цесарцами Бѣлграда (1717 г.); сражался подъ знаменами Фельдмаршала Графа Миниха (съ 1736 — 1739 г.); награжденъ: чинами, Генералъ-Маіора

34. 7.2.

Князь Николай Васильевичъ

РЕПНИНЪ.

Литог. Тюлена.

1745 года, лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ и на пятнадцатомъ году отъ рожденія участвовалъ уже въ славномъ походѣ отца своего на Рейнъ, будучи Сержантомъ. Тогда понесъ онъ чувствительную потерю, оставшись сиротою, вдали отъ родины; но Императрица Елисавета Петровна поручила Канцлеру Графу Бестужеву-Рюмину обнадежить его въ своемъ покровительствѣ и, въ ознаменованіе онаго,

---

(1737); Генералъ-Лейтенанта (1740); орденомъ Св. Александра Невскаго (1741 г.) пожалованъ Генералъ-Аншефомъ (1744 г.) за разграниченіе земель въ Финляндіи и Кареліи; возведенъ въ достоинство Генералъ-Фельдцейхмейстера съ званіями Генералъ-Адъютанта и Шефа сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса (1745 г.); вступилъ (1748 г.) въ Франконію съ тридцати-семи-тысячнымъ корпусомъ, не смотря на сдѣланное ему предложеніе Версальскимъ Кабинетомъ ста тысячь ефимковъ за медленный походъ; былъ главнымъ виновникомъ постановленнаго въ Ахенѣ мирнаго договора Французскими, Англійскими и Голландскими Министрами; скончался отъ апоплексическаго удара, въ лагерѣ при Кулмбахѣ, 21 Іюля 1748 г. и погребенъ подлѣ отца въ Рижской крѣпостной церкви. Минихъ отдаетъ справедливость уму, храбрости его, хорошему поведенію и говоритъ: что онъ обѣщалъ занять мѣсто между первыми Генералами, пользовался общею любовію. — Князь Василій Аникитичъ зналъ многіе иностранные языки, въ особенности былъ свѣдущъ по части инженерной и фортификаціи, имѣлъ нравъ вспыльчивый; но отличался строгою справедливостію.

произвела Князя Репнина Прапорщикомъ, 11 Іюля 1749 года. Съ того времени юный воинъ, подававшій большія надежды, посвятилъ себя снова наукамъ, безъ которыхъ природныя дарованія и умъ ничего не могутъ произвести великаго. Военное ремесло служило ему наградою, отдохновеніемъ отъ трудовъ: въ 1751 году былъ онъ Подпоручикомъ гвардіи, въ 1753 Полковымъ Адъютантомъ. Вскорѣ Россія объявила войну Пруссіи и Князь Репнинъ получилъ отъ Государыни позволеніе находиться волонтеромъ въ арміи Генералъ-Фельдмаршала Апраксина. Онъ явилъ опыты своей храбрости въ сраженіи при Гроссъ-Эгерсдорфѣ (1757 г.); при занятіи Кенигсберга, Маріенвердера, во время осады Кистрина Генералъ-Аншефомъ Ферморомъ (1758 г.); награжденъ чиномъ Капитана гвардіи. Въ слѣдующемъ 1759 году, посланъ въ Французскую армію и находился на Минденскомъ сраженіи, подъ начальствомъ Маршала Контада; возвратясь въ С. Петербургъ (1760 г.), перешелъ изъ гвардіи въ армейскій полкъ Полковникомъ: участвовалъ въ занятіи Берлина; служилъ съ полкомъ своимъ въ корпусѣ Графа Чернышева, присоединенномъ къ Австрійской арміи (1761 г.); награжденъ чиномъ Генералъ-Маіора, 2 Апрѣля 1762 года, имѣя отъ роду двадцать восемь лѣтъ.

Императрица Екатерина II, вступивъ на Престолъ, возложила на Князя Николая Васильевича орденъ Св. Анны и отправила его Полномочнымъ Министромъ къ Фридриху Великому (1762 г.). Лестное назначеніе это сблизило Репнина съ пер-

вымъ Полководцемъ того времени, доставивъ ему возможность наблюдать его воинскія распоряженія при Рейхенбахѣ и Швейдницѣ. Такимъ образомъ онъ обозрѣлъ въ теченіи трехъ лѣтъ три арміи главныхъ Европейскихъ Дворовъ; узналъ совершенства ихъ, недостатки, и наблюденія свои принаровилъ къ пользамъ любезнаго Отечества. Доселѣ служба его была какъ-бы продолженіемъ наукъ: въ 1763 г., онъ опредѣленъ къ исправленію должности Директора Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса; Ноября 11 назначенъ Полномочнымъ Министромъ въ Польшу, съ ежегоднымъ жалованьемъ по двадцати тысячь рублей.

Тогда скончался Августъ III, на 67 г. отъ рожденія, послѣ тридцатилѣтняго государствованія. Главною цѣлію посольства Князя Репнина было избраніе въ Короли Стольника Литовскаго Графа Станислава Понятовскаго: въ этомъ важномъ порученіи Екатерина II болѣе полагалась на него, нежели на своего Посла въ Варшавѣ, Графа Кейзерлинга, и не обманулась. Усилія Франціи возмутить противъ Россіи разгоряченные тогда умы Поляковъ, остались тщетными: для подкрѣпленія Диссидентовъ, Князь Репнинъ арестовалъ вельможъ, явно сопротивлявшихся намѣреніямъ Государыни: Епископа Краковскаго Каіетана Солтыка, Графа Ржевуцкаго, Епископа Кіевскаго, и отправилъ ихъ въ Россію. Князь Радзивилъ и Маршалъ Браницкій спаслись бѣгствомъ. 7 Сентября 1764 года Понятовскій возведенъ единогласно на Польскій престолъ, а 25 Ноября коронованъ въ Варшавѣ. Въ это время скончался Графъ

Кейзерлингъ, и званіе Полномочнаго Посла передано Князю Репнину, который получилъ отъ новаго Короля ордена Бѣлаго Орла и Св. Станислава, имъ учрежденный (1765 г.). Въ шестилѣтнее пребываніе въ Варшавѣ, Князь Николай Васильевичь твердою рукой управлялъ кормиломъ Государства Польскаго, дѣйствуя именемъ Екатерины, достойно имъ представляемой. Понятовскій, слабый, малодушный, носилъ одно только наименованіе Короля: Князь Репнинъ, предпріимчивый и дальновидный, защищая Диссидентовъ, соединилъ (1767 г.) двѣ конфедераціи Польскую и Литовскую въ одну генеральную, и заставилъ оную отправить въ С. Петербургъ Чрезвычайныхъ Посланниковъ Графовъ Поцея, Вельгорскаго, Потоцкаго и Оссолинскаго, съ изъявленіемъ Императрицѣ благодарности народа Польскаго и Литовскаго за оказываемое покровительство. Между тѣмъ онъ занялся прекращеніемъ возникшихъ междоусобій въ Королевствѣ и изъ сконфедерованной республики Польской настоялъ, чтобы избраны были семьдесятъ Поляковъ въ особую Коммисію, съ которыми совѣщалъ о доставленіи спокойствія Диссидентамъ. Слѣдствіемъ сего былъ договоръ, постановленный имъ въ Варшавѣ, 13 Февраля 1768 года, между Россійскимъ и Польскимъ Дворами, въ IX статьяхъ, съ двумя сепаратными актами: I) подтвержденъ трактатъ, заключенный въ Москвѣ 1686 года. II) Обѣ Державы согласились гарантировать взаимно цѣлость и сохранность тогдашнихъ ихъ владѣній въ Европѣ. III) Король и Рѣчь Посполитая обязались обезпечить на вѣчныя времена особливымъ

сепаратнымъ актомъ вольное исповѣданіе Вѣры Греческой Восточной несоединенной и Диссидентовъ Евангелическаго исповѣданія. IV) Постановлено навсегда означить во второмъ *сепаратномъ актѣ* предметы и части правленія. V) Императрица торжественно гарантировала конституцію Рѣчи Посполитой, форму правленія, вольность и законы. VI) Договоры Карловицкій, Оливскій и другіе, заключенные съ прочими Державами, оставлены во всей силѣ. VII) На отвѣтственность пограничныхъ полномочныхъ Судовъ возложена обязанность скоро и безпристрастно разбирать возникающую распрю между подданными обѣихъ договаривающихся сторонъ, съ сохраненіемъ чрезъ то порядка и тишины. VIII) Утверждена свободная торговля, безъ отягощенія излишними налогами. IX) Ратификовать трактатъ въ Варшавѣ черезъ два мѣсяца. — Первымъ *сепаратнымъ актомъ* Рѣчь Посполитая Польская, уважая пріемлемое участіе Дворами Россійскимъ, Англійскимъ, Прусскимъ, Шведскимъ и Датскимъ, постановила пять статей, которыми возвращены и обезпечены всѣ церковныя и гражданскія права Неунитовъ и Диссидентовъ. *Вторый* заключалъ въ себѣ *права кардинальныя* и ограничивалъ власть первыхъ чиновъ Республики. Между прочимъ узаконено: чтобы дворянинъ за умышленное убійство крестьянина подвергался впредь казни, а не денежному взысканію.

Рѣшительныя мѣры возстановили противъ Князя Репнина Магнатовъ и Духовенство Польское. Версальскій Кабинетъ, завидуя могуществу нашему, убѣдилъ Порту Оттоманскую объявить войну Россіи,

и Князь Николай Васильевичь, награжденный Императрицею орденомъ Св. Александра Невскаго и чиномъ Генералъ-Поручика (1768 г.), какъ опытный Полководецъ, былъ отозванъ въ С. Петербургъ. Онъ поступилъ въ первую армію, предводимую Княземъ Голицынымъ (1769 г.); участвовалъ въ блокадѣ и занятіи Хотинской крѣпости; командовалъ (1770 г.) отдѣльнымъ корпусомъ въ Молдавіи и Валахіи: воспрепятствовалъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, двѣнадцати тысячамъ Турокъ и двадцати тысячамъ Татаръ переправиться черезъ Прутъ, преслѣдовалъ ихъ шесть верстъ; сражался, подъ знаменами Румянцова на битвахъ Ларгской и Кагульской; овладѣлъ, 26 Іюля, Измаиломъ, который сдался ему на условіяхъ съ двадцатью пушками; преслѣдовалъ двадцатитысячное Турецкое войско, оставившее эту крѣпость при его приближеніи; положилъ на мѣстѣ семьсотъ человѣкъ; двинулся къ крѣпости Киліи, снабдивъ Измаилъ достаточнымъ гарнизономъ. 9 Августа, Турки, примѣтивъ наше войско, зажгли предмѣстье въ четырехъ мѣстахъ; не смотря на сильный пожаръ, Князь Репнинъ вступилъ въ оное и, среди огня и пепла, обозрѣлъ положеніе крѣпости, назначилъ мѣсто первой батареи отъ гласиса въ восмидесяти саженяхъ; оттуда, открывъ траншею, велѣлъ вести оную на лѣвую сторону, а Бригадиру Барону Игельстрому заложить главную батарею противъ воротъ. Непріятель между тѣмъ тремя вылазками старался воспрепятствовать производимымъ работамъ; но принужденъ былъ удалиться. Тогда Князь Репнинъ отправилъ съ однимъ плѣннымъ слѣдую-

щее воззваніе въ крѣпость. «Ея Императорское Ве-«личество, моя Всемилостивѣйшая Государыня, по «природному своему великодушію и человѣколюбію, «повелѣваетъ намъ сохранять, сколько возможно, отъ «напраснаго пролитія кровь человѣческую. Покори-«тесь побѣдоносному оружію премудрой моей Мо-«нархини. Я обѣщаю оставить вамъ жизнь, дать сво-«боду и отпустить съ вами ваше имѣніе. Жизнь «остается вамъ для того, что побѣдители гнушаются «разить побѣжденныхъ; свобода, чтобъ вы пронесли «въ мѣста, вами обитаемыя, славу щедротъ и вели-«кодушіе Россійской Императрицы; а имѣніе, дабы «разумѣли, что Россійскіе герои корысть презираютъ. «Знайте, что Россія умѣетъ побѣждать; но вездѣ, «гдѣ только человѣчество склоняетъ къ жалости, «щадитъ и прощаетъ. Впрочемъ, если вы далѣе бу-«дете сопротивляться: то завтра по утру открою я «начало той казни, которая покажетъ вамъ, сколь «трудно раздражать побѣдителей, у коихъ должно «вамъ искать пощады.»—Воззваніе это не произвело желаемаго дѣйствія: началась пушечная пальба изъ крѣпости. Россіяне подъ картечными выстрѣлами кончили главную батарею и на другой день по утру открыли сильный огонь изъ всѣхъ орудій, четыре часа продолжавшійся. Раздался вопль между осажденными. Князь Репнинъ, всегда великодушный, отправилъ къ нимъ другое воззваніе: убѣждалъ ихъ искать пощады, свободы и всего предложеннаго, если не желаютъ подвергнуться ярости героевъ, многократно наносившихъ уже имъ пораженіе. Османъ Паша, командовавшій въ крѣпости, потребовалъ трое

сутокъ на размышленіе; но Князь Репнинъ изъявилъ согласіе только на шесть часовъ. Срокъ наступилъ вечеромъ; непріятель умолялъ продлить оный еще до разсвѣта; Репнинъ уважилъ эту просьбу и, 18 Августа, Килія покорилась Императрицѣ. 21 числа поднесены ключи Россійскому Полководцу; пять тысячь жителей вышли къ нему на встрѣчу: Греки и Армяне съ Крестомъ и Евангеліемъ, Жиды съ хлѣбомъ. Въ крѣпости найдено: четыре мортиры, шестьдесять четыре пушки, восемь тысячь ядръ, до четырехъ сотъ бочекъ пороха и множество съѣстныхъ припасовъ. Узнавъ, что Турки претерпѣваютъ недостатокъ въ скотѣ, Князь Репнинъ отправилъ къ нимъ сто барановъ; приказалъ двумъ лекарямъ перевязать раны Музульманъ, находившихся въ крѣпости; переправилъ черезъ Дунай четырехъ-тысячный гарнизонъ, положившій оружіе, дозволивъ оному взять имущество. Многіе Оттомане, пораженные столь удивительнымъ человѣколюбіемъ, пали передъ нимъ на колѣна, проливая слезы благодарности, и поклялись не сражаться болѣе съ Россіянами. Императрица наградила Князя Николая Васильевича военнымъ орденомъ Св. Георгія втораго класса.

Въ 1771 году поручена Князю Репнину команда надъ всѣми войсками въ Валахіи. Онъ пріѣхалъ въ Букарестъ, оттуда отправился въ Журжу, осмотрѣлъ эту крѣпость, занятую достаточнымъ Россійскимъ гарнизономъ; рекогносцировалъ Турну, построенную на крутой горѣ подъ Никопольскими пушками, и получилъ въ то время донесеніе, что непріятель, переправясь черезъ Дунай, атаковалъ Журжу. Князь

Репнинъ оставилъ тогда Генералъ-Маіора Потемкина (*) подъ Турною, а самъ поспѣшилъ форсированными маршами къ осажденнымъ. Въ семи верстахъ отъ Журжи узналъ онъ, что Комендантъ Маіоръ Гензель, имѣвшій провіанта на три мѣсяца и значительное число снарядовъ, сдалъ эту крѣпость на капитуляцію. Отрядъ, сопровождавшій Князя Репнина, состоялъ только изъ трехъ сотъ человѣкъ: онъ принужденъ былъ удалиться къ Букаресту отъ трехъ тысячной Турецкой конницы, выѣхавшей къ нему на встрѣчу; расположился подъ Вакарештскимъ монастыремъ. Ободренный полученнымъ успѣхомъ, непріятель показался, 10 Іюня, въ виду нашихъ войскъ, въ числѣ десяти тысячь человѣкъ, подъ предводительствомъ трехъ-бунчужнаго Паши Ахмета, командовавшаго прежде въ Аравіи: Князь Репнинъ предупредилъ его атакою, обратилъ въ бѣгство, за двадцать верстъ, къ рѣкѣ Аргису, положилъ на мѣстѣ пятьсотъ человѣкъ, отбилъ одну пушку и пять знаменъ. — Между тѣмъ Румянцовъ поставилъ ему въ вину потерю Журжи: обиженный несправедливостію Полководецъ испросилъ увольненіе въ чужіе краи, гдѣ пробылъ до 1774 года. Онъ находился потомъ при облежаніи Силистріи, когда побѣды Задунайскаго заставили Турцію просить мира у Россіи, и не отказался быть производителемъ этого важнаго дѣла, забывъ для пользъ Имперіи прошедшее: 10 Іюля (1774 г.) подписанъ имъ и Турецкими полномочными Ресми Ахметъ Эфендіемъ и Ибрагимъ Мюнибъ Рейсъ-Эфендіемъ славный договоръ

(*) Въ послѣдствіи, Князя Таврическаго.

вѣчнаго мира между обѣими Имперіями въ лагерѣ Кучукъ-Кайнарджи, близь Силистріи, въ XXVIII статьяхъ (*). По утвержденіи Визиремъ этого трактата, Графъ Румянцовъ отправилъ съ онымъ Князя Репнина, *имѣвшаго* — по словамъ его въ донесеніи къ Императрицѣ — *полное участіе въ заключеніи мира.* — Екатерина II произвела Князя Николая Васильевича Генералъ-Аншефомъ и Подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, а въ слѣдующемъ 1775 году назначила его въ Турцію Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ.

Свита Князя Репнина была столь же блистательна, какъ и многочисленна, состояла изъ пятисотъ человѣкъ (**). Онъ въѣхалъ въ Константинополь (5 Октября) Андріанопольскими воротами на Турецкой лошади, богатоубранной, высланной ему Султаномъ, съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ; въ Перу прибылъ въ семь часовъ по полудни съ зажженными факелами и одинъ только

(*) См. біографію Графа Румянцова-Задунайскаго.

(**) При Князѣ Репнинѣ находились трубачи и литаврщики гусарскіе и кирасирскіе, пѣхотные музыканты, команды: гусарская, кирасирская и пѣхотная, тридцать шесть лакеевъ, четыре егеря, двѣнадцать пѣвчихъ, тринадцать офиціантовъ, шесть гайдуковъ, восемь скороходовъ, шесть гренадеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, шесть Пажей, лекарь, докторъ, двѣнадцать Греческихъ офицеровъ, четырнадцать студентовъ и переводчиковъ, восемнадцать Оберъ-офицеровъ, четыре Штабъ-офицера, десять Дворянъ-Посольства, два Секретаря и Маршалъ Посольства.

въѣхалъ на дворъ; сопровождавшіе его Турки вошли на оный пѣшіе. 7 Октября, Князь Репнинъ извѣстилъ пребывавшихъ въ Константинополѣ Пословъ иностранныхъ о своемъ пріѣздѣ чрезъ Кавалеровъ Посольства, и Министровъ черезъ офицеровъ (*). Они немедленно прислали къ нему Секретарей Посольства съ поздравительнымъ привѣтствіемъ и, вслѣдъ за ними, сами посѣтили его; а послѣ обѣда въ тотъ же день пріѣхали къ Княгинѣ Репниной (**) супруги Французскаго и Венеціанскаго Пословъ, также Прусскаго Посланника и провели у нея вечеръ. 8 Октября, Посолъ, въ сопровожденіи свиты своей, отдалъ визиты передъ полуднемъ Посламъ, послѣ обѣда Посланникамъ.

По предварительному соглашенію съ Портою, Князь Репнинъ былъ, 28 Ноября, у Визиря. Онъ подъѣхалъ къ самому крыльцу, гдѣ встрѣченъ переводчикомъ Порты, который, вмѣстѣ съ Чаушляръ Еминіемъ и Чаушляръ Кіятибіемъ предшествовали ему въ пріемную залу. Къ нимъ присоединился на

(*) Послы были: Французскій Маркизъ де Сентъ-Пріестъ; Венеціанскій Кавалеръ Градениго и Голландскій Г. Вейлеръ; Римско-Императорскій Интернунцій Г. Тугутъ; Посланники: Прусскій Г. Зегелинъ, выѣхавшій къ Князю Репнину на встрѣчу 3 Октября, и Шведскій Г. Цельсингъ.

(**) Князь Николай Васильевичь былъ женатъ на родной теткѣ нашего Чрезвычайнаго Посла въ Парижѣ, при Наполеонѣ, Князя Александра Борисовича Куракина, Княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Куракиной.

крыльцѣ Тесрифаджи, или первый церемоніймейстеръ. Вступя въ залу, Посолъ немного пріостановился, не видя Визиря, который однакожъ тотчасъ вошелъ въ оную. Когда они приближились другъ къ другу, то сдѣлали взаимный поклонъ и пошли къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Князь Репнинъ вручилъ Визирю грамоту Императрицы; онъ принялъ ее стоя и положилъ на подушку возлѣ себя. Тогда Посолъ и Визирь сѣли въ одно время, послѣдній на софу, первый противъ него на креслахъ. Визирь привѣтствовалъ Посла, навѣдываясь о состояніи его здоровья. Исполнивъ съ обѣихъ сторонъ обыкновенныя учтивости, Князь Репнинъ, въ произнесенной рѣчи, объявилъ Визирю причину своего Посольства; удостовѣрилъ: «что Императрица желаетъ твердо и «ненарушимо содержать блаженный миръ, заключен«ный между обѣими Имперіями, и возобновленную «дружбу; не сомнѣвается въ похвальныхъ и миро«любивыхъ его чувствованіяхъ» — и въ заключеніе просилъ исходатайствовать ему скорѣе аудіенцію у Султана. Драгоманъ Порты перевелъ эту рѣчь. Визирь отвѣчалъ: «что онъ съ своей стороны, желая утвердить и сохранить блаженный миръ, приложитъ къ достиженію этой цѣли совершенное попеченіе и трудъ; ощущаетъ истинное удовольствіе въ томъ, что выборъ Посольства палъ на особу, въ коей обитаютъ способность и прилежаніе къ общимъ интересамъ обѣихъ сторонъ.» — Послѣ сего поднесли Визирю и Послу конфекты, кофе, шербетъ, розовую воду и куренье, чѣмъ угощали и чиновниковъ свиты Посольской, исключая умыванья и куренья; пода-

ли Послу соболью шубу съ парчевымъ верхомъ, которую онъ надѣлъ на себя, не вставая съ креселъ; надѣли шубы на Повѣреннаго въ дѣлахъ, Г. Петерсона, на Маршала Посольства, Г. Булгакова, и на двухъ Секретарей лапчатыя собольи, покрытыя сукномъ и опушенныя пластинчатымъ собольимъ же мѣхомъ; на десять Кавалеровъ Посольства горностаевыя, покрытыя камлотомъ; свитѣ Посольской роздано сто кафтановъ.

29 Ноября, Князь Репнинъ отправилъ подарки къ Визирю съ Маршаломъ Посольства, къ его Кегаѣ и къ Рейсъ-Эфендію съ Секретарями. 30 числа отнесены подарки въ Сераль къ Султану. Посолъ имѣлъ у него аудіенцію 1 Декабря: доѣхавъ до вторыхъ воротъ Сераля, онъ слѣзъ съ лошади у праваго рундука и встрѣченъ тутъ Переводчикомъ Порты. Вмѣсто того, чтобы дожидаться на лавкѣ въ этихъ воротахъ до приглашенія его въ Диванъ, какъ обыкновенно дѣлали Послы, Князь Репнинъ введенъ былъ въ комнату, на этотъ случай нарочно убранную софами. Здѣсь Чаушъ-Баши и Переводчикъ Порты угощали его и находились при немъ безотлучно. Вступивъ въ Диванъ въ разныя двери, но въ одно время съ Визиремъ, Посолъ сѣлъ на табуретѣ, поставленномъ противъ Визирскаго мѣста, и какъ послѣдній медлилъ приглашеніемъ его въ Нисанджинскую лавку, Князь Репнинъ, черезъ Переводчика Порты, объявилъ Визирю: *что онъ самъ туда перейдетъ, если не будетъ тотчасъ приглашенъ.* Воля Посла Россійскаго немедленно исполнена: онъ сѣлъ посреди лавки, на правой сторонѣ Нисанджія.

Начался судъ, полчаса продолжавшійся; по окончаніи онаго, Визирь отправилъ Рейсъ-Эффендія съ письменнымъ докладомъ къ Султану о допущеніи Посла. Съ Визиремъ обѣдалъ въ тотъ день одинъ только Князь Репнинъ; съ Капитаномъ Пашею: Маршалъ, два Секретаря и Дюкъ де Браганcъ, находившійся въ числѣ Кавалеровъ Посольства. Во время обѣда Высочайшая грамота была держана попеременно Дворянами. На половинѣ дороги отъ Дивана до послѣднихъ воротъ Серальскихъ, надѣта на Посла соболья шуба, покрытая парчею; на Маршала и Секретарей горностаевыя; свитѣ роздано сто кафтановъ. Пробывъ въ этомъ мѣстѣ, на лавкѣ, съ четверть часа, между тѣмъ какъ Визирь былъ у Султана, Посолъ введенъ потомъ въ тронную двумя Капиджи-Башіями, въ сопровожденіи шестнадцати чиновниковъ, съ нимъ прибывшихъ, и въ предшествованіи Переводчика Порты. Сдѣлавъ три поклона, онъ произнесъ рѣчь и поднесъ грамоту, которую принялъ Капитанъ-Паша, вручившій оную Визирю, а послѣдній положилъ ее возлѣ Султана. Драгоманъ Порты перевелъ рѣчь и Султанъ Абдулъ Гамидъ сказалъ громкимъ голосомъ нѣсколько словъ Визирю, который отвѣчалъ Послу: «что Его Император-«ское Величество, Всемилостивѣйшій Государь Им-«ператоръ, Прибѣжище Свѣта, повелѣлъ мнѣ извѣ-«стить вамъ, что есть Его Императорская воля, «дабы мирный трактатъ, заключенный между его «Имперіею и Имперіею Россійскою былъ навсегда «сохраняемъ и исполняемъ.» — Драгоманъ Порты перевелъ эти слова, и Посолъ, поклонясь Султану,

вышелъ изъ аудіенцъ-камеры со всею свитою. У вторыхъ воротъ дожидался онъ снова въ караульной Капиджи-Башіевъ, между тѣмъ какъ мелкіе чины, Янычаръ-Ага, Капиджи-Баши и прочіе выѣзжали изъ Сераля.

28 Января (1776 г.) Посолъ обѣдалъ у Визиря въ пріемныхъ комнатахъ Султана. Визирь предоставлялъ ему выбрать любое мѣсто: софу или креслы. Посолъ сѣлъ на софу, сказавъ: *что предпочитаетъ оную, желая быть ближе къ нему.* Они сѣли оба въ одно время. Визирь просилъ Посла располагать у него, какъ бы въ собственномъ своемъ домѣ, приказывать что угодно; желалъ знать, не хочетъ ли онъ полюбоваться играми и забавами, приготовленными для его увеселенія? — Около одиннадцатаго часа, Визирь спросилъ: когда обыкновенно обѣдаетъ Посолъ, чтобы онъ къ тому времени приказалъ изготовить столъ; ибо опредѣля этотъ день на угощеніе столь пріятнаго гостя, не желаетъ отяготить его никакою перемѣною въ ежедневныхъ обыкновеніяхъ. — Посолъ отвѣчалъ: *что, чувствуя крайнее удовольствіе быть угощаемымъ столь почтеннымъ и привѣтливымъ хозяиномъ, отлагаетъ всѣ свои привычки и проситъ его ни въ чемъ не принуждать себя; но опредѣлить время обѣда по собственному желанію.* — Въ половинѣ перваго часа принесенъ къ софѣ столъ, за которымъ, кромѣ ихъ двухъ, обѣдалъ еще Рейсъ-Эфендій. Передъ Посломъ положенъ былъ золотый приборъ, осыпанный алмазами; тарелки, ему подаваемыя, были также золотыя. Послѣ обѣда онъ вымылъ руки свои въ одно время съ Визиремъ: раз-

и Князь Николай Васильевичь, награжденный Императрицею орденомъ Св. Александра Невскаго и чиномъ Генералъ-Поручика (1768 г.), какъ опытный Полководецъ, былъ отозванъ въ С. Петербургъ. Онъ поступилъ въ первую армію, предводимую Княземъ Голицынымъ (1769 г.); участвовалъ въ блокадѣ и занятіи Хотинской крѣпости; командовалъ (1770 г.) отдѣльнымъ корпусомъ въ Молдавіи и Валахіи: воспрепятствовалъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, двѣнадцати тысячамъ Турокъ и двадцати тысячамъ Татаръ переправиться черезъ Прутъ, преслѣдовалъ ихъ шесть верстъ; сражался, подъ знаменами Румянцова на битвахъ Ларгской и Кагульской; овладѣлъ, 26 Іюля, Измаиломъ, который сдался ему на условіяхъ съ двадцатью пушками; преслѣдовалъ двадцатитысячное Турецкое войско, оставившее эту крѣпость при его приближеніи; положилъ на мѣстѣ семьсотъ человѣкъ; двинулся къ крѣпости Килліи, снабдивъ Измаилъ достаточнымъ гарнизономъ. 9 Августа, Турки, примѣтивъ наше войско, зажгли предмѣстье въ четырехъ мѣстахъ; не смотря на сильный пожаръ, Князь Репнинъ вступилъ въ оное и, среди огня и пепла, обозрѣлъ положеніе крѣпости, назначилъ мѣсто первой батареи отъ гласиса въ восмидесяти саженяхъ; оттуда, открывъ траншею, велѣлъ вести оную на лѣвую сторону, а Бригадиру Барону Игельстрому заложить главную батарею противъ воротъ. Непріятель между тѣмъ тремя вылазками старался воспрепятствовать производимымъ работамъ; но принужденъ былъ удалиться. Тогда Князь Репнинъ отправилъ съ однимъ плѣннымъ слѣдую-

щее воззваніе въ крѣпость. «Ея Императорское Ве-«личество, моя Всемилостивѣйшая Государыня, по «природному своему великодушію и человѣколюбію, «повелѣваетъ намъ сохранять, сколько возможно, отъ «напраснаго пролитія кровь человѣческую. Покори-«тесь побѣдоносному оружію премудрой моей Мо-«нархини. Я обѣщаю оставить вамъ жизнь, дать сво-«боду и отпустить съ вами ваше имѣніе. Жизнь «остается вамъ для того, что побѣдители гнушаются «разить побѣжденныхъ; свобода, чтобъ вы пронесли «въ мѣста, вами обитаемыя, славу щедротъ и вели-«кодушіе Россійской Императрицы; а имѣніе, дабы «разумѣли, что Россійскіе герои корысть презираютъ. «Знайте, что Россія умѣетъ побѣждать; но вездѣ, «гдѣ только человѣчество склоняетъ къ жалости, «щадитъ и прощаетъ. Впрочемъ, если вы далѣе бу-«дете сопротивляться: то завтра по утру открою я «начало той казни, которая покажетъ вамъ, сколь «трудно раздражать побѣдителей, у коихъ должно «вамъ искать пощады.»—Воззваніе это не произвело желаемаго дѣйствія: началась пушечная пальба изъ крѣпости. Россіяне подъ картечными выстрѣлами кончили главную батарею и на другой день по утру открыли сильный огонь изъ всѣхъ орудій, четыре часа продолжавшійся. Раздался вопль между осажденными. Князь Репнинъ, всегда великодушный, отправилъ къ нимъ другое воззваніе: убѣждалъ ихъ искать пощады, свободы и всего предложеннаго, если не желаютъ подвергнуться ярости героевъ, многократно наносившихъ уже имъ пораженіе. Османъ Паша, командовавшій въ крѣпости, потребовалъ трое

сутокъ на размышленіе; но Князь Репнинъ изъявилъ согласіе только на шесть часовъ. Срокъ наступилъ вечеромъ; непріятель умолялъ продлить оный еще до разсвѣта; Репнинъ уважилъ эту просьбу и, 18 Августа, Килія покорилась Императрицѣ. 21 числа поднесены ключи Россійскому Полководцу; пять тысячь жителей вышли къ нему на встрѣчу: Греки и Армяне съ Крестомъ и Евангеліемъ, Жиды съ хлѣбомъ. Въ крѣпости найдено: четыре мортиры, шестьдесять четыре пушки, восемь тысячь ядръ, до четырехъ сотъ бочекъ пороха и множество съѣстныхъ припасовъ. Узнавъ, что Турки претерпѣваютъ недостатокъ въ скотѣ, Князь Репнинъ отправилъ къ нимъ сто барановъ; приказалъ двумъ лекарямъ перевязать раны Музульманъ, находившихся въ крѣпости; переправилъ черезъ Дунай четырехъ-тысячный гарнизонъ, положившій оружіе, дозволивъ оному взять имущество. Многіе Оттомане, пораженные столь удивительнымъ человѣколюбіемъ, пали передъ нимъ на колѣна, проливая слезы благодарности, и поклялись не сражаться болѣе съ Россіянами. Императрица наградила Князя Николая Васильевича военнымъ орденомъ Св. Георгія втораго класса.

Въ 1771 году поручена Князю Репнину команда надъ всѣми войсками въ Валахіи. Онъ пріѣхалъ въ Букарестъ, оттуда отправился въ Журжу, осмотрѣлъ эту крѣпость, занятую достаточнымъ Россійскимъ гарнизономъ; рекогносцировалъ Турну, построенную на крутой горѣ подъ Никопольскими пушками, и получилъ въ то время донесеніе, что непріятель, переправясь черезъ Дунай, атаковалъ Журжу. Князь

Репнинъ оставилъ тогда Генералъ-Маіора Потемкина (*) подъ Турною, а самъ поспѣшилъ форсированными маршами къ осажденнымъ. Въ семи верстахъ отъ Журжи узналъ онъ, что Комендантъ Маіоръ Гензель, имѣвшій провіанта на три мѣсяца и значительное число снарядовъ, сдалъ эту крѣпость на капитуляцію. Отрядъ, сопровождавшій Князя Репнина, состоялъ только изъ трехъ сотъ человѣкъ: онъ принужденъ былъ удалиться къ Букаресту отъ трехъ тысячной Турецкой конницы, выѣхавшей къ нему на встрѣчу; расположился подъ Вакарештскимъ монастыремъ. Ободренный полученнымъ успѣхомъ, непріятель показался, 10 Іюня, въ виду нашихъ войскъ, въ числѣ десяти тысячь человѣкъ, подъ предводительствомъ трехъ-бунчужнаго Паши Ахмета, командовавшаго прежде въ Аравіи: Князь Репнинъ предупредилъ его атакою, обратилъ въ бѣгство, за двадцать верстъ, къ рѣкѣ Аргису, положилъ на мѣстѣ пятьсотъ человѣкъ, отбилъ одну пушку и пять знаменъ. — Между тѣмъ Румянцовъ поставилъ ему въ вину потерю Журжи: обиженный несправедливостію Полководецъ испросилъ увольненіе въ чужіе краи, гдѣ пробылъ до 1774 года. Онъ находился потомъ при облежаніи Силистріи, когда побѣды Задунайскаго заставили Турцію просить мира у Россіи, и не отказался быть производителемъ этого важнаго дѣла, забывъ для пользъ Имперіи прошедшее: 10 Іюля (1774 г.) подписанъ имъ и Турецкими полномочными Ресми Ахметъ Эфендіемъ и Ибрагимъ Мюнибъ Рейсъ-Эфендіемъ славный договоръ

(*) Въ послѣдствіи, Князя Таврическаго.

вѣчнаго мира между обѣими Имперіями въ лагерѣ Кучукъ-Кайнарджи, близь Силистріи, въ XXVIII статьяхъ (*). По утвержденіи Визиремъ этого трактата, Графъ Румянцовъ отправилъ съ онымъ Князя Репнина, *имѣвшаго* — по словамъ его въ донесеніи къ Императрицѣ — *полное участіе въ заключеніи мира.* — Екатерина II произвела Князя Николая Васильевича Генералъ-Аншефомъ и Подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, а въ слѣдующемъ 1775 году назначила его въ Турцію Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ.

Свита Князя Репнина была столь же блистательна, какъ и многочисленна, состояла изъ пятисотъ человѣкъ (**). Онъ въѣхалъ въ Константинополь (5 Октября) Андріанопольскими воротами на Турецкой лошади, богатоубранной, высланной ему Султаномъ, съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ; въ Перу прибылъ въ семь часовъ по полудни съ зажженными факелами и одинъ только

(*) См. біографію Графа Румянцова-Задунайскаго.

(**) При Князѣ Репнинѣ находились трубачи и литаврщики гусарскіе и кирасирскіе, пѣхотные музыканты, команды: гусарская, кирасирская и пѣхотная, тридцать шесть лакеевъ, четыре егеря, двѣнадцать пѣвчихъ, тринадцать офиціантовъ, шесть гайдуковъ, восемь скороходовъ, шесть гренадеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, шесть Пажей, лекарь, докторъ, двѣнадцать Греческихъ офицеровъ, четырнадцать студентовъ и переводчиковъ, восемнадцать Оберъ-офицеровъ, четыре Штабъ-офицера, десять Дворянъ-Посольства, два Секретаря и Маршалъ Посольства.

въѣхалъ на дворъ; сопровождавшіе его Турки вошли на оный пѣшіе. 7 Октября, Князь Репнинъ извѣстилъ пребывавшихъ въ Константинополѣ Пословъ иностранныхъ о своемъ пріѣздѣ чрезъ Кавалеровъ Посольства, и Министровъ черезъ офицеровъ (*). Они немедленно прислали къ нему Секретарей Посольства съ поздравительнымъ привѣтствіемъ и, вслѣдъ за ними, сами посѣтили его; а послѣ обѣда въ тотъ же день пріѣхали къ Княгинѣ Репниной (**) супруги Французскаго и Венеціанскаго Пословъ, также Прусскаго Посланника и провели у нея вечеръ. 8 Октября, Посолъ, въ сопровожденіи свиты своей, отдалъ визиты передъ полуднемъ Посламъ, послѣ обѣда Посланникамъ.

По предварительному соглашенію съ Портою, Князь Репнинъ былъ, 28 Ноября, у Визиря. Онъ подъѣхалъ къ самому крыльцу, гдѣ встрѣченъ переводчикомъ Порты, который, вмѣстѣ съ Чаушляръ Еминіемъ и Чаушляръ Кіятибіемъ предшествовали ему въ пріемную залу. Къ нимъ присоединился на

(*) Послы были: Французскій Маркизъ де Сентъ-Пріестъ; Венеціанскій Кавалеръ Градениго и Голландскій Г. Вейлеръ; Римско-Императорскій Интернунцій Г. Тугутъ; Посланники: Прусскій Г. Зегелинъ, выѣхавшій къ Князю Репнину на встрѣчу 3 Октября, и Шведскій Г. Цельсингъ.

(**) Князь Николай Васильевичь былъ женатъ на родной теткѣ нашего Чрезвычайнаго Посла въ Парижѣ, при Наполеонѣ, Князя Александра Борисовича Куракина, Княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Куракиной.

крыльцѣ Тесрифаджи, или первый церемоніймейстеръ. Вступя въ залу, Посолъ немного пріостановился, не видя Визиря, который однакожъ тотчасъ вошелъ въ оную. Когда они приближились другъ къ другу, то сдѣлали взаимный поклонъ и пошли къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Князь Репнинъ вручилъ Визирю грамоту Императрицы; онъ принялъ ее стоя и положилъ на подушку возлѣ себя. Тогда Посолъ и Визирь сѣли въ одно время, послѣдній на софу, первый противъ него на креслахъ. Визирь привѣтствовалъ Посла, навѣдываясь о состояніи его здоровья. Исполнивъ съ обѣихъ сторонъ обыкновенныя учтивости, Князь Репнинъ, въ произнесенной рѣчи, объявилъ Визирю причину своего Посольства; удостовѣрилъ: «что Императрица желаетъ твердо и «ненарушимо содержать блаженный миръ, заключен«ный между обѣими Имперіями, и возобновленную «дружбу; не сомнѣвается въ похвальныхъ и миро«любивыхъ его чувствованіяхъ» — и въ заключеніе просилъ исходатайствовать ему скорѣе аудіенцію у Султана. Драгоманъ Порты перевелъ эту рѣчь. Визирь отвѣчалъ: «что онъ съ своей стороны, желая утвердить и сохранить блаженный миръ, приложитъ къ достиженію этой цѣли совершенное попеченіе и трудъ; ощущаетъ истинное удовольствіе въ томъ, что выборъ Посольства палъ на особу, въ коей обитаютъ способность и прилежаніе къ общимъ интересамъ обѣихъ сторонъ.» — Послѣ сего поднесли Визирю и Послу конфекты, кофе, шербетъ, розовую воду и куренье, чѣмъ угощали и чиновниковъ свиты Посольской, исключая умыванья и куренья; пода-

ли Послу соболью шубу съ парчевымъ верхомъ, которую онъ надѣлъ на себя, не вставая съ креселъ; надѣли шубы на Повѣреннаго въ дѣлахъ, Г. Петерсона, на Маршала Посольства, Г. Булгакова, и на двухъ Секретарей лапчатыя собольи, покрытыя сукномъ и опушенныя пластинчатымъ собольимъ же мѣхомъ; на десять Кавалеровъ Посольства горностаевыя, покрытыя камлотомъ; свитѣ Посольской роздано сто кафтановъ.

29 Ноября, Князь Репнинъ отправилъ подарки къ Визирю съ Маршаломъ Посольства, къ его Кегаѣ и къ Рейсъ-Эфендію съ Секретарями. 30 числа отнесены подарки въ Сераль къ Султану. Посолъ имѣлъ у него аудіенцію 1 Декабря: доѣхавъ до вторыхъ воротъ Сераля, онъ слѣзъ съ лошади у праваго рундука и встрѣченъ тутъ Переводчикомъ Порты. Вмѣсто того, чтобы дожидаться на лавкѣ въ этихъ воротахъ до приглашенія его въ Диванъ, какъ обыкновенно дѣлали Послы, Князь Репнинъ введенъ былъ въ комнату, на этотъ случай нарочно убранную софами. Здѣсь Чаушъ-Баши и Переводчикъ Порты угощали его и находились при немъ безотлучно. Вступивъ въ Диванъ въ разныя двери, но въ одно время съ Визиремъ, Посолъ сѣлъ на табуретѣ, поставленномъ противъ Визирскаго мѣста, и какъ послѣдній медлилъ приглашеніемъ его въ Нисанджинскую лавку, Князь Репнинъ, черезъ Переводчика Порты, объявилъ Визирю: *что онъ самъ туда перейдетъ, если не будетъ тотчасъ приглашенъ.* Воля Посла Россійскаго немедленно исполнена: онъ сѣлъ посреди лавки, на правой сторонѣ Нисанджія.

Начался судъ, полчаса продолжавшійся; по окончаніи онаго, Визирь отправилъ Рейсъ-Эффендія съ письменнымъ докладомъ къ Султану о допущеніи Посла. Съ Визиремъ обѣдалъ въ тотъ день одинъ только Князь Репнинъ; съ Капитаномъ Пашею: Маршалъ, два Секретаря и Дюкъ де Браганцъ, находившійся въ числѣ Кавалеровъ Посольства. Во время обѣда Высочайшая грамота была держана попеременно Дворянами. На половинѣ дороги отъ Дивана до послѣднихъ воротъ Серальскихъ, надѣта на Посла соболья шуба, покрытая парчею; на Маршала и Секретарей горностаевыя; свитѣ роздано сто кафтановъ. Пробывъ въ этомъ мѣстѣ, на лавкѣ, съ четверть часа, между тѣмъ какъ Визирь былъ у Султана, Посолъ введенъ потомъ въ тронную двумя Капиджи-Башіями, въ сопровожденіи шестнадцати чиновниковъ, съ нимъ прибывшихъ, и въ предшествованіи Переводчика Порты. Сдѣлавъ три поклона, онъ произнесъ рѣчь и поднесъ грамоту, которую принялъ Капитанъ-Паша, вручившій оную Визирю, а послѣдній положилъ ее возлѣ Султана. Драгоманъ Порты перевелъ рѣчь и Султанъ Абдулъ Гамидъ сказалъ громкимъ голосомъ нѣсколько словъ Визирю, который отвѣчалъ Послу: «что Его Император-«ское Величество, Всемилостивѣйшій Государь Им-«ператоръ, Прибѣжище Свѣта, повелѣлъ мнѣ извѣ-«стить вамъ, что есть Его Императорская воля, «дабы мирный трактатъ, заключенный между его «Имперіею и Имперіею Россійскою былъ навсегда «сохраняемъ и исполняемъ.» — Драгоманъ Порты перевелъ эти слова, и Посолъ, поклонясь Султану,

вышелъ изъ аудіенцъ-камеры со всею свитою. У вторыхъ воротъ дожидался онъ снова въ караульной Капиджи-Башіевъ, между тѣмъ какъ мелкіе чины, Янычаръ-Ага, Капиджи-Баши и прочіе выѣзжали изъ Сераля.

28 Января (1776 г.) Посолъ обѣдалъ у Визиря въ пріемныхъ комнатахъ Султана. Визирь предоставлялъ ему выбрать любое мѣсто: софу или креслы. Посолъ сѣлъ на софу, сказавъ: *что предпочитаетъ оную, желая быть ближе къ нему*. Они сѣли оба въ одно время. Визирь просилъ Посла располагать у него, какъ бы въ собственномъ своемъ домѣ, приказывать что угодно; желалъ знать, не хочетъ ли онъ полюбоваться играми и забавами, приготовленными для его увеселенія? — Около одиннадцатаго часа, Визирь спросилъ: когда обыкновенно обѣдаетъ Посолъ, чтобы онъ къ тому времени приказалъ изготовить столъ; ибо опредѣля этотъ день на угощеніе столь пріятнаго гостя, не желаетъ отяготить его никакою перемѣною въ ежедневныхъ обыкновеніяхъ. — Посолъ отвѣчалъ: *что, чувствуя крайнее удовольствіе быть угощаемымъ столь почтеннымъ и привѣтливымъ хозяиномъ, отлагаетъ всѣ свои привычки и проситъ его ни въ чемъ не принуждать себя; но опредѣлить время обѣда по собственному желанію*. — Въ половинѣ перваго часа принесенъ къ софѣ столъ, за которымъ, кромѣ ихъ двухъ, обѣдалъ еще Рейсъ-Эфендій. Передъ Посломъ положенъ былъ золотый приборъ, осыпанный алмазами; тарелки, ему подаваемыя, были также золотыя. Послѣ обѣда онъ вымылъ руки свои въ одно время съ Визиремъ: раз-

ныя игры и увеселенія возобновились. Не желая безпокоить хозяина долговременнымъ пребываніемъ и зная, что насталъ часъ, посвящаемый молитвамъ, что Визирь страдалъ подагрою, Посолъ изъяснилъ ему причины, побуждающія его возвратиться въ свой домъ и благодарилъ за оказанныя почести. Визирь отвѣчалъ: *что присутствіе Посла никогда ему въ тягость быть не можетъ и что оно, напротивъ, вылечило его отъ подагры; но при всемъ томъ, опасаясь причинить ему безпокойство, онъ не желаетъ болѣе удерживать своего гостя.* Тогда принесли Визирю и Послу шербетъ и окуриваніе; надѣли на Посла соболью шубу, крытую сукномъ, и положили ему въ карманъ три платка, въ которыхъ были завернуты золотые часы съ алмазами. — Вслѣдъ за тѣмъ угощали Посла обѣденными столами Капитанъ Паша, Визирскій Кегай, Янычаръ-Ага, Тефтердарь и, 3 Марта, Рейсъ-Эфендій. На этомъ послѣднемъ обѣдѣ былъ инкогнито Визирь въ поставленной для него палаткѣ, изъ которой любовался играми, и изъявилъ Послу сожалѣніе свое: *что церемоніалъ препятствовалъ ему видѣться съ нимъ и дружески бесѣдовать.* — 29 Марта, Посолъ имѣлъ аудіенцію у Султана, 31 числа простился съ Визиремъ, а 13 Апрѣля выѣхалъ изъ Перы.

Возвратясь въ Отечество, Князь Репнинъ не остался безъ дѣла: опредѣленъ Генералъ-Губернаторомъ въ Смоленскъ (1777 г.) и, въ слѣдующемъ году, также въ Орелъ, намѣстничество, имъ тогда открытое. Занятія его по гражданской части были прерваны подчиненіемъ ему тридцати-тысячнаго корпу-

са, съ которымъ онъ вступилъ въ Бреславль, 9-го Декабря.

На Тешенскомъ конгрессѣ (1779 г.) дипломатическія способности и твердость Князя Репнина склонили Австрійскій Дворъ къ миру; возвращены Баваріи большая часть захваченныхъ у нея земель; удовлетворены понесенные убытки Саксоніею, Цвейбрикскимъ Герцогствомъ и другими Нѣмецкими Князьями. Возстановитель тишины въ половинѣ Европы не остался безъ награды: Императрица пожаловала ему орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и три тысячи крестьянъ въ Бѣлоруссіи; Іосифъ II прислалъ трость, украшенную бриліантами и серебреный столовый сервизъ; Фридрихъ Великій: орденъ Чернаго Орла, шпагу и портретъ свой, осыпанные бриліантами, Саксонскій сервизъ, двадцать тысячь ефимковъ на путевыя издержки и десять тысячь на канцелярію. Монархъ Пруссіи находился въ откровенной перепискѣ съ Княземъ Репнинымъ и признавался ему: что онъ былъ однажды обманутъ Австрійскимъ Министерствомъ; но въ другой разъ не позволитъ обмануть себя (*).

Въ 1780 году заложены въ Смоленскѣ каменныя строенія для Судебныхъ мѣстъ и, въ проѣздъ Екатерины II черезъ это намѣстничество, Она изъявила Князю Репнину особенное свое удовольствіе и бла-

(*) «On peut être trompé une fois dans sa vie — писалъ Фридрихъ къ Князю Репнину — «mais qui l'est deux «fois, est dupe et c'est un titre, que je n'ambitionne «pas.»

сутокъ на размышленіе; но Князь Репнинъ изъявилъ согласіе только на шесть часовъ. Срокъ наступилъ вечеромъ; непріятель умолялъ продлить оный еще до разсвѣта; Репнинъ уважилъ эту просьбу и, 18 Августа, Килія покорилась Императрицѣ. 21 числа поднесены ключи Россійскому Полководцу; пять тысячь жителей вышли къ нему на встрѣчу: Греки и Армяне съ Крестомъ и Евангеліемъ, Жиды съ хлѣбомъ. Въ крѣпости найдено: четыре мортиры, шестьдесять четыре пушки, восемь тысячь ядръ, до четырехъ сотъ бочекъ пороха и множество съѣстныхъ припасовъ. Узнавъ, что Турки претерпѣваютъ недостатокъ въ скотѣ, Князь Репнинъ отправилъ къ нимъ сто барановъ; приказалъ двумъ лекарямъ перевязать раны Музульманъ, находившихся въ крѣпости; переправилъ черезъ Дунай четырехъ-тысячный гарнизонъ, положившій оружіе, дозволивъ оному взять имущество. Многіе Оттомане, пораженные столь удивительнымъ человѣколюбіемъ, пали передъ нимъ на колѣна, проливая слезы благодарности, и поклялись не сражаться болѣе съ Россіянами. Императрица наградила Князя Николая Васильевича военнымъ орденомъ Св. Георгія втораго класса.

Въ 1771 году поручена Князю Репнину команда надъ всѣми войсками въ Валахіи. Онъ пріѣхалъ въ Букарестъ, оттуда отправился въ Журжу, осмотрѣлъ эту крѣпость, занятую достаточнымъ Россійскимъ гарнизономъ; рекогносцировалъ Турну, построенную на крутой горѣ подъ Никопольскими пушками, и получилъ въ то время донесеніе, что непріятель, переправясь черезъ Дунай, атаковалъ Журжу. Князь

Репнинъ оставилъ тогда Генералъ-Маіора Потемкина (*) подъ Турною, а самъ поспѣшилъ форсированными маршами къ осажденнымъ. Въ семи верстахъ отъ Журжи узналъ онъ, что Комендантъ Маіоръ Гензель, имѣвшій провіанта на три мѣсяца и значительное число снарядовъ, сдалъ эту крѣпость на капитуляцію. Отрядъ, сопровождавшій Князя Репнина, состоялъ только изъ трехъ сотъ человѣкъ: онъ принужденъ былъ удалиться къ Букаресту отъ трехъ тысячной Турецкой конницы, выѣхавшей къ нему на встрѣчу; расположился подъ Вакарештскимъ монастыремъ. Ободренный полученнымъ успѣхомъ, непріятель показался, 10 Іюня, въ виду нашихъ войскъ, въ числѣ десяти тысячь человѣкъ, подъ предводительствомъ трехъ-бунчужнаго Паши Ахмета, командовавшаго прежде въ Аравіи: Князь Репнинъ предупредилъ его атакою, обратилъ въ бѣгство, за двадцать верстъ, къ рѣкѣ Аргису, положилъ на мѣстѣ пятьсотъ человѣкъ, отбилъ одну пушку и пять знаменъ. — Между тѣмъ Румянцовъ поставилъ ему въ вину потерю Журжи: обиженный несправедливостію Полководецъ испросилъ увольненіе въ чужіе краи, гдѣ пробылъ до 1774 года. Онъ находился потомъ при облежаніи Силистріи, когда побѣды Задунайскаго заставили Турцію просить мира у Россіи, и не отказался быть производителемъ этого важнаго дѣла, забывъ для пользъ Имперіи прошедшее: 10 Іюля (1774 г.) подписанъ имъ и Турецкими полномочными Ресми Ахметъ Эфендіемъ и Ибрагимъ Мюнибъ Рейсъ-Эфендіемъ славный договоръ

(*) Въ послѣдствіи, Князя Таврическаго.

вѣчнаго мира между обѣими Имперіями въ лагерѣ Кучукъ-Кайнарджи, близь Силистріи, въ XXVIII статьяхъ (*). По утвержденіи Визиремъ этого трактата, Графъ Румянцовъ отправилъ съ онымъ Князя Репнина, *имѣвшаго* — по словамъ его въ донесеніи къ Императрицѣ — *полное участіе въ заключеніи мира.* — Екатерина II произвела Князя Николая Васильевича Генералъ-Аншефомъ и Подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, а въ слѣдующемъ 1775 году назначила его въ Турцію Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ.

Свита Князя Репнина была столь же блистательна, какъ и многочисленна, состояла изъ пятисотъ человѣкъ (**). Онъ въѣхалъ въ Константинополь (5 Октября) Андріанопольскими воротами на Турецкой лошади, богатоубранной, высланной ему Султаномъ, съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ; въ Перу прибылъ въ семь часовъ по полудни съ зажженными факелами и одинъ только

(*) См. біографію Графа Румянцова-Задунайскаго.

(**) При Князѣ Репнинѣ находились трубачи и литаврщики гусарскіе и кирасирскіе, пѣхотные музыканты, команды: гусарская, кирасирская и пѣхотная, тридцать шесть лакеевъ, четыре егеря, двѣнадцать пѣвчихъ, тринадцать офиціантовъ, шесть гайдуковъ, восемь скороходовъ, шесть гренадеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, шесть Пажей, лекарь, докторъ, двѣнадцать Греческихъ офицеровъ, четырнадцать студентовъ и переводчиковъ, восемнадцать Оберъ-офицеровъ, четыре Штабъ-офицера, десять Дворянъ-Посольства, два Секретаря и Маршалъ Посольства.

въѣхалъ на дворъ; сопровождавшіе его Турки вошли на оный пѣшіе. 7 Октября, Князь Репнинъ извѣстилъ пребывавшихъ въ Константинополѣ Пословъ иностранныхъ о своемъ пріѣздѣ чрезъ Кавалеровъ Посольства, и Министровъ черезъ офицеровъ (*). Они немедленно прислали къ нему Секретарей Посольства съ поздравительнымъ привѣтствіемъ и, вслѣдъ за ними, сами посѣтили его; а послѣ обѣда въ тотъ же день пріѣхали къ Княгинѣ Репниной (**) супруги Французскаго и Венеціанскаго Пословъ, также Прусскаго Посланника и провели у нея вечеръ. 8 Октября, Посолъ, въ сопровожденіи свиты своей, отдалъ визиты передъ полуднемъ Посламъ, послѣ обѣда Посланникамъ.

По предварительному соглашенію съ Портою, Князь Репнинъ былъ, 28 Ноября, у Визиря. Онъ подъѣхалъ къ самому крыльцу, гдѣ встрѣченъ переводчикомъ Порты, который, вмѣстѣ съ Чаушляръ Еминіемъ и Чаушляръ Кіятибіемъ предшествовали ему въ пріемную залу. Къ нимъ присоединился на

(*) Послы были: Французскій Маркизъ де Сентъ-Пріестъ; Венеціанскій Кавалеръ Градениго и Голландскій Г. Вейлеръ; Римско-Императорскій Интернунцій Г. Тугутъ; Посланники: Прусскій Г. Зегелинъ, выѣхавшій къ Князю Репнину на встрѣчу 3 Октября, и Шведскій Г. Цельсингъ.

(**) Князь Николай Васильевичь былъ женатъ на родной теткѣ нашего Чрезвычайнаго Посла въ Парижѣ, при Наполеонѣ, Князя Александра Борисовича Куракина, Княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Куракиной.

крыльцѣ Тесрифаджи, или первый церемоніимейстеръ. Вступя въ залу, Посолъ немного пріостановился, не видя Визиря, который однакожъ тотчасъ вошелъ въ оную. Когда они приближились другъ къ другу, то сдѣлали взаимный поклонъ и пошли къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Князь Репнинъ вручилъ Визирю грамоту Императрицы; онъ принялъ ее стоя и положилъ на подушку возлѣ себя. Тогда Посолъ и Визирь сѣли въ одно время, послѣдній на софу, первый противъ него на креслахъ. Визирь привѣтствовалъ Посла, навѣдываясь о состояніи его здоровья. Исполнивъ съ обѣихъ сторонъ обыкновенныя учтивости, Князь Репнинъ, въ произнесенной рѣчи, объявилъ Визирю причину своего Посольства; удостовѣрилъ: «что Императрица желаетъ твердо и «ненарушимо содержать блаженный миръ, заключен«ный между обѣими Имперіями, и возобновленную «дружбу; не сомнѣвается въ похвальныхъ и миро«любивыхъ его чувствованіяхъ» — и въ заключеніе просилъ исходатайствовать ему скорѣе аудіенцію у Султана. Драгоманъ Порты перевелъ эту рѣчь. Визирь отвѣчалъ: «что онъ съ своей стороны, желая утвердить и сохранить блаженный миръ, приложитъ къ достиженію этой цѣли совершенное попеченіе и трудъ; ощущаетъ истинное удовольствіе въ томъ, что выборъ Посольства палъ на особу, въ коей обитаютъ способность и прилежаніе къ общимъ интересамъ обѣихъ сторонъ.» — Послѣ сего поднесли Визирю и Послу конфекты, кофе, шербетъ, розовую воду и куренье, чѣмъ угощали и чиновниковъ свиты Посольской, исключая умыванья и куренья; пода-

ли Послу соболью шубу съ парчевымъ верхомъ, которую онъ надѣлъ на себя, не вставая съ креселъ; надѣли шубы на Повѣреннаго въ дѣлахъ, Г. Петерсона, на Маршала Посольства, Г. Булгакова, и на двухъ Секретарей лапчатыя собольи, покрытыя сукномъ и опушенныя пластинчатымъ собольимъ же мѣхомъ; на десять Кавалеровъ Посольства горностаевыя, покрытыя камлотомъ; свитѣ Посольской роздано сто кафтановъ.

29 Ноября, Князь Репнинъ отправилъ подарки къ Визирю съ Маршаломъ Посольства, къ его Кегаѣ и къ Рейсъ-Эфендію съ Секретарями. 30 числа отнесены подарки въ Сераль къ Султану. Посолъ имѣлъ у него аудіенцію 1 Декабря: доѣхавъ до вторыхъ воротъ Сераля, онъ слѣзъ съ лошади у праваго рундука и встрѣченъ тутъ Переводчикомъ Порты. Вмѣсто того, чтобы дожидаться на лавкѣ въ этихъ воротахъ до приглашенія его въ Диванъ, какъ обыкновенно дѣлали Послы, Князь Репнинъ введенъ былъ въ комнату, на этотъ случай нарочно убранную софами. Здѣсь Чаушъ-Баши и Переводчикъ Порты угощали его и находились при немъ безотлучно. Вступивъ въ Диванъ въ разныя двери, но въ одно время съ Визиремъ, Посолъ сѣлъ на табуретѣ, поставленномъ противъ Визирскаго мѣста, и какъ послѣдній медлилъ приглашеніемъ его въ Нисанджинскую лавку, Князь Репнинъ, черезъ Переводчика Порты, объявилъ Визирю: *что онъ самъ туда перейдетъ, если не будетъ тотчасъ приглашенъ.* Воля Посла Россійскаго немедленно исполнена: онъ сѣлъ посреди лавки, на правой сторонѣ Нисанджія.

Кейзерлингъ, и званіе Полномочнаго Посла передано Князю Репнину, который получилъ отъ новаго Короля ордена Бѣлаго Орла и Св. Станислава, имъ учрежденный (1765 г.). Въ шестилѣтнее пребываніе въ Варшавѣ, Князь Николай Васильевичь твердою рукой управлялъ кормиломъ Государства Польскаго, дѣйствуя именемъ Екатерины, достойно имъ представляемой. Понятовскій, слабый, малодушный, носилъ одно только наименованіе Короля: Князь Репнинъ, предпріимчивый и дальновидный, защищая Диссидентовъ, соединилъ (1767 г.) двѣ конфедераціи Польскую и Литовскую въ одну генеральную, и заставилъ оную отправить въ С. Петербургъ Чрезвычайныхъ Посланниковъ Графовъ Поцея, Вельгорскаго, Потоцкаго и Оссолинскаго, съ изъявленіемъ Императрицѣ благодарности народа Польскаго и Литовскаго за оказываемое покровительство. Между тѣмъ онъ занялся прекращеніемъ возникшихъ междоусобій въ Королевствѣ и изъ сконфедерованной республики Польской настоялъ, чтобы избраны были семьдесятъ Поляковъ въ особую Коммисію, съ которыми совѣщалъ о доставленіи спокойствія Диссидентамъ. Слѣдствіемъ сего былъ договоръ, постановленный имъ въ Варшавѣ, 13 Февраля 1768 года, между Россійскимъ и Польскимъ Дворами, въ IX статьяхъ, съ двумя сепаратными актами: I) подтвержденъ трактатъ, заключенный въ Москвѣ 1686 года. II) Обѣ Державы согласились гарантировать взаимно цѣлость и сохранность тогдашнихъ ихъ владѣній въ Европѣ. III) Король и Рѣчь Посполитая обязались обезпечить на вѣчныя времена особливымъ

сепаратнымъ актомъ вольное исповѣданіе Вѣры Греческой Восточной несоединенной и Диссидентовъ Евангелическаго исповѣданія. IV) Постановлено навсегда означить во второмъ *сепаратномъ актѣ* предметы и части правленія. V) Императрица торжественно гарантировала конституцію Рѣчи Посполитой, форму правленія, вольность и законы. VI) Договоры Карловицкій, Оливскій и другіе, заключенные съ прочими Державами, оставлены во всей силѣ. VII) На отвѣтственность пограничныхъ полномочныхъ Судовъ возложена обязанность скоро и безпристрастно разбирать возникающую распрю между подданными обѣихъ договаривающихся сторонъ, съ сохраненіемъ чрезъ то порядка и тишины. VIII) Утверждена свободная торговля, безъ отягощенія излишними налогами. IX) Ратификовать трактатъ въ Варшавѣ черезъ два мѣсяца. — Первымъ *сепаратнымъ актомъ* Рѣчь Посполитая Польская, уважая пріемлемое участіе Дворами Россійскимъ, Англійскимъ, Прусскимъ, Шведскимъ и Датскимъ, постановила пять статей, которыми возвращены и обезпечены всѣ церковныя и гражданскія права Неунитовъ и Диссидентовъ. *Вторый* заключалъ въ себѣ *права кардинальныя* и ограничивалъ власть первыхъ чиновъ Республики. Между прочимъ узаконено: чтобы дворянинъ за умышленное убійство крестьянина подвергался впредь казни, а не денежному взысканію.

Рѣшительныя мѣры возстановили противъ Князя Репнина Магнатовъ и Духовенство Польское. Версальскій Кабинетъ, завидуя могуществу нашему, убѣдилъ Порту Оттоманскую объявить войну Россіи,

и Князь Николай Васильевичь, награжденный Императрицею орденомъ Св. Александра Невскаго и чиномъ Генералъ-Поручика (1768 г.), какъ опытный Полководецъ, былъ отозванъ въ С. Петербургъ. Онъ поступилъ въ первую армію, предводимую Княземъ Голицынымъ (1769 г.); участвовалъ въ блокадѣ и занятіи Хотинской крѣпости; командовалъ (1770 г.) отдѣльнымъ корпусомъ въ Молдавіи и Валахіи: воспрепятствовалъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, двѣнадцати тысячамъ Турокъ и двадцати тысячамъ Татаръ переправиться черезъ Прутъ, преслѣдовалъ ихъ шесть верстъ; сражался, подъ знаменами Румянцова на битвахъ Ларгской и Кагульской; овладѣлъ, 26 Іюля, Измаиломъ, который сдался ему на условіяхъ съ двадцатью пушками; преслѣдовалъ двадцатитысячное Турецкое войско, оставившее эту крѣпость при его приближеніи; положилъ на мѣстѣ семьсотъ человѣкъ; двинулся къ крѣпости Киліи, снабдивъ Измаилъ достаточнымъ гарнизономъ. 9 Августа, Турки, примѣтивъ наше войско, зажгли предмѣстье въ четырехъ мѣстахъ; не смотря на сильный пожаръ, Князь Репнинъ вступилъ въ оное и, среди огня и пепла, обозрѣлъ положеніе крѣпости, назначилъ мѣсто первой батареи отъ гласиса въ восмидесяти саженяхъ; оттуда, открывъ траншею, велѣлъ вести оную на лѣвую сторону, а Бригадиру Барону Игельстрому заложить главную батарею противъ воротъ. Непріятель между тѣмъ тремя вылазками старался воспрепятствовать производимымъ работамъ; но принужденъ былъ удалиться. Тогда Князь Репнинъ отправилъ съ однимъ плѣннымъ слѣдую-

щее воззваніе въ крѣпость. «Ея Императорское Ве-«личество, моя Всемилостивѣйшая Государыня, по «природному своему великодушію и человѣколюбію, «повелѣваетъ намъ сохранять, сколько возможно, отъ «напраснаго пролитія кровь человѣческую. Покори-«тесь побѣдоносному оружію премудрой моей Мо-«нархини. Я обѣщаю оставить вамъ жизнь, дать сво-«боду и отпустить съ вами ваше имѣніе. Жизнь «остается вамъ для того, что побѣдители гнушаются «разить побѣжденныхъ; свобода, чтобъ вы пронесли «въ мѣста, вами обитаемыя, славу щедротъ и вели-«кодушіе Россійской Императрицы; а имѣніе, дабы «разумѣли, что Россійскіе герои корысть презираютъ. «Знайте, что Россія умѣетъ побѣждать; но вездѣ, «гдѣ только человѣчество склоняетъ къ жалости, «щадитъ и прощаетъ. Впрочемъ, если вы далѣе бу-«дете сопротивляться: то завтра по утру открою я «начало той казни, которая покажетъ вамъ, сколь «трудно раздражать побѣдителей, у коихъ должно «вамъ искать пощады.»—Воззваніе это не произвело желаемаго дѣйствія: началась пушечная пальба изъ крѣпости. Россіяне подъ картечными выстрѣлами кончили главную батарею и на другой день по утру открыли сильный огонь изъ всѣхъ орудій, четыре часа продолжавшійся. Раздалея вопль между осажденными. Князь Репнинъ, всегда великодушный, отправилъ къ нимъ другое воззваніе: убѣждалъ ихъ искать пощады, свободы и всего предложеннаго, если не желаютъ подвергнуться ярости героевъ, многократно нанесившихъ уже имъ пораженіе. Османъ Паша, командовавшій въ крѣпости, потребовалъ трое

сутокъ на размышленіе; но Князь Репнинъ изъявилъ согласіе только на шесть часовъ. Срокъ наступилъ вечеромъ; непріятель умолялъ продлить оный еще до разсвѣта; Репнинъ уважилъ эту просьбу и, 18 Августа, Килія покорилась Императрицѣ. 21 числа поднесены ключи Россійскому Полководцу; пять тысячь жителей вышли къ нему на встрѣчу: Греки и Армяне съ Крестомъ и Евангеліемъ, Жиды съ хлѣбомъ. Въ крѣпости найдено: четыре мортиры, шестьдесять четыре пушки, восемь тысячь ядръ, до четырехъ сотъ бочекъ пороха и множество съѣстныхъ припасовъ. Узнавъ, что Турки претерпѣваютъ недостатокъ въ скотѣ, Князь Репнинъ отправилъ къ нимъ сто барановъ; приказалъ двумъ лекарямъ перевязать раны Музульманъ, находившихся въ крѣпости; переправилъ черезъ Дунай четырехъ-тысячный гарнизонъ, положившій оружіе, дозволивъ оному взять имущество. Многіе Оттомане, пораженные столь удивительнымъ человѣколюбіемъ, пали передъ нимъ на колѣна, проливая слезы благодарности, и поклялись не сражаться болѣе съ Россіянами. Императрица наградила Князя Николая Васильевича военнымъ орденомъ Св. Георгія втораго класса.

Въ 1771 году поручена Князю Репнину команда надъ всѣми войсками въ Валахіи. Онъ пріѣхалъ въ Букарестъ, оттуда отправился въ Журжу, осмотрѣлъ эту крѣпость, занятую достаточнымъ Россійскимъ гарнизономъ; рекогносцировалъ Турну, построенную на крутой горѣ подъ Никопольскими пушками, и получилъ въ то время донесеніе, что непріятель, переправясь черезъ Дунай, атаковалъ Журжу. Князь

Репнинъ оставилъ тогда Генералъ-Маіора Потемкина (*) подъ Турною, а самъ поспѣшилъ форсированными маршами къ осажденнымъ. Въ семи верстахъ отъ Журжи узналъ онъ, что Комендантъ Маіоръ Гензель, имѣвшій провіанта на три мѣсяца и значительное число снарядовъ, сдалъ эту крѣпость на капитуляцію. Отрядъ, сопровождавшій Князя Репнина, состоялъ только изъ трехъ сотъ человѣкъ: онъ принужденъ былъ удалиться къ Букаресту отъ трехъ тысячной Турецкой конницы, выѣхавшей къ нему на встрѣчу; расположился подъ Вакарештскимъ монастыремъ. Ободренный полученнымъ успѣхомъ, непріятель показался, 10 Іюня, въ виду нашихъ войскъ, въ числѣ десяти тысячь человѣкъ, подъ предводительствомъ трехъ-бунчужнаго Паши Ахмета, командовавшаго прежде въ Аравіи: Князь Репнинъ предупредилъ его атакою, обратилъ въ бѣгство, за двадцать верстъ, къ рѣкѣ Аргису, положилъ на мѣстѣ пятьсотъ человѣкъ, отбилъ одну пушку и пять знаменъ. — Между тѣмъ Румянцовъ поставилъ ему въ вину потерю Журжи: обиженный несправедливостію Полководецъ испросилъ увольненіе въ чужіе краи, гдѣ пробылъ до 1774 года. Онъ находился потомъ при облежаніи Силистріи, когда побѣды Задунайскаго заставили Турцію просить мира у Россіи, и не отказался быть производителемъ этого важнаго дѣла, забывъ для пользъ Имперіи прошедшее: 10 Іюля (1774 г.) подписанъ имъ и Турецкими полномочными Ресми Ахметъ Эфендіемъ и Ибрагимъ Мюнибъ Рейсъ-Эфендіемъ славный договоръ

(*) Въ послѣдствіи, Князя Таврическаго.

вѣчнаго мира между обѣими Имперіями въ лагерѣ Кучукъ-Кайнарджи, близь Силистріи, въ XXVIII статьяхъ (*). По утвержденіи Визиремъ этого трактата, Графъ Румянцовъ отправилъ съ онымъ Князя Репнина, *имѣвшаго* — по словамъ его въ донесеніи къ Императрицѣ — *полное участіе въ заключеніи мира.* — Екатерина II произвела Князя Николая Васильевича Генералъ-Аншефомъ и Подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, а въ слѣдующемъ 1775 году назначила его въ Турцію Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ.

Свита Князя Репнина была столь же блистательна, какъ и многочисленна, состояла изъ пятисотъ человѣкъ (**). Онъ въѣхалъ въ Константинополь (5 Октября) Андріанопольскими воротами на Турецкой лошади, богатоубранной, высланной ему Султаномъ, съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ; въ Перу прибылъ въ семь часовъ по полудни съ зажженными факелами и одинъ только

(*) См. біографію Графа Румянцова-Задунайскаго.

(**) При Князѣ Репнинѣ находились трубачи и литаврщики гусарскіе и кирасирскіе, пѣхотные музыканты, команды: гусарская, кирасирская и пѣхотная, тридцать шесть лакеевъ, четыре егеря, двѣнадцать пѣвчихъ, тринадцать офиціантовъ, шесть гайдуковъ, восемь скороходовъ, шесть гренадеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, шесть Пажей, лекарь, докторъ, двѣнадцать Греческихъ офицеровъ, четырнадцать студентовъ и переводчиковъ, восемнадцать Оберъ-офицеровъ, четыре Штабъ-офицера, десять Дворянъ-Посольства, два Секретаря и Маршалъ Посольства.

въѣхалъ на дворъ; сопровождавшіе его Турки вошли на оный пѣшіе. 7 Октября, Князь Репнинъ извѣстилъ пребывавшихъ въ Константинополѣ Пословъ иностранныхъ о своемъ пріѣздѣ чрезъ Кавалеровъ Посольства, и Министровъ черезъ офицеровъ (*). Они немедленно прислали къ нему Секретарей Посольства съ поздравительнымъ привѣтствіемъ и, вслѣдъ за ними, сами посѣтили его; а послѣ обѣда въ тотъ же день пріѣхали къ Княгинѣ Репниной (**) супруги Французскаго и Венеціанскаго Пословъ, также Прусскаго Посланника и провели у нея вечеръ. 8 Октября, Посолъ, въ сопровожденіи свиты своей, отдалъ визиты передъ полуднемъ Посламъ, послѣ обѣда Посланникамъ.

По предварительному соглашенію съ Портою, Князь Репнинъ былъ, 28 Ноября, у Визиря. Онъ подъѣхалъ къ самому крыльцу, гдѣ встрѣченъ переводчикомъ Порты, который, вмѣстѣ съ Чаушляръ Еминіемъ и Чаушляръ Кіятибіемъ предшествовали ему въ пріемную залу. Къ нимъ присоединился на

(*) Послы были: Французскій Маркизъ де Сентъ-Пріестъ; Венеціанскій Кавалеръ Градениго и Голландскій Г. Вейлеръ; Римско-Императорскій Интернунцій Г. Тугутъ; Посланники: Прусскій Г. Зегелинъ, выѣхавшій къ Князю Репнину на встрѣчу 3 Октября, и Шведскій Г. Цельсингъ.

(**) Князь Николай Васильевичь былъ женатъ на родной теткѣ нашего Чрезвычайнаго Посла въ Парижѣ, при Наполеонѣ, Князя Александра Борисовича Куракина, Княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Куракиной.

крыльцѣ Тесрифаджи, или первый церемоніимейстеръ. Вступя въ залу, Посолъ немного пріостановился, не видя Визиря, который однакожъ тотчасъ вошелъ въ оную. Когда они приближились другъ къ другу, то сдѣлали взаимный поклонъ и пошли къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Князь Репнинъ вручилъ Визирю грамоту Императрицы; онъ принялъ ее стоя и положилъ на подушку возлѣ себя. Тогда Посолъ и Визирь сѣли въ одно время, послѣдній на софу, первый противъ него на креслахъ. Визирь привѣтствовалъ Посла, навѣдываясь о состояніи его здоровья. Исполнивъ съ обѣихъ сторонъ обыкновенныя учтивости, Князь Репнинъ, въ произнесенной рѣчи, объявилъ Визирю причину своего Посольства; удостовѣрилъ: «что Императрица желаетъ твердо и «ненарушимо содержать блаженный миръ, заключен«ный между обѣими Имперіями, и возобновленную «дружбу; не сомнѣвается въ похвальныхъ и миро«любивыхъ его чувствованіяхъ» — и въ заключеніе просилъ исходатайствовать ему скорѣе аудіенцію у Султана. Драгоманъ Порты перевелъ эту рѣчь. Визирь отвѣчалъ: «что онъ съ своей стороны, желая утвердить и сохранить блаженный миръ, приложитъ къ достиженію этой цѣли совершенное попеченіе и трудъ; ощущаетъ истинное удовольствіе въ томъ, что выборъ Посольства палъ на особу, въ коей обитаютъ способность и прилежаніе къ общимъ интересамъ обѣихъ сторонъ.» — Послѣ сего поднесли Визирю и Послу конфекты, кофе, шербетъ, розовую воду и куренье, чѣмъ угощали и чиновниковъ свиты Посольской, исключая умыванья и куренья; пода-

ли Послу соболью шубу съ парчевымъ верхомъ, которую онъ надѣлъ на себя, не вставая съ креселъ; надѣли шубы на Повѣреннаго въ дѣлахъ, Г. Петерсона, на Маршала Посольства, Г. Булгакова, и на двухъ Секретарей лапчатыя собольи, покрытыя сукномъ и опушенныя пластинчатымъ собольимъ же мѣхомъ; на десять Кавалеровъ Посольства горностаевыя, покрытыя камлотомъ; свитѣ Посольской роздано сто кафтановъ.

29 Ноября, Князь Репнинъ отправилъ подарки къ Визирю съ Маршаломъ Посольства, къ его Кегаѣ и къ Рейсъ-Эфендію съ Секретарями. 30 числа отнесены подарки въ Сераль къ Султану. Посолъ имѣлъ у него аудіенцію 1 Декабря: доѣхавъ до вторыхъ воротъ Сераля, онъ слѣзъ съ лошади у праваго рундука и встрѣченъ тутъ Переводчикомъ Порты. Вмѣсто того, чтобы дожидаться на лавкѣ въ этихъ воротахъ до приглашенія его въ Диванъ, какъ обыкновенно дѣлали Послы, Князь Репнинъ введенъ былъ въ комнату, на этотъ случай нарочно убранную софами. Здѣсь Чаушъ-Баши и Переводчикъ Порты угощали его и находились при немъ безотлучно. Вступивъ въ Диванъ въ разныя двери, но въ одно время съ Визиремъ, Посолъ сѣлъ на табуретѣ, поставленномъ противъ Визирскаго мѣста, и какъ послѣдній медлилъ приглашеніемъ его въ Нисанджинскую лавку, Князь Репнинъ, черезъ Переводчика Порты, объявилъ Визирю: *что онъ самъ туда перейдетъ, если не будетъ тотчасъ приглашенъ.* Воля Посла Россійскаго немедленно исполнена: онъ сѣлъ посреди лавки, на правой сторонѣ Нисанджія.

Начался судъ, полчаса продолжавшійся; по окончаніи онаго, Визирь отправилъ Рейсъ-Эффендія съ письменнымъ докладомъ къ Султану о допущеніи Посла. Съ Визиремъ обѣдалъ въ тотъ день одинъ только Князь Репнинъ; съ Капитаномъ Пашею: Маршалъ, два Секретаря и Дюкъ де Браганcъ, находившійся въ числѣ Кавалеровъ Посольства. Во время обѣда Высочайшая грамота была держана попеременно Дворянами. На половинѣ дороги отъ Дивана до послѣднихъ воротъ Серальскихъ, надѣта на Посла соболья шуба, покрытая парчею; на Маршала и Секретарей горностаевыя; свитѣ роздано сто кафтановъ. Пробывъ въ этомъ мѣстѣ, на лавкѣ, съ четверть часа, между тѣмъ какъ Визирь былъ у Султана, Посолъ введенъ потомъ въ тронную двумя Капиджи-Башіями, въ сопровожденіи шестнадцати чиновниковъ, съ нимъ прибывшихъ, и въ предшествованіи Переводчика Порты. Сдѣлавъ три поклона, онъ произнесъ рѣчь и поднесъ грамоту, которую принялъ Капитанъ-Паша, вручившій оную Визирю, а послѣдній положилъ ее возлѣ Султана. Драгоманъ Порты перевелъ рѣчь и Султанъ Абдулъ Гамидъ сказалъ громкимъ голосомъ нѣсколько словъ Визирю, который отвѣчалъ Послу: «что Его Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь Императоръ, Прибѣжище Свѣта, повелѣлъ мнѣ извѣстить вамъ, что есть Его Императорская воля, «дабы мирный трактатъ, заключенный между его «Имперіею и Имперіею Россійскою былъ навсегда «сохраняемъ и исполняемъ.» — Драгоманъ Порты перевелъ эти слова, и Посолъ, поклонясь Султану,

вышелъ изъ аудіенцъ-камеры со всею свитою. У вторыхъ воротъ дожидался онъ снова въ караульной Капиджи-Башіевъ, между тѣмъ какъ мелкіе чины, Янычаръ-Ага, Капиджи-Баши и прочіе выѣзжали изъ Сераля.

28 Января (1776 г.) Посолъ обѣдалъ у Визиря въ пріемныхъ комнатахъ Султана. Визирь предоставлялъ ему выбрать любое мѣсто: софу или креслы. Посолъ сѣлъ на софу, сказавъ: *что предпочитаетъ оную, желая быть ближе къ нему*. Они сѣли оба въ одно время. Визирь просилъ Посла располагать у него, какъ бы въ собственномъ своемъ домѣ, приказывать что угодно; желалъ знать, не хочетъ ли онъ полюбоваться играми и забавами, приготовленными для его увеселенія? — Около одиннадцатаго часа, Визирь спросилъ: когда обыкновенно обѣдаетъ Посолъ, чтобы онъ къ тому времени приказалъ изготовить столъ; ибо опредѣля этотъ день на угощеніе столь пріятнаго гостя, не желаетъ отяготить его никакою перемѣною въ ежедневныхъ обыкновеніяхъ. — Посолъ отвѣчалъ: *что, чувствуя крайнее удовольствіе быть угощаемымъ столь почтеннымъ и привѣтливымъ хозяиномъ, отлагаетъ всѣ свои привычки и проситъ его ни въ чемъ не принуждать себя; но опредѣлить время обѣда по собственному желанію*. — Въ половинѣ перваго часа принесенъ къ софѣ столъ, за которымъ, кромѣ ихъ двухъ, обѣдалъ еще Рейсъ-Эфендій. Передъ Посломъ положенъ былъ золотый приборъ, осыпанный алмазами; тарелки, ему подаваемыя, были также золотыя. Послѣ обѣда онъ вымылъ руки свои въ одно время съ Визиремъ: раз-

и Князь Николай Васильевичь, награжденный Императрицею орденомъ Св. Александра Невскаго и чиномъ Генералъ-Поручика (1768 г.), какъ опытный Полководецъ, былъ отозванъ въ С. Петербургъ. Онъ поступилъ въ первую армію, предводимую Княземъ Голицынымъ (1769 г.); участвовалъ въ блокадѣ и занятіи Хотинской крѣпости; командовалъ (1770 г.) отдѣльнымъ корпусомъ въ Молдавіи и Валахіи: воспрепятствовалъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, двѣнадцати тысячамъ Турокъ и двадцати тысячамъ Татаръ переправиться черезъ Прутъ, преслѣдовалъ ихъ шесть верстъ; сражался, подъ знаменами Румянцова на битвахъ Ларгской и Кагульской; овладѣлъ, 26 Іюля, Измаиломъ, который сдался ему на условіяхъ съ двадцатью пушками; преслѣдовалъ двадцатитысячное Турецкое войско, оставившее эту крѣпость при его приближеніи; положилъ на мѣстѣ семьсотъ человѣкъ; двинулся къ крѣпости Киліи, снабдивъ Измаилъ достаточнымъ гарнизономъ. 9 Августа, Турки, примѣтивъ наше войско, зажгли предмѣстье въ четырехъ мѣстахъ; не смотря на сильный пожаръ, Князь Репнинъ вступилъ въ оное и, среди огня и пепла, обозрѣлъ положеніе крѣпости, назначилъ мѣсто первой батареи отъ гласиса въ восмидесяти саженяхъ; оттуда, открывъ траншею, велѣлъ вести оную на лѣвую сторону, а Бригадиру Барону Игельстрому заложить главную батарею противъ воротъ. Непріятель между тѣмъ тремя вылазками старался воспрепятствовать производимымъ работамъ; но принужденъ былъ удалиться. Тогда Князь Репнинъ отправилъ съ однимъ плѣннымъ слѣдую-

щее воззваніе въ крѣпость. «Ея Императорское Ве-«личество, моя Всемилостивѣйшая Государыня, по «природному своему великодушію и человѣколюбію, «повелѣваетъ намъ сохранять, сколько возможно, отъ «напраснаго пролитія кровь человѣческую. Покори-«тесь побѣдоносному оружію премудрой моей Мо-«нархини. Я обѣщаю оставить вамъ жизнь, дать сво-«боду и отпустить съ вами ваше имѣніе. Жизнь «остается вамъ для того, что побѣдители гнушаются «разить побѣжденныхъ; свобода, чтобъ вы пронесли «въ мѣста, вами обитаемыя, славу щедротъ и вели-«кодушіе Россійской Императрицы; а имѣніе, дабы «разумѣли, что Россійскіе герои корысть презираютъ. «Знайте, что Россія умѣетъ побѣждать; но вездѣ, «гдѣ только человѣчество склоняетъ къ жалости, «щадитъ и прощаетъ. Впрочемъ, если вы далѣе бу-«дете сопротивляться: то завтра по утру открою я «начало той казни, которая покажетъ вамъ, сколь «трудно раздражать побѣдителей, у коихъ должно «вамъ искать пощады.»—Воззваніе это не произвело желаемаго дѣйствія: началась пушечная пальба изъ крѣпости. Россіяне подъ картечными выстрѣлами кончили главную батарею и на другой день по утру открыли сильный огонь изъ всѣхъ орудій, четыре часа продолжавшійся. Раздалея вопль между осажденными. Князь Репнинъ, всегда великодушный, отправилъ къ нимъ другое воззваніе: убѣждалъ ихъ искать пощады, свободы и всего предложеннаго, если не желаютъ подвергнуться ярости героевъ, многократно наносившихъ уже имъ пораженіе. Османъ Паша, командовавшій въ крѣпости, потребовалъ трое

сутокъ на размышленіе; но Князь Репнинъ изъявилъ согласіе только на шесть часовъ. Срокъ наступилъ вечеромъ; непріятель умолялъ продлить оный еще до разсвѣта; Репнинъ уважилъ эту просьбу и, 18 Августа, Килія покорилась Императрицѣ. 21 числа поднесены ключи Россійскому Полководцу; пять тысячь жителей вышли къ нему на встрѣчу: Греки и Армяне съ Крестомъ и Евангеліемъ, Жиды съ хлѣбомъ. Въ крѣпости найдено: четыре мортиры, шестьдесять четыре пушки, восемь тысячь ядръ, до четырехъ сотъ бочекъ пороха и множество съѣстныхъ припасовъ. Узнавъ, что Турки претерпѣваютъ недостатокъ въ скотѣ, Князь Репнинъ отправилъ къ нимъ сто барановъ; приказалъ двумъ лекарямъ перевязать раны Музульманъ, находившихся въ крѣпости; переправилъ черезъ Дунай четырехъ-тысячный гарнизонъ, положившій оружіе, дозволивъ оному взять имущество. Многіе Оттомане, пораженные столь удивительнымъ человѣколюбіемъ, пали передъ нимъ на колѣна, проливая слезы благодарности, и поклялись не сражаться болѣе съ Россіянами. Императрица наградила Князя Николая Васильевича военнымъ орденомъ Св. Георгія втораго класса.

Въ 1771 году поручена Князю Репнину команда надъ всѣми войсками въ Валахіи. Онъ пріѣхалъ въ Букарестъ, оттуда отправился въ Журжу, осмотрѣлъ эту крѣпость, занятую достаточнымъ Россійскимъ гарнизономъ; рекогносцировалъ Турну, построенную на крутой горѣ подъ Никопольскими пушками, и получилъ въ то время донесеніе, что непріятель, переправясь черезъ Дунай, атаковалъ Журжу. Князь

Репнинъ оставилъ тогда Генералъ-Маіора Потемкина (*) подъ Турною, а самъ поспѣшилъ форсированными маршами къ осажденнымъ. Въ семи верстахъ отъ Журжи узналъ онъ, что Комендантъ Маіоръ Гензель, имѣвшій провіанта на три мѣсяца и значительное число снарядовъ, сдалъ эту крѣпость на капитуляцію. Отрядъ, сопровождавшій Князя Репнина, состоялъ только изъ трехъ сотъ человѣкъ: онъ принужденъ былъ удалиться къ Букаресту отъ трехъ тысячной Турецкой конницы, выѣхавшей къ нему на встрѣчу; расположился подъ Вакарештскимъ монастыремъ. Ободренный полученнымъ успѣхомъ, непріятель показался, 10 Іюня, въ виду нашихъ войскъ, въ числѣ десяти тысячь человѣкъ, подъ предводительствомъ трехъ-бунчужнаго Паши Ахмета, командовавшаго прежде въ Аравіи: Князь Репнинъ предупредилъ его атакою, обратилъ въ бѣгство, за двадцать верстъ, къ рѣкѣ Аргису, положилъ на мѣстѣ пятьсотъ человѣкъ, отбилъ одну пушку и пять знаменъ. — Между тѣмъ Румянцовъ поставилъ ему въ вину потерю Журжи: обиженный несправедливостію Полководецъ испросилъ увольненіе въ чужіе краи, гдѣ пробылъ до 1774 года. Онъ находился потомъ при облежаніи Силистріи, когда побѣды Задунайскаго заставили Турцію просить мира у Россіи, и не отказался быть производителемъ этого важнаго дѣла, забывъ для пользъ Имперіи прошедшее: 10 Іюля (1774 г.) подписанъ имъ и Турецкими полномочными Ресми Ахметъ Эфендіемъ и Ибрагимъ Мюнибъ Рейсъ-Эфендіемъ славный договоръ

(*) Въ послѣдствіи, Князя Таврическаго.

вѣчнаго мира между обѣими Имперіями въ лагерѣ Кучукъ-Кайнарджи, близь Силистріи, въ XXVIII статьяхъ (*). По утвержденіи Визиремъ этого трактата, Графъ Румянцовъ отправилъ съ онымъ Князя Репнина, *имѣвшаго* — по словамъ его въ донесеніи къ Императрицѣ — *полное участіе въ заключеніи мира.* — Екатерина II произвела Князя Николая Васильевича Генералъ-Аншефомъ и Подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, а въ слѣдующемъ 1775 году назначила его въ Турцію Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ.

Свита Князя Репнина была столь же блистательна, какъ и многочисленна, состояла изъ пятисотъ человѣкъ (**). Онъ въѣхалъ въ Константинополь (5 Октября) Андріанопольскими воротами на Турецкой лошади, богатоубранной, высланной ему Султаномъ, съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ; въ Перу прибылъ въ семь часовъ по полудни съ зажженными факелами и одинъ только

(*) См. біографію Графа Румянцова-Задунайскаго.

(**) При Князѣ Репнинѣ находились трубачи и литаврщики гусарскіе и кирасирскіе, пѣхотные музыканты, команды: гусарская, кирасирская и пѣхотная, тридцать шесть лакеевъ, четыре егеря, двѣнадцать пѣвчихъ, тринадцать офиціантовъ, шесть гайдуковъ, восемь скороходовъ, шесть гренадеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, шесть Пажей, лекарь, докторъ, двѣнадцать Греческихъ офицеровъ, четырнадцать студентовъ и переводчиковъ, восемнадцать Оберъ-офицеровъ, четыре Штабъ-офицера, десять Дворянъ-Посольства, два Секретаря и Маршалъ Посольства.

въѣхалъ на дворъ; сопровождавшіе его Турки вошли на оный пѣшіе. 7 Октября, Князь Репнинъ извѣстилъ пребывавшихъ въ Константинополѣ Пословъ иностранныхъ о своемъ пріѣздѣ чрезъ Кавалеровъ Посольства, и Министровъ черезъ офицеровъ (*). Они немедленно прислали къ нему Секретарей Посольства съ поздравительнымъ привѣтствіемъ и, вслѣдъ за ними, сами посѣтили его; а послѣ обѣда въ тотъ же день пріѣхали къ Княгинѣ Репниной (**) супруги Французскаго и Венеціанскаго Пословъ, также Прусскаго Посланника и провели у нея вечеръ. 8 Октября, Посолъ, въ сопровожденіи свиты своей, отдалъ визиты передъ полуднемъ Посламъ, послѣ обѣда Посланникамъ.

По предварительному соглашенію съ Портою, Князь Репнинъ былъ, 28 Ноября, у Визиря. Онъ подъѣхалъ къ самому крыльцу, гдѣ встрѣченъ переводчикомъ Порты, который, вмѣстѣ съ Чаушляръ Еминіемъ и Чаушляръ Кіятибіемъ предшествовали ему въ пріемную залу. Къ нимъ присоединился на

(*) Послы были: Французскій Маркизъ де Сентъ-Пріестъ; Венеціанскій Кавалеръ Градениго и Голландскій Г. Вейлеръ; Римско-Императорскій Интернунцій Г. Тугутъ; Посланники: Прусскій Г. Зегелинъ, выѣхавшій къ Князю Репнину на встрѣчу 3 Октября, и Шведскій Г. Цельсингъ.

(**) Князь Николай Васильевичь былъ женатъ на родной теткѣ нашего Чрезвычайнаго Посла въ Парижѣ, при Наполеонѣ, Князя Александра Борисовича Куракина, Княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Куракиной.

крыльцѣ Тесрифаджи, или первый церемоніймейстеръ. Вступя въ залу, Посолъ немного пріостановился, не видя Визиря, который однакожъ тотчасъ вошелъ въ оную. Когда они приближились другъ къ другу, то сдѣлали взаимный поклонъ и пошли къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Князь Репнинъ вручилъ Визирю грамоту Императрицы; онъ принялъ ее стоя и положилъ на подушку возлѣ себя. Тогда Посолъ и Визирь сѣли въ одно время, послѣдній на софу, первый противъ него на креслахъ. Визирь привѣтствовалъ Посла, навѣдываясь о состояніи его здоровья. Исполнивъ съ обѣихъ сторонъ обыкновенныя учтивости, Князь Репнинъ, въ произнесенной рѣчи, объявилъ Визирю причину своего Посольства; удостовѣрилъ: «что Императрица желаетъ твердо и «ненарушимо содержать блаженный миръ, заключен«ный между обѣими Имперіями, и возобновленную «дружбу; не сомнѣвается въ похвальныхъ и миро«любивыхъ его чувствованіяхъ» — и въ заключеніе просилъ исходатайствовать ему скорѣе аудіенцію у Султана. Драгоманъ Порты перевелъ эту рѣчь. Визирь отвѣчалъ: «что онъ съ своей стороны, желая утвердить и сохранить блаженный миръ, приложитъ къ достиженію этой цѣли совершенное попеченіе и трудъ; ощущаетъ истинное удовольствіе въ томъ, что выборъ Посольства палъ на особу, въ коей обитаютъ способность и прилежаніе къ общимъ интересамъ обѣихъ сторонъ.» — Послѣ сего поднесли Визирю и Послу конфекты, кофе, шербетъ, розовую воду и куренье, чѣмъ угощали и чиновниковъ свиты Посольской, исключая умыванья и куренья; пода-

ли Послу соболью шубу съ парчевымъ верхомъ, которую онъ надѣлъ на себя, не вставая съ креселъ; надѣли шубы на Повѣреннаго въ дѣлахъ, Г. Петерсона, на Маршала Посольства, Г. Булгакова, и на двухъ Секретарей лапчатыя собольи, покрытыя сукномъ и опушенныя пластинчатымъ собольимъ же мѣхомъ; на десять Кавалеровъ Посольства горностаевыя, покрытыя камлотомъ; свитѣ Посольской роздано сто кафтановъ.

29 Ноября, Князь Репнинъ отправилъ подарки къ Визирю съ Маршаломъ Посольства, къ его Кегаѣ и къ Рейсъ-Эфендію съ Секретарями. 30 числа отнесены подарки въ Сераль къ Султану. Посолъ имѣлъ у него аудіенцію 1 Декабря: доѣхавъ до вторыхъ воротъ Сераля, онъ слѣзъ съ лошади у праваго рундука и встрѣченъ тутъ Переводчикомъ Порты. Вмѣсто того, чтобы дожидаться на лавкѣ въ этихъ воротахъ до приглашенія его въ Диванъ, какъ обыкновенно дѣлали Послы, Князь Репнинъ введенъ былъ въ комнату, на этотъ случай нарочно убранную софами. Здѣсь Чаушъ-Баши и Переводчикъ Порты угощали его и находились при немъ безотлучно. Вступивъ въ Диванъ въ разныя двери, но въ одно время съ Визиремъ, Посолъ сѣлъ на табуретѣ, поставленномъ противъ Визирскаго мѣста, и какъ послѣдній медлилъ приглашеніемъ его въ Нисанджинскую лавку, Князь Репнинъ, черезъ Переводчика Порты, объявилъ Визирю: *что онъ самъ туда перейдетъ, если не будетъ тотчасъ приглашенъ.* Воля Посла Россійскаго немедленно исполнена: онъ сѣлъ посреди лавки, на правой сторонѣ Нисанджія.

Кейзерлингъ, и званіе Полномочнаго Посла передано Князю Репнину, который получилъ отъ новаго Короля ордена Бѣлаго Орла и Св. Станислава, имъ учрежденный (1765 г.). Въ шестилѣтнее пребываніе въ Варшавѣ, Князь Николай Васильевичь твердою рукой управлялъ кормиломъ Государства Польскаго, дѣйствуя именемъ Екатерины, достойно имъ представляемой. Понятовскій, слабый, малодушный, носилъ одно только наименованіе Короля: Князь Репнинъ, предпріимчивый и дальновидный, защищая Диссидентовъ, соединилъ (1767 г.) двѣ конфедераціи Польскую и Литовскую въ одну генеральную, и заставилъ оную отправить въ С. Петербургъ Чрезвычайныхъ Посланниковъ Графовъ Поцея, Вельгорскаго, Потоцкаго и Оссолинскаго, съ изъявленіемъ Императрицѣ благодарности народа Польскаго и Литовскаго за оказываемое покровительство. Между тѣмъ онъ занялся прекращеніемъ возникшихъ междоусобій въ Королевствѣ и изъ сконфедерованной республики Польской настоялъ, чтобы избраны были семьдесять Поляковъ въ особую Коммисію, съ которыми совѣщалъ о доставленіи спокойствія Диссидентамъ. Слѣдствіемъ сего былъ договоръ, постановленный имъ въ Варшавѣ, 13 Февраля 1768 года, между Россійскимъ и Польскимъ Дворами, въ IX статьяхъ, съ двумя сепаратными актами: I) подтвержденъ трактатъ, заключенный въ Москвѣ 1686 года. II) Обѣ Державы согласились гарантировать взаимно цѣлость и сохранность тогдашнихъ ихъ владѣній въ Европѣ. III) Король и Рѣчь Посполитая обязались обезпечить на вѣчныя времена особливымъ

сепаратнымъ актомъ вольное исповѣданіе Вѣры Греческой Восточной несоединенной и Диссидентовъ Евангелическаго исповѣданія. IV) Постановлено навсегда означить во второмъ *сепаратномъ актѣ* предметы и части правленія. V) Императрица торжественно гарантировала конституцію Рѣчи Посполитой, форму правленія, вольность и законы. VI) Договоры Карловицкій, Оливскій и другіе, заключенные съ прочими Державами, оставлены во всей силѣ. VII) На отвѣтственность пограничныхъ полномочныхъ Судовъ возложена обязанность скоро и безпристрастно разбирать возникающую распрю между подданными обѣихъ договаривающихся сторонъ, съ сохраненіемъ чрезъ то порядка и тишины. VIII) Утверждена свободная торговля, безъ отягощенія излишними налогами. IX) Ратификовать трактатъ въ Варшавѣ черезъ два мѣсяца. — Первымъ *сепаратнымъ актомъ* Рѣчь Посполитая Польская, уважая пріемлемое участіе Дворами Россійскимъ, Англійскимъ, Прусскимъ, Шведскимъ и Датскимъ, постановила пять статей, которыми возвращены и обезпечены всѣ церковныя и гражданскія права Неунитовъ и Диссидентовъ. *Вторый* заключалъ въ себѣ *права кардинальныя* и ограничивалъ власть первыхъ чиновъ Республики. Между прочимъ узаконено: чтобы дворянинъ за умышленное убійство крестьянина подвергался впредь казни, а не денежному взысканію.

Рѣшительныя мѣры возстановили противъ Князя Репнина Магнатовъ и Духовенство Польское. Версальскій Кабинетъ, завидуя могуществу нашему, убѣдилъ Порту Оттоманскую объявить войну Россіи,

и Князь Николай Васильевичь, награжденный Императрицею орденомъ Св. Александра Невскаго и чиномъ Генералъ-Поручика (1768 г.), какъ опытный Полководецъ, былъ отозванъ въ С. Петербургъ. Онъ поступилъ въ первую армію, предводимую Княземъ Голицынымъ (1769 г.); участвовалъ въ блокадѣ и занятіи Хотинской крѣпости; командовалъ (1770 г.) отдѣльнымъ корпусомъ въ Молдавіи и Валахіи: воспрепятствовалъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, двѣнадцати тысячамъ Турокъ и двадцати тысячамъ Татаръ переправиться черезъ Прутъ, преслѣдовалъ ихъ шесть верстъ; сражался, подъ знаменами Румянцова на битвахъ Ларгской и Кагульской; овладѣлъ, 26 Іюля, Измаиломъ, который сдался ему на условіяхъ съ двадцатью пушками; преслѣдовалъ двадцатитысячное Турецкое войско, оставившее эту крѣпость при его приближеніи; положилъ на мѣстѣ семьсотъ человѣкъ; двинулся къ крѣпости Киліи, снабдивъ Измаилъ достаточнымъ гарнизономъ. 9 Августа, Турки, примѣтивъ наше войско, зажгли предмѣстье въ четырехъ мѣстахъ; не смотря на сильный пожаръ, Князь Репнинъ вступилъ въ оное и, среди огня и пепла, обозрѣлъ положеніе крѣпости, назначилъ мѣсто первой батареи отъ гласиса въ восмидесяти саженяхъ; оттуда, открывъ траншею, велѣлъ вести оную на лѣвую сторону, а Бригадиру Барону Игельстрому заложить главную батарею противъ воротъ. Непріятель между тѣмъ тремя вылазками старался воспрепятствовать производимымъ работамъ; но принужденъ былъ удалиться. Тогда Князь Репнинъ отправилъ съ однимъ плѣннымъ слѣдую-

щее воззваніе въ крѣпость. «Ея Императорское Ве-«личество, моя Всемилостивѣйшая Государыня, по «природному своему великодушію и человѣколюбію, «повелѣваетъ намъ сохранять, сколько возможно, отъ «напраснаго пролитія кровь человѣческую. Покори-«тесь побѣдоносному оружію премудрой моей Мо-«нархини. Я обѣщаю оставить вамъ жизнь, дать сво-«боду и отпустить съ вами ваше имѣніе. Жизнь «остается вамъ для того, что побѣдители гнушаются «разить побѣжденныхъ; свобода, чтобъ вы пронесли «въ мѣста, вами обитаемыя, славу щедротъ и вели-«кодушіе Россійской Императрицы; а имѣніе, дабы «разумѣли, что Россійскіе герои корысть презираютъ. «Знайте, что Россія умѣетъ побѣждать; но вездѣ, «гдѣ только человѣчество склоняетъ къ жалости, «щадитъ и прощаетъ. Впрочемъ, если вы далѣе бу-«дете сопротивляться: то завтра по утру открою я «начало той казни, которая покажетъ вамъ, сколь «трудно раздражать побѣдителей, у коихъ должно «вамъ искать пощады.»—Воззваніе это не произвело желаемаго дѣйствія: началась пушечная пальба изъ крѣпости. Россіяне подъ картечными выстрѣлами кончили главную батарею и на другой день по утру открыли сильный огонь изъ всѣхъ орудій, четыре часа продолжавшійся. Раздался вопль между осажденными. Князь Репнинъ, всегда великодушный, отправилъ къ нимъ другое воззваніе: убѣждалъ ихъ искать пощады, свободы и всего предложеннаго, если не желаютъ подвергнуться ярости героевъ, многократно наносившихъ уже имъ пораженіе. Османъ Паша, командовавшій въ крѣпости, потребовалъ трое

сутокъ на размышленіе; но Князь Репнинъ изъявилъ согласіе только на шесть часовъ. Срокъ наступилъ вечеромъ; непріятель умолялъ продлить оный еще до разсвѣта; Репнинъ уважилъ эту просьбу и, 18 Августа, Килія покорилась Императрицѣ. 21 числа поднесены ключи Россійскому Полководцу; пять тысячь жителей вышли къ нему на встрѣчу: Греки и Армяне съ Крестомъ и Евангеліемъ, Жиды съ хлѣбомъ. Въ крѣпости найдено: четыре мортиры, шестьдесять четыре пушки, восемь тысячь ядръ, до четырехъ сотъ бочекъ пороха и множество съѣстныхъ припасовъ. Узнавъ, что Турки претерпѣваютъ недостатокъ въ скотѣ, Князь Репнинъ отправилъ къ нимъ сто барановъ; приказалъ двумъ лекарямъ перевязать раны Музульманъ, находившихся въ крѣпости; переправилъ черезъ Дунай четырехъ-тысячный гарнизонъ, положившій оружіе, дозволивъ оному взять имущество. Многіе Оттомане, пораженные столь удивительнымъ человѣколюбіемъ, пали передъ нимъ на колѣна, проливая слезы благодарности, и поклялись не сражаться болѣе съ Россіянами. Императрица наградила Князя Николая Васильевича военнымъ орденомъ Св. Георгія втораго класса.

Въ 1771 году поручена Князю Репнину команда надъ всѣми войсками въ Валахіи. Онъ пріѣхалъ въ Букарестъ, оттуда отправился въ Журжу, осмотрѣлъ эту крѣпость, занятую достаточнымъ Россійскимъ гарнизономъ; рекогносцировалъ Турну, построенную на крутой горѣ подъ Никопольскими пушками, и получилъ въ то время донесеніе, что непріятель, переправясь черезъ Дунай, атаковалъ Журжу. Князь

Репнинъ оставилъ тогда Генералъ-Маіора Потемкина (*) подъ Турною, а самъ поспѣшилъ форсированными маршами къ осажденнымъ. Въ семи верстахъ отъ Журжи узналъ онъ, что Комендантъ Маіоръ Гензель, имѣвшій провіанта на три мѣсяца и значительное число снарядовъ, сдалъ эту крѣпость на капитуляцію. Отрядъ, сопровождавшій Князя Репнина, состоялъ только изъ трехъ сотъ человѣкъ: онъ принужденъ былъ удалиться къ Букаресту отъ трехъ тысячной Турецкой конницы, выѣхавшей къ нему на встрѣчу; расположился подъ Вакарештскимъ монастыремъ. Ободренный полученнымъ успѣхомъ, непріятель показался, 10 Іюня, въ виду нашихъ войскъ, въ числѣ десяти тысячь человѣкъ, подъ предводительствомъ трехъ-бунчужнаго Паши Ахмета, командовавшаго прежде въ Аравіи: Князь Репнинъ предупредилъ его атакою, обратилъ въ бѣгство, за двадцать верстъ, къ рѣкѣ Аргису, положилъ на мѣстѣ пятьсотъ человѣкъ, отбилъ одну пушку и пять знаменъ. — Между тѣмъ Румянцовъ поставилъ ему въ вину потерю Журжи: обиженный несправедливостію Полководецъ испросилъ увольненіе въ чужіе краи, гдѣ пробылъ до 1774 года. Онъ находился потомъ при облежаніи Силистріи, когда побѣды Задунайскаго заставили Турцію просить мира у Россіи, и не отказался быть производителемъ этого важнаго дѣла, забывъ для пользъ Имперіи прошедшее: 10 Іюля (1774 г.) подписанъ имъ и Турецкими полномочными Ресми Ахметъ Эфендіемъ и Ибрагимъ Мюнибъ Рейсъ-Эфендіемъ славный договоръ

(*) Въ послѣдствіи, Князя Таврическаго.

вѣчнаго мира между обѣими Имперіями въ лагерѣ Кучукъ-Кайнарджи, близь Силистріи, въ XXVIII статьяхъ (*). По утвержденіи Визиремъ этого трактата, Графъ Румянцовъ отправилъ съ онымъ Князя Репнина, *имѣвшаго* — по словамъ его въ донесеніи къ Императрицѣ — *полное участіе въ заключеніи мира.* — Екатерина II произвела Князя Николая Васильевича Генералъ-Аншефомъ и Подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, а въ слѣдующемъ 1775 году назначила его въ Турцію Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ.

Свита Князя Репнина была столь же блистательна, какъ и многочисленна, состояла изъ пятисотъ человѣкъ (**). Онъ въѣхалъ въ Константинополь (5 Октября) Андріанопольскими воротами на Турецкой лошади, богатоубранной, высланной ему Султаномъ, съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ; въ Перу прибылъ въ семь часовъ по полудни съ зажженными факелами и одинъ только

(*) См. біографію Графа Румянцова-Задунайскаго.

(**) При Князѣ Репнинѣ находились трубачи и литаврщики гусарскіе и кирасирскіе, пѣхотные музыканты, команды: гусарская, кирасирская и пѣхотная, тридцать шесть лакеевъ, четыре егеря, двѣнадцать пѣвчихъ, тринадцать офиціантовъ, шесть гайдуковъ, восемь скороходовъ, шесть гренадеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, шесть Пажей, лекарь, докторъ, двѣнадцать Греческихъ офицеровъ, четырнадцать студентовъ и переводчиковъ, восемнадцать Оберъ-офицеровъ, четыре Штабъ-офицера, десять Дворянъ-Посольства, два Секретаря и Маршалъ Посольства.

въѣхалъ на дворъ; сопровождавшіе его Турки вошли на оный пѣшіе. 7 Октября, Князь Репнинъ извѣстилъ пребывавшихъ въ Константинополѣ Пословъ иностранныхъ о своемъ пріѣздѣ чрезъ Кавалеровъ Посольства, и Министровъ черезъ офицеровъ (*). Они немедленно прислали къ нему Секретарей Посольства съ поздравительнымъ привѣтствіемъ и, вслѣдъ за ними, сами посѣтили его; а послѣ обѣда въ тотъ же день пріѣхали къ Княгинѣ Репниной (**) супруги Французскаго и Венеціанскаго Пословъ, также Прусскаго Посланника и провели у нея вечеръ. 8 Октября, Посолъ, въ сопровожденіи свиты своей, отдалъ визиты передъ полуднемъ Посламъ, послѣ обѣда Посланникамъ.

По предварительному соглашенію съ Портою, Князь Репнинъ былъ, 28 Ноября, у Визиря. Онъ подъѣхалъ къ самому крыльцу, гдѣ встрѣченъ переводчикомъ Порты, который, вмѣстѣ съ Чаушляръ Еминіемъ и Чаушляръ Кіятибіемъ предшествовали ему въ пріемную залу. Къ нимъ присоединился на

(*) Послы были: Французскій Маркизъ де Сентъ-Пріестъ; Венеціанскій Кавалеръ Градениго и Голландскій Г. Вейлеръ; Римско-Императорскій Интернунцій Г. Тугутъ; Посланники: Прусскій Г. Зегелинъ, выѣхавшій къ Князю Репнину на встрѣчу 3 Октября, и Шведскій Г. Цельсингъ.

(**) Князь Николай Васильевичь былъ женатъ на родной теткѣ нашего Чрезвычайнаго Посла въ Парижѣ, при Наполеонѣ, Князя Александра Борисовича Куракина, Княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Куракиной.

произвела Князя Репнина Прапорщикомъ, 11 Іюля 1749 года. Съ того времени юный воинъ, подававшій большія надежды, посвятилъ себя снова наукамъ, безъ которыхъ природныя дарованія и умъ ничего не могутъ произвести великаго. Военное ремесло служило ему наградою, отдохновеніемъ отъ трудовъ: въ 1751 году былъ онъ Подпоручикомъ гвардіи, въ 1753 Полковымъ Адъютантомъ. Вскорѣ Россія объявила войну Пруссіи и Князь Репнинъ получилъ отъ Государыни позволеніе находиться волонтеромъ въ арміи Генералъ-Фельдмаршала Апраксина. Онъ явилъ опыты своей храбрости въ сраженіи при Гроссъ-Эгерсдорфѣ (1757 г.); при занятіи Кенигсберга, Маріенвердера, во время осады Кистрина Генералъ-Аншефомъ Ферморомъ (1758 г.); награжденъ чиномъ Капитана гвардіи. Въ слѣдующемъ 1759 году, посланъ въ Французскую армію и находился на Минденскомъ сраженіи, подъ начальствомъ Маршала Контада; возвратясь въ С. Петербургъ (1760 г.), перешелъ изъ гвардіи въ армейскій полкъ Полковникомъ: участвовалъ въ занятіи Берлина; служилъ съ полкомъ своимъ въ корпусѣ Графа Чернышева, присоединенномъ къ Австрійской арміи (1761 г.); награжденъ чиномъ Генералъ-Маіора, 2 Апрѣля 1762 года, имѣя отъ роду двадцать восемь лѣтъ.

Императрица Екатерина II, вступивъ на Престолъ, возложила на Князя Николая Васильевича орденъ Св. Анны и отправила его Полномочнымъ Министромъ къ Фридриху Великому (1762 г.). Лестное назначеніе это сблизило Репнина съ пер-

вымъ Полководцемъ того времени, доставивъ ему возможность наблюдать его воинскія распоряженія при Рейхенбахѣ и Швейдницѣ. Такимъ образомъ онъ обозрѣлъ въ теченіи трехъ лѣтъ три арміи главныхъ Европейскихъ Дворовъ; узналъ совершенства ихъ, недостатки, и наблюденія свои принаровилъ къ пользамъ любезнаго Отечества. Доселѣ служба его была какъ-бы продолженіемъ наукъ: въ 1763 г., онъ опредѣленъ къ исправленію должности Директора Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса; Ноября 11 назначенъ Полномочнымъ Министромъ въ Польшу, съ ежегоднымъ жалованьемъ по двадцати тысячь рублей.

Тогда скончался Августъ III, на 67 г. отъ рожденія, послѣ тридцатилѣтняго государствованія. Главною цѣлію посольства Князя Репнина было избраніе въ Короли Стольника Литовскаго Графа Станислава Понятовскаго: въ этомъ важномъ порученіи Екатерина II болѣе полагалась на него, нежели на своего Посла въ Варшавѣ, Графа Кейзерлинга, и не обманулась. Усилія Франціи возмутить противъ Россіи разгоряченные тогда умы Поляковъ, остались тщетными: для подкрѣпленія Диссидентовъ, Князь Репнинъ арестовалъ вельможъ, явно сопротивлявшихся намѣреніямъ Государыни: Епископа Краковскаго Каіетана Солтыка, Графа Ржевуцкаго, Епископа Кіевскаго, и отправилъ ихъ въ Россію. Князь Радзивилъ и Маршалъ Браницкій спаслись бѣгствомъ. 7 Сентября 1764 года Понятовскій возведенъ единогласно на Польскій престолъ, а 25 Ноября коронованъ въ Варшавѣ. Въ это время скончался Графъ

Кейзерлингъ, и званіе Полномочнаго Посла передано Князю Репнину, который получилъ отъ новаго Короля ордена Бѣлаго Орла и Св. Станислава, имъ учрежденный (1765 г.). Въ шестилѣтнее пребываніе въ Варшавѣ, Князь Николай Васильевичь твердою рукой управлялъ кормиломъ Государства Польскаго, дѣйствуя именемъ Екатерины, достойно имъ представляемой. Понятовскій, слабый, малодушный, носилъ одно только наименованіе Короля: Князь Репнинъ, предпріимчивый и дальновидный, защищая Диссидентовъ, соединилъ (1767 г.) двѣ конфедераціи Польскую и Литовскую въ одну генеральную, и заставилъ оную отправить въ С. Петербургъ Чрезвычайныхъ Посланниковъ Графовъ Поцея, Вельгорскаго, Потоцкаго и Оссолинскаго, съ изъявленіемъ Императрицѣ благодарности народа Польскаго и Литовскаго за оказываемое покровительство. Между тѣмъ онъ занялся прекращеніемъ возникшихъ междоусобій въ Королевствѣ и изъ сконфедерованной республики Польской настоялъ, чтобы избраны были семьдесятъ Поляковъ въ особую Коммисію, съ которыми совѣщалъ о доставленіи спокойствія Диссидентамъ. Слѣдствіемъ сего былъ договоръ, постановленный имъ въ Варшавѣ, 13 Февраля 1768 года, между Россійскимъ и Польскимъ Дворами, въ IX статьяхъ, съ двумя сепаратными актами: I) подтвержденъ трактатъ, заключенный въ Москвѣ 1686 года. II) Обѣ Державы согласились гарантировать взаимно цѣлость и сохранность тогдашнихъ ихъ владѣній въ Европѣ. III) Король и Рѣчь Посполитая обязались обезпечить на вѣчныя времена особливымъ

сепаратнымъ актомъ вольное исповѣданіе Вѣры Греческой Восточной несоединенной и Диссидентовъ Евангелическаго исповѣданія. IV) Постановлено навсегда означить во второмъ *сепаратномъ актѣ* предметы и части правленія. V) Императрица торжественно гарантировала конституцію Рѣчи Посполитой, форму правленія, вольность и законы. VI) Договоры Карловицкій, Оливскій и другіе, заключенные съ прочими Державами, оставлены во всей силѣ. VII) На отвѣтственность пограничныхъ полномочныхъ Судовъ возложена обязанность скоро и безпристрастно разбирать возникающую распрю между подданными обѣихъ договаривающихся сторонъ, съ сохраненіемъ чрезъ то порядка и тишины. VIII) Утверждена свободная торговля, безъ отягощенія излишними налогами. IX) Ратификовать трактатъ въ Варшавѣ черезъ два мѣсяца. — Первымъ *сепаратнымъ актомъ* Рѣчь Посполитая Польская, уважая пріемлемое участіе Дворами Россійскимъ, Англійскимъ, Прусскимъ, Шведскимъ и Датскимъ, постановила пять статей, которыми возвращены и обезпечены всѣ церковныя и гражданскія права Неунитовъ и Диссидентовъ. *Вторый* заключалъ въ себѣ *права кардинальныя* и ограничивалъ власть первыхъ чиновъ Республики. Между прочимъ узаконено: чтобы дворянинъ за умышленное убійство крестьянина подвергался впредь казни, а не денежному взысканію.

Рѣшительныя мѣры возстановили противъ Князя Репнина Магнатовъ и Духовенство Польское. Версальскій Кабинетъ, завидуя могуществу нашему, убѣдилъ Порту Оттоманскую объявить войну Россіи,

и Князь Николай Васильевичь, награжденный Императрицею орденомъ Св. Александра Невскаго и чиномъ Генералъ-Поручика (1768 г.), какъ опытный Полководецъ, былъ отозванъ въ С. Петербургъ. Онъ поступилъ въ первую армію, предводимую Княземъ Голицынымъ (1769 г.); участвовалъ въ блокадѣ и занятіи Хотинской крѣпости; командовалъ (1770 г.) отдѣльнымъ корпусомъ въ Молдавіи и Валахіи: воспрепятствовалъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, двѣнадцати тысячамъ Турокъ и двадцати тысячамъ Татаръ переправиться черезъ Прутъ, преслѣдовалъ ихъ шесть верстъ; сражался, подъ знаменами Румянцова на битвахъ Ларгской и Кагульской; овладѣлъ, 26 Іюля, Измаиломъ, который сдался ему на условіяхъ съ двадцатью пушками; преслѣдовалъ двадцатитысячное Турецкое войско, оставившее эту крѣпость при его приближеніи; положилъ на мѣстѣ семьсотъ человѣкъ; двинулся къ крѣпости Киліи, снабдивъ Измаилъ достаточнымъ гарнизономъ. 9 Августа, Турки, примѣтивъ наше войско, зажгли предмѣстье въ четырехъ мѣстахъ; не смотря на сильный пожаръ, Князь Репнинъ вступилъ въ оное и, среди огня и пепла, обозрѣлъ положеніе крѣпости, назначилъ мѣсто первой батареи отъ гласиса въ восмидесяти саженяхъ; оттуда, открывъ траншею, велѣлъ вести оную на лѣвую сторону, а Бригадиру Барону Игельстрому заложить главную батарею противъ воротъ. Непріятель между тѣмъ тремя вылазками старался воспрепятствовать производимымъ работамъ; но принужденъ былъ удалиться. Тогда Князь Репнинъ отправилъ съ однимъ плѣннымъ слѣдую-

щее воззваніе въ крѣпость. «Ея Императорское Ве-«личество, моя Всемилостивѣйшая Государыня, по «природному своему великодушію и человѣколюбію, «повелѣваетъ намъ сохранять, сколько возможно, отъ «напраснаго пролитія кровь человѣческую. Покори-«тесь побѣдоносному оружію премудрой моей Мо-«нархини. Я обѣщаю оставить вамъ жизнь, дать сво-«боду и отпустить съ вами ваше имѣніе. Жизнь «остается вамъ для того, что побѣдители гнушаются «разить побѣжденныхъ; свобода, чтобъ вы пронесли «въ мѣста, вами обитаемыя, славу щедротъ и вели-«кодушіе Россійской Императрицы; а имѣніе, дабы «разумѣли, что Россійскіе герои корысть презираютъ. «Знайте, что Россія умѣетъ побѣждать; но вездѣ, «гдѣ только человѣчество склоняетъ къ жалости, «щадитъ и прощаетъ. Впрочемъ, если вы далѣе бу-«дете сопротивляться: то завтра по утру открою я «начало той казни, которая покажетъ вамъ, сколь «трудно раздражать побѣдителей, у коихъ должно «вамъ искать пощады.»—Воззваніе это не произвело желаемаго дѣйствія: началась пушечная пальба изъ крѣпости. Россіяне подъ картечными выстрѣлами кончили главную батарею и на другой день по утру открыли сильный огонь изъ всѣхъ орудій, четыре часа продолжавшійся. Раздался вопль между осажденными. Князь Репнинъ, всегда великодушный, отправилъ къ нимъ другое воззваніе: убѣждалъ ихъ искать пощады, свободы и всего предложеннаго, если не желаютъ подвергнуться ярости героевъ, многократно наносившихъ уже имъ пораженіе. Османъ Паша, командовавшій въ крѣпости, потребовалъ трое

сутокъ на размышленіе; но Князь Репнинъ изъявилъ согласіе только на шесть часовъ. Срокъ наступилъ вечеромъ; непріятель умолялъ продлить оный еще до разсвѣта; Репнинъ уважилъ эту просьбу и, 18 Августа, Килія покорилась Императрицѣ. 21 числа поднесены ключи Россійскому Полководцу; пять тысячь жителей вышли къ нему на встрѣчу: Греки и Армяне съ Крестомъ и Евангеліемъ, Жиды съ хлѣбомъ. Въ крѣпости найдено: четыре мортиры, шестьдесять четыре пушки, восемь тысячь ядръ, до четырехъ сотъ бочекъ пороха и множество съѣстныхъ припасовъ. Узнавъ, что Турки претерпѣваютъ недостатокъ въ скотѣ, Князь Репнинъ отправилъ къ нимъ сто барановъ; приказалъ двумъ лекарямъ перевязать раны Музульманъ, находившихся въ крѣпости; переправилъ черезъ Дунай четырехъ-тысячный гарнизонъ, положившій оружіе, дозволивъ оному взять имущество. Многіе Оттомане, пораженные столь удивительнымъ человѣколюбіемъ, пали передъ нимъ на колѣна, проливая слезы благодарности, и поклялись не сражаться болѣе съ Россіянами. Императрица наградила Князя Николая Васильевича военнымъ орденомъ Св. Георгія втораго класса.

Въ 1771 году поручена Князю Репнину команда надъ всѣми войсками въ Валахіи. Онъ пріѣхалъ въ Букарестъ, оттуда отправился въ Журжу, осмотрѣлъ эту крѣпость, занятую достаточнымъ Россійскимъ гарнизономъ; рекогносцировалъ Турну, построенную на крутой горѣ подъ Никопольскими пушками, и получилъ въ то время донесеніе, что непріятель, переправясь черезъ Дунай, атаковалъ Журжу. Князь

Репнинъ оставилъ тогда Генералъ-Маіора Потемкина (*) подъ Турною, а самъ поспѣшилъ форсированными маршами къ осажденнымъ. Въ семи верстахъ отъ Журжи узналъ онъ, что Комендантъ Маіоръ Гензель, имѣвшій провіанта на три мѣсяца и значительное число снарядовъ, сдалъ эту крѣпость на капитуляцію. Отрядъ, сопровождавшій Князя Репнина, состоялъ только изъ трехъ сотъ человѣкъ: онъ принужденъ былъ удалиться къ Букаресту отъ трехъ тысячной Турецкой конницы, выѣхавшей къ нему на встрѣчу; расположился подъ Вакарештскимъ монастыремъ. Ободренный полученнымъ успѣхомъ, непріятель показался, 10 Іюня, въ виду нашихъ войскъ, въ числѣ десяти тысячь человѣкъ, подъ предводительствомъ трехъ-бунчужнаго Паши Ахмета, командовавшаго прежде въ Аравіи: Князь Репнинъ предупредилъ его атакою, обратилъ въ бѣгство, за двадцать верстъ, къ рѣкѣ Аргису, положилъ на мѣстѣ пятьсотъ человѣкъ, отбилъ одну пушку и пять знаменъ. — Между тѣмъ Румянцовъ поставилъ ему въ вину потерю Журжи: обиженный несправедливостію Полководецъ испросилъ увольненіе въ чужіе краи, гдѣ пробылъ до 1774 года. Онъ находился потомъ при облежаніи Силистріи, когда побѣды Задунайскаго заставили Турцію просить мира у Россіи, и не отказался быть производителемъ этого важнаго дѣла, забывъ для пользъ Имперіи прошедшее: 10 Іюля (1774 г.) подписанъ имъ и Турецкими полномочными Ресми Ахметъ Эфендіемъ и Ибрагимъ Мюнибъ Рейсъ-Эфендіемъ славный договоръ

(*) Въ послѣдствіи, Князя Таврическаго.

вѣчнаго мира между обѣими Имперіями въ лагерѣ Кучукъ-Кайнарджи, близь Силистріи, въ XXVIII статьяхъ (*). По утвержденіи Визиремъ этого трактата, Графъ Румянцовъ отправилъ съ онымъ Князя Репнина, *имѣвшаго* — по словамъ его въ донесеніи къ Императрицѣ — *полное участіе въ заключеніи мира.* — Екатерина II произвела Князя Николая Васильевича Генералъ-Аншефомъ и Подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, а въ слѣдующемъ 1775 году назначила его въ Турцію Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ.

Свита Князя Репнина была столь же блистательна, какъ и многочисленна, состояла изъ пятисотъ человѣкъ (**). Онъ въѣхалъ въ Константинополь (5 Октября) Андріанопольскими воротами на Турецкой лошади, богатоубранной, высланной ему Султаномъ, съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ; въ Перу прибылъ въ семь часовъ по полудни съ зажженными факелами и одинъ только

(*) См. біографію Графа Румянцова-Задунайскаго.

(**) При Князѣ Репнинѣ находились трубачи и литаврщики гусарскіе и кирасирскіе, пѣхотные музыканты, команды: гусарская, кирасирская и пѣхотная, тридцать шесть лакеевъ, четыре егеря, двѣнадцать пѣвчихъ, тринадцать офиціантовъ, шесть гайдуковъ, восемь скороходовъ, шесть гренадеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, шесть Пажей, лекарь, докторъ, двѣнадцать Греческихъ офицеровъ, четырнадцать студентовъ и переводчиковъ, восемнадцать Оберъ-офицеровъ, четыре Штабъ-офицера, десять Дворянъ-Посольства, два Секретаря и Маршалъ Посольства.

въѣхалъ на дворъ; сопровождавшіе его Турки вошли на оный пѣшіе. 7 Октября, Князь Репнинъ извѣстилъ пребывавшихъ въ Константинополѣ Пословъ иностранныхъ о своемъ пріѣздѣ чрезъ Кавалеровъ Посольства, и Министровъ черезъ офицеровъ (*). Они немедленно прислали къ нему Секретарей Посольства съ поздравительнымъ привѣтствіемъ и, вслѣдъ за ними, сами посѣтили его; а послѣ обѣда въ тотъ же день пріѣхали къ Княгинѣ Репниной (**) супруги Французскаго и Венеціанскаго Пословъ, также Прусскаго Посланника и провели у нея вечеръ. 8 Октября, Посолъ, въ сопровожденіи свиты своей, отдалъ визиты передъ полуднемъ Посламъ, послѣ обѣда Посланникамъ.

По предварительному соглашенію съ Портою, Князь Репнинъ былъ, 28 Ноября, у Визиря. Онъ подъѣхалъ къ самому крыльцу, гдѣ встрѣченъ переводчикомъ Порты, который, вмѣстѣ съ Чаушляръ Еминіемъ и Чаушляръ Кіятибіемъ предшествовали ему въ пріемную залу. Къ нимъ присоединился на

(*) Послы были: Французскій Маркизъ де Сентъ-Пріестъ; Венеціанскій Кавалеръ Градениго и Голландскій Г. Вейлеръ; Римско-Императорскій Интернунцій Г. Тугутъ; Посланники: Прусскій Г. Зегелинъ, выѣхавшій къ Князю Репнину на встрѣчу 3 Октября, и Шведскій Г. Цельсингъ.

(**) Князь Николай Васильевичь былъ женатъ на родной теткѣ нашего Чрезвычайнаго Посла въ Парижѣ, при Наполеонѣ, Князя Александра Борисовича Куракина, Княжнѣ Натальѣ Александровнѣ Куракиной.

крыльцѣ Тесрифаджи, или первый церемоніимейстеръ. Вступя въ залу, Посолъ немного пріостановился, не видя Визиря, который однакожъ тотчасъ вошелъ въ оную. Когда они приближились другъ къ другу, то сдѣлали взаимный поклонъ и пошли къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Князь Репнинъ вручилъ Визирю грамоту Императрицы; онъ принялъ ее стоя и положилъ на подушку возлѣ себя. Тогда Посолъ и Визирь сѣли въ одно время, послѣдній на софу, первый противъ него на креслахъ. Визирь привѣтствовалъ Посла, навѣдываясь о состояніи его здоровья. Исполнивъ съ обѣихъ сторонъ обыкновенныя учтивости, Князь Репнинъ, въ произнесенной рѣчи, объявилъ Визирю причину своего Посольства; удостовѣрилъ: «что Императрица желаетъ твердо и «ненарушимо содержать блаженный миръ, заключен«ный между обѣими Имперіями, и возобновленную «дружбу; не сомнѣвается въ похвальныхъ и миро«любивыхъ его чувствованіяхъ» — и въ заключеніе просилъ исходатайствовать ему скорѣе аудіенцію у Султана. Драгоманъ Порты перевелъ эту рѣчь. Визирь отвѣчалъ: «что онъ съ своей стороны, желая утвердить и сохранить блаженный миръ, приложитъ къ достиженію этой цѣли совершенное попеченіе и трудъ; ощущаетъ истинное удовольствіе въ томъ, что выборъ Посольства палъ на особу, въ коей обитаютъ способность и прилежаніе къ общимъ интересамъ обѣихъ сторонъ.» — Послѣ сего поднесли Визирю и Послу конфекты, кофе, шербетъ, розовую воду и куренье, чѣмъ угощали и чиновниковъ свиты Посольской, исключая умыванья и куренья; пода-

ли Послу соболью шубу съ парчевымъ верхомъ, которую онъ надѣлъ на себя, не вставая съ креселъ; надѣли шубы на Повѣреннаго въ дѣлахъ, Г. Петерсона, на Маршала Посольства, Г. Булгакова, и на двухъ Секретарей лапчатыя собольи, покрытыя сукномъ и опушенныя пластинчатымъ собольимъ же мѣхомъ; на десять Кавалеровъ Посольства горностаевыя, покрытыя камлотомъ; свитѣ Посольской роздано сто кафтановъ.

29 Ноября, Князь Репнинъ отправилъ подарки къ Визирю съ Маршаломъ Посольства, къ его Кегаѣ и къ Рейсъ-Эфендію съ Секретарями. 30 числа отнесены подарки въ Сераль къ Султану. Посолъ имѣлъ у него аудіенцію 1 Декабря: доѣхавъ до вторыхъ воротъ Сераля, онъ слѣзъ съ лошади у праваго рундука и встрѣченъ тутъ Переводчикомъ Порты. Вмѣсто того, чтобы дожидаться на лавкѣ въ этихъ воротахъ до приглашенія его въ Диванъ, какъ обыкновенно дѣлали Послы, Князь Репнинъ введенъ былъ въ комнату, на этотъ случай нарочно убранную софами. Здѣсь Чаушъ-Баши и Переводчикъ Порты угощали его и находились при немъ безотлучно. Вступивъ въ Диванъ въ разныя двери, но въ одно время съ Визиремъ, Посолъ сѣлъ на табуретѣ, поставленномъ противъ Визирскаго мѣста, и какъ послѣдній медлилъ приглашеніемъ его въ Нисанджинскую лавку, Князь Репнинъ, черезъ Переводчика Порты, объявилъ Визирю: *что онъ самъ туда перейдетъ, если не будетъ тотчасъ приглашенъ.* Воля Посла Россійскаго немедленно исполнена: онъ сѣлъ посреди лавки, на правой сторонѣ Нисанджія.

Начался судъ, полчаса продолжавшійся; по окончаніи онаго, Визирь отправилъ Рейсъ-Эфендія съ письменнымъ докладомъ къ Султану о допущеніи Посла. Съ Визиремъ обѣдалъ въ тотъ день одинъ только Князь Репнинъ; съ Капитаномъ Пашею: Маршалъ, два Секретаря и Дюкъ де Брагансъ, находившійся въ числѣ Кавалеровъ Посольства. Во время обѣда Высочайшая грамота была держана попеременно Дворянами. На половинѣ дороги отъ Дивана до послѣднихъ воротъ Серальскихъ, надѣта на Посла соболья шуба, покрытая парчею; на Маршала и Секретарей горностаевыя; свитѣ роздано сто кафтановъ. Пробывъ въ этомъ мѣстѣ, на лавкѣ, съ четверть часа, между тѣмъ какъ Визирь былъ у Султана, Посолъ введенъ потомъ въ тронную двумя Капиджи-Башіями, въ сопровожденіи шестнадцати чиновниковъ, съ нимъ прибывшихъ, и въ предшествованіи Переводчика Порты. Сдѣлавъ три поклона, онъ произнесъ рѣчь и поднесъ грамоту, которую принялъ Капитанъ-Паша, вручившій оную Визирю, а послѣдній положилъ ее возлѣ Султана. Драгоманъ Порты перевелъ рѣчь и Султанъ Абдулъ Гамидъ сказалъ громкимъ голосомъ нѣсколько словъ Визирю, который отвѣчалъ Послу: «что Его Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь Императоръ, Прибѣжище Свѣта, повелѣлъ мнѣ извѣстить вамъ, что есть Его Императорская воля, «дабы мирный трактатъ, заключенный между его «Имперіею и Имперіею Россійскою былъ навсегда «сохраняемъ и исполняемъ.» — Драгоманъ Порты перевелъ эти слова, и Посолъ, поклонясь Султану,

вышелъ изъ аудіенцъ-камеры со всею свитою. У вторыхъ воротъ дожидался онъ снова въ караульной Капиджи-Башіевъ, между тѣмъ какъ мелкіе чины, Янычаръ-Ага, Капиджи-Баши и прочіе выѣзжали изъ Сераля.

28 Января (1776 г.) Посолъ обѣдалъ у Визиря въ пріемныхъ комнатахъ Султана. Визирь предоставлялъ ему выбрать любое мѣсто: софу или креслы. Посолъ сѣлъ на софу, сказавъ: *что предпочитаетъ оную, желая быть ближе къ нему*. Они сѣли оба въ одно время. Визирь просилъ Посла располагать у него, какъ бы въ собственномъ своемъ домѣ, приказывать что угодно; желалъ знать, не хочетъ ли онъ полюбоваться играми и забавами, приготовленными для его увеселенія? — Около одиннадцатаго часа, Визирь спросилъ: когда обыкновенно обѣдаетъ Посолъ, чтобы онъ къ тому времени приказалъ изготовить столъ; ибо опредѣля этотъ день на угощеніе столь пріятнаго гостя, не желаетъ отяготить его никакою перемѣною въ ежедневныхъ обыкновеніяхъ. — Посолъ отвѣчалъ: *что, чувствуя крайнее удовольствіе быть угощаемымъ столь почтеннымъ и привѣтливымъ хозяиномъ, отлагаетъ всѣ свои привычки и проситъ его ни въ чемъ не принуждать себя; но опредѣлить время обѣда по собственному желанію*. — Въ половинѣ перваго часа принесенъ къ софѣ столъ, за которымъ, кромѣ ихъ двухъ, обѣдалъ еще Рейсъ-Эфендій. Передъ Посломъ положенъ былъ золотый приборъ, осыпанный алмазами; тарелки, ему подаваемыя, были также золотыя. Послѣ обѣда онъ вымылъ руки свои въ одно время съ Визиремъ: раз-

ныя игры и увеселенія возобновились. Не желая безпокоить хозяина долговременнымъ пребываніемъ и зная, что насталъ часъ, посвящаемый молитвамъ, что Визирь страдалъ подагрою, Посолъ изъяснилъ ему причины, побуждающія его возвратиться въ свой домъ и благодарилъ за оказанныя почести. Визирь отвѣчалъ: *что присутствіе Посла никогда ему въ тягость быть не можетъ и что оно, напротивъ, вылечило его отъ подагры; но при всемъ томъ, опасаясь причинить ему безпокойство, онъ не желаетъ болѣе удерживать своего гостя.* Тогда принесли Визирю и Послу шербетъ и окуриваніе; надѣли на Посла соболью шубу, крытую сукномъ, и положили ему въ карманъ три платка, въ которыхъ были завернуты золотые часы съ алмазами. — Вслѣдъ за тѣмъ угощали Посла обѣденными столами Капитанъ Паша, Визирскій Кегай, Янычаръ-Ага, Тефтердарь и, 3 Марта, Рейсъ-Эфендій. На этомъ послѣднемъ обѣдѣ былъ инкогнито Визирь въ поставленной для него палаткѣ, изъ которой любовался играми, и изъявилъ Послу сожалѣніе свое: *что церемоніалъ препятствовалъ ему видѣться съ нимъ и дружески бесѣдовать.* — 29 Марта, Посолъ имѣлъ аудіенцію у Султана, 31 числа простился съ Визиремъ, а 13 Апрѣля выѣхалъ изъ Перы.

Возвратясь въ Отечество, Князь Репнинъ не остался безъ дѣла: опредѣленъ Генералъ-Губернаторомъ въ Смоленскъ (1777 г.) и, въ слѣдующемъ году, также въ Орелъ, намѣстничество, имъ тогда открытое. Занятія его по гражданской части были прерваны подчиненіемъ ему тридцати-тысячнаго корпу-

са, съ которымъ онъ вступилъ въ Бреславль, 9-го Декабря.

На Тешенскомъ конгрессѣ (1779 г.) дипломатическія способности и твердость Князя Репнина склонили Австрійскій Дворъ къ миру; возвращены Баваріи большая часть захваченныхъ у нея земель; удовлетворены понесенные убытки Саксоніею, Цвейбрикскимъ Герцогствомъ и другими Нѣмецкими Князьями. Возстановитель тишины въ половинѣ Европы не остался безъ награды: Императрица пожаловала ему орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и три тысячи крестьянъ въ Бѣлоруссіи; Іосифъ II прислалъ трость, украшенную бриліантами и серебреный столовый сервизъ; Фридрихъ Великій: орденъ Чернаго Орла, шпагу и портретъ свой, осыпанные бриліантами, Саксонскій сервизъ, двадцать тысячь ефимковъ на путевыя издержки и десять тысячь на канцелярію. Монархъ Пруссіи находился въ откровенной перепискѣ съ Княземъ Репнинымъ и признавался ему: что онъ былъ однажды обманутъ Австрійскимъ Министерствомъ; но въ другой разъ не позволитъ обмануть себя (*).

Въ 1780 году заложены въ Смоленскѣ каменныя строенія для Судебныхъ мѣстъ и, въ проѣздъ Екатерины II черезъ это намѣстничество, Она изъявила Князю Репнину особенное свое удовольствіе и бла-

(*) «On peut être trompé une fois dans sa vie — писалъ Фридрихъ къ Князю Репнину — «mais qui l'est deux «fois, est dupe et c'est un titre, que je n'ambitionne «pas.»

говоленіе *за видѣнное Ею повсюду благое устройство и слѣды точнаго исполненія Ея установленій* (*). Онъ командовалъ въ томъ же году наблюдательнымъ корпусомъ въ Умани, а въ слѣдующемъ пожалованъ Генералъ-Адъютантомъ, Генералъ-Губернаторомъ Псковскимъ, оставаясь и Смоленскимъ; предводительствовалъ резервнымъ корпусомъ въ Польшѣ (1782 и 1783 г.); получилъ орденъ Св. Владиміра первой степени въ день учрежденія онаго (1782 г.); бриліантовые знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ 1784 году. Тогда во вторый разъ предпринято имъ путешествіе въ чужіе краи, какъ-бы для отдохновенія отъ трудовъ; Императрица оставила при немъ носимыя званія.

Война съ Турціею отвлекла Князя Репнина отъ управляемыхъ имъ губерній: онъ участвовалъ въ осадѣ и взятіи Очакова (1788 г.), являя подчиненнымъ своимъ, въ опасныхъ мѣстахъ, примѣръ неустрашимости; командовалъ Украинскою арміей въ Молдавіи (1789 г.), до прибытія Потемкина; разбилъ, 7 Сентября, на рѣкѣ Салчѣ Сераскира Гассанъ Пашу, бывшаго Капитанъ Пашею; овладѣлъ его лагеремъ, тремя пушками, девятью знаменами и частью обоза; вогналъ въ Измаилъ, заперъ въ этой крѣпости. Къ сожалѣнію, зависть воспрепятствовала храброму Полководцу довершить побѣду надъ Оттоманами: опасаясь, чтобы Репнинъ не получилъ Фельдмаршальскаго жезла за взятіе Измаила, Потемкинъ приказалъ ему отступить за двадцать верстъ. Въ 1790 году

(*) Слова Высочайшаго Рескрипта.

Князь Репнинъ продолжалъ командовать расположенными войсками въ Молдавіи, подъ предводительствомъ Таврическаго, жертвуя оскорбленнымъ самолюбіемъ, собственною славой для того только, чтобы служить Отечеству. Терпѣніе его вознаградилось. Главнокомандовавшій отправился въ С. Петербургъ (1791 г.), ввѣривъ ему начальство надъ соединенною арміей. — Пользуясь его отсутствіемъ Верховный Визирь Юсуфъ-Паша собиралъ войска при Мачинѣ, намѣревался нанести Россіянамъ чувствительный ударъ, но Князь Репнинъ рѣшился уничтожить покушеніе враговъ нападеніемъ на нихъ. Онъ велѣлъ окружнымъ войскамъ собираться къ Галацу; предписалъ Генералъ-Поручику Голенищеву-Кутузову (*) прибыть туда изъ Измаила съ Бугскимъ егерскимъ корпусомъ и съ пятью стами Донскихъ Козаковъ; поручилъ Генералъ-Маіору Рибасу готовить перевозныя суда.

Верховный Визирь имѣлъ разныхъ войскъ Турецкихъ до ста тысячь; подъ командою его находились пять Пашей, два Бея Анатолійскіе и два Султана Татарскіе. Армія Князя Репнина была въ половину менѣе; изъ семидесяти двухъ орудій оставилъ онъ восемь въ резервѣ на берегу Дуная, для отраженія непріятельскихъ судовъ. 25 Іюня Генералъ-Аншефъ осмотрѣлъ Турецкій лагерь. 28 числа, въ шестомъ часу по утру, Генералъ-Поручикъ Князь Голицынъ (**) первый пришелъ съ ввѣреннымъ ему вой-

(*) Въ послѣдствіи Князю Смоленскому.

(**) Князь Сергій Ѳедоровичъ Голицынъ, въ молодыхъ лѣтахъ служилъ подъ знаменами Румянцова; участвовалъ

скомъ къ пункту своей атаки и открылъ канонаду. Въ то-же самое время конница Генералъ-Поручика Князя Волконскаго (*), предводимая Генералъ-Маіо-

---

во взятіи Очакова Потемкинымъ, на родной племянницѣ котораго былъ женатъ; овладѣлъ Мачинымъ (1791); срылъ тамошнія укрѣпленія; взялъ, въ числѣ плѣнныхъ, трехъ-бунчужнаго Арслана Мегметъ-Пашу; изрубилъ и частію потопилъ Турецкій гарнизонъ, находившійся на полуостровѣ Концефанѣ, подъ самыми пушками Браилова; отнялъ у непріятеля семнадцать орудій и нѣсколько знаменъ; истребилъ множество судовъ Турецкихъ; награжденъ за ратные подвиги свои орденами Св. Георгія втораго класса (1791 г.) и Св. Александра Невскаго (1792 г.); получилъ, потомъ, ордена: Св. Владиміра первой степени (1794 г.); Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1802 г.), будучи Генераломъ отъ инфантеріи съ 1801 года; вступилъ въ Галлицію (1809 г.), гдѣ скончался 20 Января 1810 г., на 63 отъ рожденія.

(*) Князь Григорій Семеновичь Волконскій былъ женатъ на дочери Князя Николая Васильевича, Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, въ послѣдствіи Оберъ-Гофмейстеринѣ Высочайшаго Двора, Статсъ и Кавалерственной Дамѣ. Онъ съ отличіемъ служилъ подъ знаменами Румянцова, Суворова и Репнина; былъ, потомъ, пятнадцать лѣтъ Военнымъ Губернаторомъ въ Оренбургѣ (1802—1817 г.); населеніемъ степей, обезопасилъ тотъ край отъ набѣговъ Киргизскихъ; скончался въ 1824 году, на 83 отъ рожденія, будучи Генераломъ отъ кавалеріи, Членомъ Государственнаго Совѣта и кавалеромъ орденовъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго

ромъ Рибасомъ (*), ударила на непріятеля, очистила занимаемое онымъ мѣсто и связала сообщеніе съ войсками Князя Голицына, между тѣмъ какъ Князь Волконскій, слѣдовавшій съ своею пѣхотой за конницею, выстроясь въ боевый порядокъ, достигъ так-

---

(1806 г.), Св. Александра Невскаго (1786 г.), Св. Георгія втораго класса (1792 г.) и Св. Анны (1777 г.). Служба его безпрерывно продолжалась шестьдесять шесть лѣтъ.

(*) Осипъ Михайловичъ Рибасъ родился въ Неаполѣ, куда переселился изъ Испаніи его дѣдъ. Онъ вступилъ въ нашу службу 1772 года: сначала ему покровительствовалъ Орловъ (Графъ Алексѣй Григорьевичъ); потомъ Бецкій и Потемкинъ. Въ 1779 году Рибасъ былъ Подполковникомъ и Полиціимейстеромъ Кадетскаго Корпуса; въ 1789, будучи Генералъ-Маіоромъ, въ первый разъ обнажилъ мечь противъ враговъ Россіи: содѣйствовалъ Гудовичу во взятіи приступомъ укрѣпленнаго замка Хаджибея (нынѣ Одессы), при Черномъ морѣ; овладѣлъ двумя Турецкими судами; командуя (1790 г.) гребною флотиліей, захватилъ батареи непріятельскія, прикрывавшія входъ въ Дунай; овладѣлъ Тульчею; командовалъ тремя колоннами десанта во время приступа Измаила (11 Дек.); взялъ въ плѣнъ множество Турокъ, представилъ 130 знаменъ; награжденъ орденомъ Св. Георгія втораго класса (1791 г.); Александровскою лентою за участіе въ Мачинскомъ сраженіи (1792 г.); пожалованъ Вице-Адмираломъ (1793 г.); Адмираломъ (1799 г.); скончался въ 1800 году. По его проэкту, одобренному Императрицею Екатериною II, возникла Одесса.

же до своего пункта, и началъ канонаду. Тогда Голенищевъ-Кутузовъ, обходя горы, чтобы зайдти въ правый флангъ непріятелю, долженъ былъ съ великимъ трудомъ пробиваться среди окружавшихъ его отвсюда Турокъ, старавшихся разрѣзать сообщеніе между имъ и арміею. Эти покушенія Визиря были уничтожены Княземъ Репнинымъ: онъ приказалъ Генералъ-Маіору Рибасу атаковать неоднократно непріятеля, а Князю Волконскому, вытянуть изъ двухъ линій три гренадерскіе полка съ артиллеріею въ лѣвую сторону и приближиться къ горамъ. Тщетно пѣхота Турецкая, желая воспользоваться отдѣленіемъ войскъ, бросилась стремительно и въ большомъ числѣ на первый каре Екатеринославскаго гренадерскаго полка: храбрые воины опрокинули, обратили въ бѣгство непріятеля. Въ то же самое время толпы Турокъ напали на правый флангъ нашъ, предводимый Княземъ Голицынымъ; но были отбиты съ значительнымъ урономъ и преслѣдуемы конницею до перваго ихъ лагеря. Такимъ образомъ уничтожилъ Князь Репнинъ и покушенія Турокъ на нашъ резервъ со стороны Дуная, подкрѣпивъ оный высланными войсками. Вскорѣ пѣхота Кутузова показалась на горахъ во флангѣ непріятельскомъ: Князь Волконскій поспѣшилъ переправить за крутый оврагъ, подъ горою находящійся, два гренадерскіе полка для открытія сообщенія съ Кутузовымъ. Тогда войска двинулись со всѣхъ сторонъ на непріятеля: Князь Голицынъ пошелъ въ его ретраншаментъ, Князь Волконскій въ лагерь, а Голенищевъ-Кутузовъ во флангъ, которое движеніе рѣшило побѣду этого упор-

наго ераженія, шесть часовъ при сильномъ жарѣ продолжавшагося. Непріятель обратился въ бѣгство къ Гирсову; легкія войска преслѣдовали его. Орудій мѣдныхъ отнято тридцать пять, въ томъ числѣ двѣ мортиры; болѣе четырехъ тысячь Турокъ пало на мѣстѣ битвы, кромѣ умерщвленныхъ на судахъ, изъ которыхъ три были взорваны на воздухъ и столько же потоплены. Въ числѣ плѣнныхъ находился Двухъ-Бунчужный Мегметъ-Арнаутъ Паша. Знаменъ взято пятнадцать.

Принеся благодареніе Всевышнему съ пушечною пальбой за одержанную побѣду, Князь Репнинъ переправился, 2 Іюля, обратно черезъ Дунай и потомъ велѣлъ снять мосты, расположивъ армію въ прежнихъ лагеряхъ (*). Между тѣмъ вступилъ онъ въ сношенія съ Визиремъ, который первый заговорилъ о мирѣ, и желая воспользоваться благопріятною минутой, чтобы даровать оный Отечеству, подписалъ съ Турецкими Полномочными въ Галацѣ, 31 Іюля, предварительныя условія: Кайнарджійскій договоръ и послѣдовавшіе за онымъ подтверждены въ полномъ и точномъ ихъ разумѣ; рѣка Днѣстръ назначена границею обѣихъ Имперій; земли, лежащія ме-

---

(*) Прекрасно изобразилъ Державинъ Князя Репнина въ *Памятникѣ Герою*.

«Строй, Муза, памятникъ Герою,
Кто мужественъ и щедръ душою,
Кто больше разумомъ, чѣмъ силой,
Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ,
Далъ малой тратой много пользы.»

жду Бугомъ и Днѣстромъ уступлены Россіи. — 1-го Августа Потемкинъ, надѣявшійся исхитить у Репнина двойную славу побѣдителя и миротворца, прибылъ въ Галацъ, когда онъ совершилъ уже свой важный подвигъ: взбѣшенный этою неудачей, Фельдмаршалъ осыпалъ заслуженнаго Полководца страшными упреками, присоединилъ къ онымъ угрозы: «*Я исполнилъ долгъ свой* — отвѣчалъ съ гордостію Князь Репнинъ — «*и готовъ дать отвѣтъ Государынѣ и Отечеству.*» — Екатерина II наградила его (15 Іюля) орденомъ Св. Георгія первой степени; повелѣла ему быть Намѣстникомъ Рижскимъ и Ревельскимъ (1792 г.) и, 2 Сентября 1793 года, по случаю мирнаго торжества, пожаловала Князю Репнину похвальную грамоту; во вторый разъ алмазные знаки ордена Св. Апостола Андрея *въ знакъ Монаршаго благоволенія* и шестьдесять тысячь рублей на поправленіе домашнихъ дѣлъ.

Въ 1794 году возникло въ Польшѣ безначаліе: Россійскія войска, находившіяся въ Лифляндіи и въ Минской губерніи, были подчинены Князю Репнину. Онъ вступилъ въ Литву и ревностными, неусыпными стараніями своими возстановилъ въ оной тишину. Императрица наградила его (1 Января 1795 г.) деревнями, домомъ въ С. Петербургѣ, похвальною грамотой и ввѣрила ему управленіе того края съ оставленіемъ Генералъ-Губернаторомъ Эстляндскимъ и Лифляндскимъ. Въ этомъ званіи Князь Репнинъ находился по кончину Екатерины II.

Императоръ Павелъ I, по вступленіи на Престолъ, произвелъ Князя Николая Васильевича Гене-

ралъ-Фельдмаршаломъ (8 Ноября 1796 г.) и, вслѣдъ за тѣмъ, Командиромъ Литовской дивизіи, Военнымъ Губернаторомъ въ Ригу, Присутствующимъ въ Совѣтѣ Общества благородныхъ дѣвицъ; пожаловалъ ему шесть тысячь душъ въ день своего коронованія (1797 г.); повелѣлъ потомъ быть Орденскимъ Канцлеромъ, Инспекторомъ инфантеріи Литовской и Лифляндской дивизій; отправилъ (1798 г.) въ Берлинъ и въ Вѣну: чтобы отвлечь Пруссію отъ союза съ Франціею, пригласить Австрійскій Дворъ къ совмѣстному дѣйствію противъ послѣдней Державы и предложить Великую Княжну Александру Павловну въ супружество Эрцъ-Герцогу Палатину. Посольство это не было увѣнчано желаемымъ успѣхомъ; ибо Король Фридрихъ Вильгельмъ III рѣшительно отказался прервать неутралитетъ; Князь Репнинъ уволенъ отъ службы съ позволеніемъ носить общій армейскій мундиръ. Тогда удалился онъ въ Москву и, въ кругу семейства своего, друзей, оканчивалъ вечеръ славной жизни, услаждая оный христіанскими размышленіями. Въ изгнаніи никогда ропотъ не исходилъ изъ устъ благочестиваго старца: онъ чтилъ волю Царя своего и съ благоговѣніемъ покорялся оной; никто въ присутствіи его не дерзалъ осуждать распоряженій тогдашняго Правительства.

Воцарился Императоръ Александръ I, и Князь Николай Васильевичь, любимый, уважаемый Имъ, привѣтствовалъ Внука Екатерины Великой, изъявившаго желаніе шествовать по стопамъ Ея; но не могъ служить Ему: апоплексическій ударъ прекратилъ жизнь его, посвященную четыремъ Монархамъ, 12

Мая 1801 года, на 68 отъ рожденія (*). Императоръ далъ слѣдующій Указъ Правительствующему Сенату (**): «Въ ознаменованіе отличнаго Нашего «уваженія къ воинскимъ и гражданскимъ подвигамъ «Генералъ-Фельдмаршала Князя Репнина, въ па«мять добродѣтелей его и любви къ Отечеству, кои«ми и въ мирѣ и въ войнѣ, и на службѣ и въ «уединеніи, до самого конца жизни своей былъ онъ «преисполненъ, и во свидѣтельство, что истинныя «заслуги никогда не умираютъ, но живя въ при«знательности всеобщей переходятъ изъ рода въ «родъ, согласно желанію его, ближнихъ его род«ственниковъ и Намъ Самимъ извѣстному, соизво«ляемъ, чтобъ родный его внукъ, отъ дочери его «рожденный, Полковникъ Князь Николай Волкон«скій (***) принялъ фамилію его, и отнынѣ потом«ственно именовался *Княземъ Репнинымъ*. Да родъ

(*) Князь Н. В. Репнинъ погребенъ въ теплой церкви Московск. Донскаго монастыря.

(**) Отъ 12 Іюля 1801 года.

(***) Нынѣ Генералъ отъ кавалеріи, кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго съ алмазн. украш.; Св. Владиміра первой степени; Св. Георгія 3 класса; Св. Анны перв. ст. съ алмазн. украш. и 4-й; Прусскихъ: Чернаго и Краснаго Орловъ и за достоинство; Австрійскаго: Св. Леопольда командоръ; Французскаго Св. Лудовика; имѣющій золотую шпагу, съ алм., *за храбрость*, сереб. медали 1812 и 1814 год. и знакъ отличія *безпорочной службы*, Князь Николай Григорьевичь Репнинъ.

«Князей Репниныхъ, столь славно Отечеству послу-«жившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ не «угаснетъ, но, обновясь, пребудетъ навсегда, съ «именемъ и примѣромъ его, въ незабвенной памяти «Россійскаго дворянства!»

Князь Николай Васильевичь Репнинъ — какъ справедливо описываетъ его Иванъ Владиміровичь Лопухинъ — *былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, истинныхъ героевъ, любителей высочайшей добродѣтели, которыхъ дѣянія читаютъ въ Исторіи съ восторгомъ удивленія и коихъ величію не понимающіе совершенства добродѣтели, не имѣютъ силы вѣрить* (*). Съ видомъ величавымъ, гордою осанкой, возвышеннымъ челомъ, глазами, и въ маститой старости огненными, коимъ проведенныя дугою брови придавали еще большую выразительность, соединялъ онъ веселый нравъ, былъ обходителенъ, добръ до крайности; удивлялъ всѣхъ своею начитанностію, рѣдкою памятью; свободно изъяснялся и писалъ на Россійскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Италіянскомъ и Польскомъ языкахъ; въ молодыхъ лѣтахъ имѣлъ сердце пламенное и былъ счастливъ любовію прекраснаго пола; умѣлъ поддерживать достоинство своей Монархини; казался иногда гордымъ по необходимости; былъ вспыльчивъ, но не зналъ мести, и одна только любовь къ службѣ, къ порядку увлекала его; неустрашимъ на ратномъ полѣ; предпріимчивъ, дальновидѣнъ; смѣлъ въ Совѣтахъ Государственныхъ; неизмѣненъ въ дружбѣ; нѣжный отецъ

(*) См. *Записки И. В. Лопухина.*

семейства и, вмѣстѣ, вѣрный подданный, прямый сынъ Церкви, другъ человѣчества. Вотъ доказательства его необыкновенной щедрости и величія души:

Выигравъ процесъ у одного своего родственника, Кн. Л. Р., простиравшійся на нѣсколько тысячь душъ, онъ уступилъ ему эти деревни, уважая многочисленное его семейство и бѣдное состояніе.

Императрица Екатерина II пожаловала ему шесть тысячь крестьянъ въ присоединенныхъ къ Россіи Польскихъ областяхъ: Князь Репнинъ предоставилъ пользоваться доходомъ съ этого имѣнія, состоявшимъ изъ двадцати двухъ тысячь рублей серебромъ, прежнему владѣльцу, Графу Огинскому, по кончину его.

Одинъ Провіантскій чиновникъ, Кн. Коз., находившійся при немъ, впалъ въ глубокую задумчивость; замѣтивъ эту перемѣну, Князь Репнинъ нѣсколько разъ спрашивалъ его: *отъ чего онъ такъ мраченъ?* — и не могъ узнать настоящей причины; наконецъ рѣшился употребить послѣднее средство, пригласилъ его въ свой кабинетъ и сказалъ ему: «*Другъ мой! говори со мною откровенно, не какъ-бы съ начальникомъ, но какъ-бы съ отцомъ духовнымъ: что у тебя за печаль? Я знаю, что ты охотникъ до картъ: не проигрался-ли?*» — Тутъ чиновникъ, тронутый до слезъ благосклоннымъ обращеніемъ Фельдмаршала, повергся передъ нимъ на колѣна и объявилъ: что имѣлъ несчастіе проиграть шестьдесять тысячь рублей казенныхъ денегъ. — «*Вставай* — сказалъ ему Князь Репнинъ — «*ты не одинъ провинился: и я не менѣе виноватъ, что, зная*

HW 2SSB 3

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

JAN 28 1969 ILL
2574 483

JUN - 8 '70 H
3 Cancelled
2720

OCT 23 1970
CANCELLED

32-й

Генералъ-Фельдмаршалъ *(по флоту)*

Графъ Иванъ Григорьевичь

ЧЕРНЫШЕВЪ.

Графъ Иванъ Григорьевичь Чернышевъ, меньшой братъ Графа Захара Григорьевича, родился 24 Ноября 1726 года и, получивъ начальное образованіе въ домѣ родителей, отправленъ въ 1741 году, на шестнадцатомъ своего возвраста, Дворяниномъ Посольства въ Данію, куда другой братъ его, Дѣйствительный Камергеръ Петръ Григорьевичь, назначенъ былъ тогда Чрезвычайнымъ Посланникомъ. Посвятивъ себя дипломатическому служенію, молодой Чернышевъ продолжалъ учиться подъ надзоромъ своего брата, который вскорѣ перемѣщенъ былъ въ Пруссію (1742 г.); оттуда въ Англію

Рис. Пе. Ивановъ.

Графъ Иванъ Григорьевичъ

ЧЕРНЫШЕВЪ.

Литог. М. Тюлева.

Полномочнымъ Министромъ (1746 г.), исходатайствовалъ ему чинъ Камеръ-Юнкера (*).

Послѣ четырнадцатилѣтней отлучки, Чернышевъ возвратился въ Отечество и получилъ Камергерскій ключъ (1755); въ слѣдующемъ году отправленъ въ Дрезденъ къ Королевѣ Польской и Кур-Принцессѣ Саксонской, которыя терпѣли чрезвычайный недостатокъ въ осажденномъ Пруссаками городѣ, просили денежнаго пособія у Императрицы. Государыня послала съ нимъ сто тысячь рублей Королевѣ и двадцать тысячь Принцессѣ, дозволивъ ему проѣхать оттуда въ Вѣну и въ Парижъ (**).

Чернышевъ находился въ Аугсбургѣ (1761 г.) при Чрезвычайномъ Послѣ Графѣ Кейзерлингѣ; но, какъ конгрессъ съ Пруссіею не состоялся, отозванъ въ С. Петербургъ (1762). Тогда цар-

---

(*) Графъ Петръ Григорьевичь Чернышевъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и орденовъ: Св. Апостола Андрея, Св. Александра Невскаго и Польскаго Бѣлаго Орла кавалеръ, родился 1712 г.; служилъ, сначала, въ арміи и при Высочайшемъ Дворѣ; потомъ былъ Полномочнымъ Министромъ въ Даніи, Пруссіи и Англіи; пожалованъ Сенаторомъ (1755 г.), Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ во Францію (1760); возвратясь въ Отечество, продолжалъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ по самую кончину, послѣдовавшую въ С. Петербургѣ 20 Авг. 1773 г., на 62 году отъ рожденія.

(**) Изъ третьей части: *Сокращен. извѣстія о взаимныхъ между Рос. Монархами и Европейскими Державами Посольствахъ*, сочин. моимъ родителемъ.

ствовала уже Императрица Екатерина II, издавна покровительствовавшая брату его, Графу Захару Григорьевичу, который былъ возведенъ въ достоинство Генералъ-Аншефа и получилъ, въ день Ея коронованія, Андреевскій орденъ. Въ это самое время и Графъ Иванъ Григорьевичь пожалованъ Генералъ-Поручикомъ, сошелъ съ дипломатическаго поприща, наименованъ: Членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи (1763 г.); Присутствующимъ въ учрежденной Морской Коммисіи Россійскихъ флотовъ (въ Ноябрѣ); Главнымъ Командиромъ Галернаго порта (1765 г.). Онъ былъ тогда кавалеромъ орденовъ Бѣлаго Орла и Св. Анны.

Въ началѣ 1767 года, Графъ Иванъ Григорьевичь опредѣленъ Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ къ Великобританскому Двору, куда выѣхалъ только въ 1768 году. Императрица пожаловала его (1769 г.) Вице-Президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Онъ вступилъ въ новую должность въ 1770 году и ссудилъ Коллегію 75,000 руб., по случаю недостатка въ оной денегъ. Черезъ три года, Графъ Чернышевъ уволенъ въ отпускъ (по 1776 годъ) къ теплымъ водамъ. Императрица пригласила его, потомъ, въ Москву, гдѣ въ день празднованія мира съ Турціею (10 Іюля, 1776 г.) удостоенъ онъ орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго: *за многіе труды его въ приведеніе флота въ доброе состояніе* (*).

Благоволеніе Екатерины II къ Графу Ивану Григорьевичу неизмѣнно продолжалось по самую Ея

(*) Слова Высочайшаго рескрипта.

кончину: онъ, въ числѣ малыхъ особъ, имѣлъ право каждый день обѣдать у Государыни; при учрежденіи ордена Св. Владиміра (1782 г.), получилъ ленту этого почетнаго отличія вмѣстѣ съ Потемкинымъ, Румянцовымъ, Княземъ Орловымъ, Фельдмаршаломъ Княземъ Голицынымъ, братомъ своимъ Графомъ Захаромъ Григорьевичемъ, Графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, Княземъ Репнинымъ, Бецкимъ, Шуваловымъ и Безбородко; сопровождалъ Императрицу въ Фридрихсгамъ (1783 г.) во время свиданія Ея съ Королемъ Шведскимъ; находился при Ней когда Она обозрѣвала южныя Свои провинціи (1787 г.); награжденъ алмазными знаками ордена Св. Андрея въ день празднованія мира съ Швеціею (8 Сент., 1790 г.): *за труды въ вооруженіи флотовъ при управленіи Морскимъ Департаментомъ;* пожалованъ Членомъ Совѣта.

Императоръ Павелъ I, котораго Графъ Чернышевъ часто посѣщалъ, когда Онъ занимался еще ученіемъ, возвелъ его, 12 Ноября 1796 года, въ достоинство Генералъ-Фельдмаршала по флоту, *съ тѣмъ, однакожъ, чтобы онъ не былъ Генералъ-Адмираломъ* (*), повелѣлъ ему быть Президентомъ Адмиралтейской Коллегіи и Сенаторомъ.

Здоровье почтеннаго старца нѣсколько лѣтъ уже ослабѣвало: онъ отправился въ чужіе краи, надѣясь, посредствомъ цѣлебныхъ водъ, поддержать угасавшую жизнь; но смерть приближалась къ нему скорыми шагами и 26 Февраля 1797 года послѣдній

(*) Слова Высочайшаго Указа.

былъ день его жизни. Останки Чернышева привезены въ С. Петербургъ и преданы землѣ въ церкви Благовѣщенія Александро-Невской Лавры.

Графъ Иванъ Григорьевичь Чернышевъ съ умомъ образованнымъ соединялъ любезность и, вмѣстѣ, нѣкоторое непостоянство въ характерѣ; въ Совѣтахъ былъ не рѣшителенъ, слишкомъ остороженъ; но въ продолжительное пребываніе свое внѣ Отечества, остался Рускимъ во всемъ пространствѣ этого слова; отличался хлѣбосольствомъ; имѣлъ прекрасный столъ, лучшіе вины, которые привозили ему Капитаны кораблей. Первымъ удовольствіемъ его было, когда онъ посѣщалъ Наслѣдника Престола (въ послѣдствіи Императора Павла I) разсказывать Ему о знаменитыхъ дѣяніяхъ соотечественниковъ; съ восхищеніемъ, съ слезами повѣствовалъ онъ о Его Прадѣдѣ, Петрѣ Великомъ. — «*Это истинно Богъ былъ на землѣ во «время отцевъ нашихъ!*» — восклицалъ Чернышевъ; благодарилъ Наслѣдника *за Его доброе мнѣніе о Рускихъ* (*). — Еслибъ Графъ Иванъ Григорьевичь и не оказалъ по флоту значительныхъ услугъ Отечеству; то одно стараніе его поселить столь полезныя правила въ Порфироносномъ Отрокѣ даетъ ему полное право на уваженіе наше. — Императорская Академія Наукъ имѣла его въ числѣ своихъ Членовъ. Онъ былъ *Почетнымъ Благотворителемъ* Воспитательнаго дома, въ образованіи котораго принималъ дѣятельное участіе.

(*) См. *Записки Порошина*.

Сынъ Графа Ивана Григорьевича, Оберъ-Шенкъ Высочайшаго Двора Графъ Григорій Ивановичь Чернышевъ, скончался въ 1831 году.

33-й

Генералъ-Фельдмаршалъ

Графъ Иванъ Петровичь

САЛТЫКОВЪ.

Графъ Иванъ Петровичь Салтыковъ, сынъ Генералъ-Фельдмаршала Графа Петра Семеновича Салтыкова, родился въ 1730 году; обучался въ домѣ своего родителя; сначала служилъ въ гвардіи (съ 1745 г.), потомъ при Высочайшемъ Дворѣ въ званіи Камеръ-Юнкера, и (1760 г.) выпущенъ въ армію Бригадиромъ. Онъ участвовалъ въ знаменитыхъ подвигахъ Россіянъ противъ Пруссаковъ; за оказанную храбрость произведенъ въ Генералъ-Маіоры (1761 г.); получилъ отъ Императора Петра III орденъ Св. Анны (1762) и, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Александровскую ленту въ день коронованія Императрицы Екатерины II.

Графъ Иванъ Петровичъ

САЛТЫКОВЪ.

Литог. Тюлева.

Черезъ семь лѣтъ открылась война съ Турціею: Графъ Салтыковъ, бывшій тогда Генералъ-Поручикомъ (съ 1766 г.), снова обнажилъ мечь, содѣйствовалъ Князю Голицыну (*) въ разбитіи Карамана Паши подъ Хотинымъ (1769 г.), въ овладѣніи этою крѣпостію; служилъ потомъ подъ знаменами славнаго Задунайскаго: предводительствовалъ на Ларгскомъ сраженіи (1770 г.) частію конницы, слѣдовавшей за пѣхотою; но, къ огорченію Главнокомандовавшаго, опоздалъ преслѣдованіемъ непріятеля, не получивъ въ свое время посланныхъ повелѣній; начальствовалъ на Кагульской битвѣ (въ томъ же году) тяжелой кавалеріею, расположенною между карре, врубился въ толпы янычаръ, положилъ множество на мѣстѣ, остальныхъ обратилъ въ бѣгство и занялъ ретраншаментъ. Румянцовъ *донесъ* своему бывшему начальнику, Фельдмаршалу Графу Салтыкову, о знаменитой побѣдѣ и назвалъ его *счастливымъ отцомъ*, упоминая объ *отличномъ мужествѣ* Графа Ивана Петровича. Послѣдній награжденъ тогда алмазными знаками ордена Св. Александра Невскаго.

Въ 1772 году Графъ Салтыковъ первый переправился чрезъ Дунай съ ввѣреннымъ ему корпусомъ; произведенъ (1773 г.) въ Генералъ-Аншефы; учредилъ сообщеніе съ Дунаемъ между Силистріи и Рущука, выгналъ Турокъ изъ Марутинскихъ ретраншаментовъ, овладѣлъ ихъ лагеремъ, взялъ три пушки, принудилъ непріятеля отступить въ Рущукскія

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Князя Александра Михайл. Голицына.

укрѣпленія и обложилъ городъ отъ самого Дуная по рѣку Ломъ; но не могъ взять онаго. Отряженный имъ Генералъ Суворовъ овладѣлъ Туртукаемъ. 14 Іюля (1774 г.) Салтыковъ готовился подъ стѣнами осажденной крѣпости къ рѣшительному бою съ Сераскиромъ Гассанъ-Пашею, бывшимъ въ послѣдствіи Капитаномъ Пашею и Визиремъ, какъ прибылъ курьеръ отъ Главнокомандовавшаго съ извѣстіемъ о заключенномъ мирѣ при Кайнарджи.

Императрица наградила военные подвиги Графа Ивана Петровича (1775 г.) орденомъ Св. Георгія втораго класса и золотою шпагой, украшенною алмазами. Въ 1780 году, начальствуя двадцатью шестью полками и сильною артиллеріей, онъ составлялъ противъ Турокъ цѣпь войскъ, и имѣлъ главную квартиру въ Немировѣ; продолжалъ командовать корпусомъ въ бывшихъ Польскихъ провинціяхъ до 1784 года, въ которомъ пожалованъ Генералъ-Адъютантомъ и Генералъ-Губернаторомъ Владимірскаго и Костромскаго Намѣстничества, удостоенный за два года передъ тѣмъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1782).

Графъ Салтыковъ исправлялъ должность Намѣстника по 1788 годъ: возобновившаяся война съ Турціею призвала его снова на бранное поле. Онъ увѣнчалъ себя занятіемъ крѣпости Хотина (8 Сентября), которая, послѣ тѣснаго облежанія, сдалась ему и Принцу Саксенъ-Кобургскому, командовавшему союзными Австрійскими войсками, на слѣдующихъ условіяхъ: двухъ-тысячный Турецкій гарнизонъ и всѣ жители Магометанскаго исповѣданія, числомъ

обоего пола до шестнадцати тысячь человѣкъ, получили позволеніе выдти изъ крѣпости; 153 пушки разнаго калибра, 14 мортиръ и множество другихъ оружій и военныхъ припасовъ достались побѣдителямъ. За этотъ подвигъ Графъ Салтыковъ получилъ орденъ Св. Владиміра первой степени (1789 г.).

Доселѣ Графъ Иванъ Петровичь побѣждалъ Турокъ: въ 1790 году Императрица ввѣрила ему Финляндскую армію. Сначала Шведы имѣли нѣкоторую поверхность надъ нашими войсками; потомъ потерпѣли пораженіе, между кирхи Валкіала и деревни Тайкалы (22 Апр.), отъ храбраго Генералъ-Маіора Денисова, который захватилъ обозъ ихъ и артиллерію, прогналъ за Кюмень. Въ этомъ дѣлѣ находился Король. Между тѣмъ Генералъ-Поручикъ Нумсенъ овладѣлъ на правомъ берегу рѣки Кюмени укрѣпленіями, взялъ 12 пушекъ и болѣе 300 плѣнныхъ; Генералъ-Маіоръ Ферзенъ дѣйствовалъ столь же удачно въ Свеаборгскомъ округѣ. Непріятель не смѣлъ тревожить границы наши, поражаемый также на морѣ Чичаговымъ. Въ Стокгольмѣ возникъ ропотъ. Густавъ III принужденъ былъ предложить миръ Екатеринѣ. Въ день торжества онаго (8 Сент.) Графъ Иванъ Петровичь былъ награжденъ званіемъ Подполковника гвардіи коннаго полка, шпагою съ алмазами и алмазными знаками ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Неожиданное событіе разстроило на нѣкоторое время ходъ службы Салтыкова: онъ обратилъ на себя неудовольствіе Задунайскаго, въ арміи котораго находился корпуснымъ командиромъ и принужденъ

былъ выдти въ отставку (1795 г.). Императоръ Павелъ I принялъ его снова въ службу (1796 г.): переименовалъ Генераломъ отъ кавалеріи (17 Ноября), назначилъ Шефомъ кирасирскаго полка, и на другой день, Кіевскимъ Военнымъ Губернаторомъ, Инспекторомъ по кавалеіри; 15 Декабря того года Генералъ-Фельдмаршаломъ, Генералъ-Инспекторомъ надъ всею кавалеріею, съ подчиненіемъ Украинской арміи до выздоровленія Румянцова; наконецъ, въ исходѣ 1797 года, перевелъ его Военнымъ Губернаторомъ въ Москву, пожаловалъ ему, вслѣдъ за тѣмъ, болѣе шести тысячь крестьянъ въ Польскихъ губерніяхъ (*) и опредѣлилъ Главнокомандующимъ арміи, долженствовавшей сосредоточиться въ Витебской губерніи (1800 г.). По случаю кончины Государя назначеніе это не состоялось.

Императоръ Александръ I, въ день Своего коронованія (1801 г.) препроводилъ къ Графу Ивану Петровичу табакерку съ портретомъ, осыпаннымъ бриліантами. Онъ оставался Военнымъ Губернаторомъ въ Москвѣ до 1 Мая, 1804 года, получивъ тогда увольненіе, согласно собственному желанію, по причинѣ разстроеннаго здоровья, и вскорѣ скончался, 14 Ноября, 1805 года, на 76 отъ рожденія. Тѣло его предано землѣ подлѣ родителя, въ Ярославскомъ имѣніи.

Графъ Иванъ Петровичь Салтыковъ, во всю жизнь свою никого не сдѣлавшій несчастнымъ, былъ

(*) Имѣніе это было продано сыномъ Графа Ивана Петровича за милліонъ девятьсотъ тысячь рублей.

чуждъ постыдной гордости, и презиралъ только высокомѣрныхъ временщиковъ; отличался ласковымъ, добродушнымъ пріемомъ; жилъ въ Москвѣ чрезвычайно пышно: каждый день за обѣдомъ и ужиномъ его находилось шестьдесятъ приборовъ; каждое воскресенье съѣзжалось къ нему на балъ нѣсколько сотъ человѣкъ (*). Онъ старался искоренять въ присудственныхъ мѣстахъ лихоимство, водворялъ повсемѣстный порядокъ и благочиніе, пользовался общею любовію и уваженіемъ, любилъ дѣлать добро; занимался, въ свободное время, охотою, имѣя собственныхъ псарей до ста человѣкъ; оставилъ сыну своему шестнадцать тысячь крестьянъ, въ томъ числѣ тысячу двѣсти человѣкъ дворовыхъ людей, и два милліона восемьсотъ тысячь долгу.

Сынъ Графа Ивана Петровича, Графъ Петръ Ивановичь Салтыковъ, служилъ, сначала, Дѣйствительнымъ Камергеромъ при Высочайшемъ Дворѣ, потомъ былъ Поручикомъ Лейбъ-Гвардіи гусарскаго полка; награжденъ, за оказанную храбрость въ разныхъ битвахъ противъ Французовъ, военнымъ орденомъ Св. Георгія 4 класса; тяжело раненъ на Аустерлицкомъ сраженіи; сформировалъ собственный полкъ гусарскій (*Московскій*) въ достопамятный 1812 годъ и вскорѣ скончался (въ томъ же году) въ молодыхъ лѣтахъ горячкою, получивъ эту болѣзнь въ лазаретахъ, гдѣ онъ ежедневно навѣщалъ больныхъ солдатъ. Сестры его въ замужствѣ: 1-я съ Тайнымъ Совѣтникомъ Петромъ Васильевичемъ Мят-

(*) Иногда до восмисотъ человѣкъ.

левымъ и 2-я съ Графомъ Григоріемъ Владиміровичемъ Орловымъ.

Нынѣ отъ Графовъ Салтыковыхъ остался единственнымъ потомкомъ Графъ Левъ Григорьевичь Салтыковъ, состоящій въ должности Егермейстера Высочайшаго Двора. Прадѣдъ его, Сенаторъ Графъ Владиміръ Семеновичь, былъ меньшой братъ Побѣдителя при Франкфуртѣ (*).

(*) См. *въ первой части біографію Генер. Фельдм. Графа Петра Семеновича Салтыкова, стр. 281—296.*

Графъ Иванъ Карповичъ

ЭЛЬМПТЪ.

Литог. Гюлева.

кончину: онъ, въ числѣ малыхъ особъ, имѣлъ право каждый день обѣдать у Государыни; при учрежденіи ордена Св. Владиміра (1782 г.), получилъ ленту этого почетнаго отличія вмѣстѣ съ Потемкинымъ, Румянцовымъ, Княземъ Орловымъ, Фельдмаршаломъ Княземъ Голицынымъ, братомъ своимъ Графомъ Захаромъ Григорьевичемъ, Графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, Княземъ Репнинымъ, Бецкимъ, Шуваловымъ и Безбородко; сопровождалъ Императрицу въ Фридрихсгамъ (1783 г.) во время свиданія Ея съ Королемъ Шведскимъ; находился при Ней когда Она обозрѣвала южныя Свои провинціи (1787 г.); награжденъ алмазными знаками ордена Св. Андрея въ день празднованія мира съ Швеціею (8 Сент., 1790 г.): *за труды въ вооруженіи флотовъ при управленіи Морскимъ Департаментомъ;* пожалованъ Членомъ Совѣта.

Императоръ Павелъ I, котораго Графъ Чернышевъ часто посѣщалъ, когда Онъ занимался еще ученіемъ, возвелъ его, 12 Ноября 1796 года, въ достоинство Генералъ-Фельдмаршала по флоту, *съ тѣмъ, однакожъ, чтобы онъ не былъ Генералъ-Адмираломъ* (*), повелѣлъ ему быть Президентомъ Адмиралтейской Коллегіи и Сенаторомъ.

Здоровье почтеннаго старца нѣсколько лѣтъ уже ослабѣвало: онъ отправился въ чужіе краи, надѣясь, посредствомъ цѣлебныхъ водъ, поддержать угасавшую жизнь; но смерть приближалась къ нему скорыми шагами и 26 Февраля 1797 года послѣдній

(*) Слова Высочайшаго Указа.

Разрывъ съ Турціей, снова, доставилъ Эльмту случай явить опыты своего мужества и военнаго искуства. Онъ поступилъ въ армію Генералъ-Аншефа Князя Голицына (*) (1769 г.), будучи Генералъ-Поручикомъ: участвовалъ (29 Августа) въ пораженіи Верховнаго Визиря Молдованжи; заслужилъ похвалу Главнокомандовавшаго, и, предводительствуя десятитысячнымъ корпусомъ, занялъ (9 Сент.) Хотинъ; преслѣдовалъ бѣжавшаго непріятеля; вступилъ (26 числа) въ Яссы; покорилъ Молдавское Княженіе, утвердивъ повсемѣстно присягой покорность и вѣрность жителей Императрицѣ и Ея Наслѣднику. За этотъ подвигъ Графъ Эльмтъ награжденъ орденомъ Св. Александра Навскаго. Онъ сражался съ Польскими Конфедератами; командовалъ (1772 г.) корпусомъ, расположеннымъ на границѣ Швеціи; былъ произведенъ въ Генералъ-Аншефы (1780 г.); нѣсколько лѣтъ находился въ домовомъ отпускѣ (**), вѣроятно скучая бездѣйствіемъ, претерпѣвая неудачи; служилъ потомъ въ 1787 и 1788 годахъ, подъ знаменами Задунайскаго; командовалъ 3-ю дивизіею, состоявшею изъ 7000 человѣкъ; перешелъ (1788 г.) черезъ Днѣстръ въ Косницѣ ниже Сороки; прикрывалъ осаду Хотина (***); не допустилъ (5 Авг.) Татарскаго Хана подать помощь этой крѣпости; распо-

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Князя Александра Михайловича Голицына.

(**) 1777 года, 1778, съ 1781 по 1785 годъ.

(***) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Ивана Петровича Салтыкова.

ложилъ свою дивизію въ окрестностяхъ Яссъ, куда вступили Австрійцы 23 числа.

Императрица Екатерина II не любила Графа Эльмта за его невоздержный языкъ; Военачальники— за вспыльчивый нравъ, благородную гордость, хотя и отдавали справедливость достоинствамъ этого Полководца. Онъ начальствовалъ войсками, расположенными въ Ригѣ, когда скончалась Государыня. Императоръ Павелъ I переименовалъ его (1796 г.) въ Генералъ отъ инфантеріи и въ командиры Лифляндской дивизіи; пожаловалъ Шефомъ С. Петербургскаго гренадерскаго полка (названнаго, потомъ, *полкомъ Графа Эльмта*) и, въ день своего коронованія, 5 Апрѣля 1797 года, Генералъ-Фельдмаршаломъ, кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго; но въ скоромъ времени (10 Янв. 1798 г.) уволилъ, *за старостію*, отъ службы съ дозволеніемъ носить общій армейскій мундиръ.

Графъ Эльмтъ былъ самъ виновникомъ своего паденія: къ нему пріѣхалъ Инспекторомъ Генералъ-Адъютантъ Баратынскій. Однажды, въ присутствіи его, за обѣденнымъ столомъ, Фельдмаршалъ спросилъ гостей, сидѣвшихъ вдали: *о чемъ они разговариваютъ съ такимъ жаромъ?* Ему отвѣчали: что въ сосѣдней дивизіи Инспекторъ Аракчеевъ арестовалъ Полковника, имѣющаго Георгіевскій крестъ. — «*Осмѣлился-бы у меня Инспекторъ поступить такимъ образомъ!*»—воскликнулъ съ сердцемъ Графъ Эльмтъ— «*Я велѣлъ-бы ему связать руки и ноги и отправилъ-бы его прямо въ Гатчино.*» — Въ другое время присланъ къ нему Штабъ-офицеръ, изъ Нѣмцевъ, для

обученія солдатъ и, маршируя съ ними на флангѣ, мимо Фельдмаршала, повторялъ во весь голосъ слова: *разъ, два.* — «*Какой тактикъ!*» — произнесъ вслухъ Эльмтъ и, тотчасъ, приказалъ Штабъ-офицеру выйдти изъ рядовъ, занялъ его мѣсто, началъ маршировать съ солдатами, подымалъ какъ можно выше ноги и, въ тактъ, палку, которую держалъ въ рукѣ, но, вмѣсто произносимыхъ офицеромъ словъ, повторялъ съ разстановкою: *так—тикъ.*

Онъ скончался въ 1802 году и погребенъ въ принадлежавшей ему мызѣ Свитенъ (Курляндской Губерніи); былъ высокаго роста; имѣлъ и въ старости маститой красивую, пріятную наружность; съ великимъ умомъ соединялъ большія свѣдѣнія по военной части, отважность, нравъ веселый, обходительный; не смотрѣлъ вблизи на формы; но отъ природы чрезвычайно вспыльчивый, откровенный, не щадилъ никого для остраго слова.

Графъ Валентинъ Платоновичъ

МУСИНЪ-ПУШКИНЪ.

Литог. Тюлева.

Черезъ семь лѣтъ открылась война съ Турціею: Графъ Салтыковъ, бывшій тогда Генералъ-Поручикомъ (съ 1766 г.), снова обнажилъ мечь, содѣйствовалъ Князю Голицыну (*) въ разбитіи Карамана Паши подъ Хотинымъ (1769 г.), въ овладѣніи этою крѣпостію; служилъ потомъ подъ знаменами славнаго Задунайскаго: предводительствовалъ на Ларгскомъ сраженіи (1770 г.) частію конницы, слѣдовавшей за пѣхотою; но, къ огорченію Главнокомандовавшаго, опоздалъ преслѣдованіемъ непріятеля, не получивъ въ свое время посланныхъ повелѣній; начальствовалъ на Кагульской битвѣ (въ томъ же году) тяжелой кавалеріею, расположенною между карре, врубился въ толпы янычаръ, положилъ множество на мѣстѣ, остальныхъ обратилъ въ бѣгство и занялъ ретраншаментъ. Румянцовъ *донесъ* своему бывшему начальнику, Фельдмаршалу Графу Салтыкову, о знаменитой побѣдѣ и назвалъ его *счастливымъ отцомъ*, упоминая объ *отличномъ мужествѣ* Графа Ивана Петровича. Послѣдній награжденъ тогда алмазными знаками ордена Св. Александра Невскаго.

Въ 1772 году Графъ Салтыковъ первый переправился чрезъ Дунай съ ввѣреннымъ ему корпусомъ; произведенъ (1773 г.) въ Генералъ-Аншефы; учредилъ сообщеніе съ Дунаемъ между Силистріи и Рущука, выгналъ Турокъ изъ Марутинскихъ ретраншаментовъ, овладѣлъ ихъ лагеремъ, взялъ три пушки, принудилъ непріятеля отступить въ Рущукскія

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Князя Александра Михайл. Голицына.

лѣтъ посвятилъ онъ себя военной службѣ, былъ записанъ въ гвардію на тринадцатомъ году отъ рожденія (1747 г.); участвовалъ въ славной войнѣ Россіянъ съ Пруссаками; пожалованъ Камеръ-Юнкеромъ Высочайшаго Двора Императрицею Екатериною II, въ день Ея коронованія (1762 г.), будучи Секундъ-Ротмистромъ конной гвардіи; произведенъ черезъ семь лѣтъ въ Дѣйствительные Камергеры (1769 г.); служилъ (1771 г.) во второй арміи подъ знаменами тестя своего Князя Долгорукаго, завоевавшаго Крымъ; награжденъ, за оказанную храбрость въ разныхъ сраженіяхъ, орденами Св. Георгія 3 класса и Св. Анны; прекратилъ мятежъ въ Воронежѣ (1774 г.), куда высланъ былъ *Крымскимъ* съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ, двумя карабинерными, тремя эскадронами драгунъ и десятью гусарскими; награжденъ въ день торжества замиренія съ Турками

ленскѣ, въ Казани (1732 г.) и въ Эстляндіи (1734); пожалованъ: Президентомъ Коммерцъ-Коллегіи (1736); Сенаторомъ (1739 г.), съ оставленіемъ подъ его начальствомъ Коммерцъ-Коллегіи и Канцеляріи конфискацій, также съ подчиненіемъ ему вновь учрежденной Коллегіи Экономіи; кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго (1740 г.). Дружба съ Кабинетъ-Министромъ Волынскимъ погубила его: по доносу Бирона, лишенъ онъ (27 Іюня) чиновъ, знака отличія, Графскаго достоинства и, послѣ жестокой пытки, *съ отрѣзаніемъ языка* сосланъ въ Соловецкой монастырь, Архангельской губерніи, *за дерзкія* — будто-бы—*рѣчи*. Императрица Елисавета Петровна возвратила его изъ ссылки и приказала жить въ Симбирской деревнѣ.

(1775 г.) орденомъ Св. Александра Невскаго, будучи Генералъ-Поручикомъ; пожалованъ: Генералъ-Аншефомъ (1782); Генералъ-Адъютантомъ (1783 г.), съ повелѣніемъ находиться при Наслѣдникѣ Престола; Вице-Президентомъ Военной Коллегіи и кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1786 г.); Членомъ Совѣта (1787 г.); сохранилъ носимыя имъ званія по самую кончину Императрицы Екатерины II и въ это время дважды предводительствовалъ Финляндскою арміею противъ Шведовъ.

Первая война (1788 г.), кромѣ морскихъ сраженій, была оборонительная: четырнадцать тысячь Россіянъ мужественно отразили нападенія тридцатишести тысячной арміи, которою начальствовалъ самъ Король Густавъ III; вторая кампанія (1789 г.), во время побѣдъ Адмирала Чичагова и Принца Нассау, ознаменована на сухомъ пути удачными дѣйствіями Генералъ-Поручика Михельсона, который, командуя передовымъ нашимъ корпусомъ, разбилъ при деревнѣ Кири Шведскій отрядъ, взялъ двѣ пушки; овладѣлъ Христиною (1 Іюня), Сантъ-Михелемъ (8 Іюня). Армія Графа Мусина-Пушкина состояла тогда изъ двадцати тысячь человѣкъ: онъ очистилъ отъ непріятеля значительное пространство земель, разорилъ множество укрѣпленій; но, дѣйствуя слишкомъ осторожно, не увѣнчалъ себя никакимъ блистательнымъ подвигомъ. Въ 1790 году смѣнилъ его Графъ Салтыковъ (*). Между тѣмъ Государыня препроводила

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Ивана Петровича Салтыкова.

къ Графу Валентину Платоновичу, за первую кампанію, орденъ Св. Владиміра первой степени (1789 г.); за вторую (въ день мирнаго торжества) алмазные знаки ордена Св. Андрея и золотую шпагу съ такими же украшеніями (1790 г.)

Графъ Мусинъ-Пушкинъ былъ взысканъ и Императоромъ Павломъ I, который возвелъ его въ достоинство Шефа Кавалергардскаго Корпуса (1796 г.) и Генералъ-Фельдмаршала 5 Апрѣля 1797 года, пожаловалъ ему четыре тысячи крестьянъ въ день своего коронованія. Онъ скончался въ Москвѣ 8 Іюля, 1804 года, на 69 отъ рожденія и погребенъ въ Симоновѣ монастырѣ, гдѣ супруга его Графиня Прасковья Васильевна соорудила придѣлъ во имя Св. Мученика Валентина, упрочивъ вѣчное поминовеніе взносомъ двадцати тысячь рублей.

Графъ Валентинъ Платоновичъ имѣлъ чрезвычайно доброе сердце, былъ ласковъ, обходителенъ со всѣми, отличался благороднымъ образомъ мыслей, честнѣйшими правилами, достигалъ желаемаго терпѣніемъ; въ молодыхъ лѣтахъ былъ счастливъ, любимъ прекраснымъ поломъ; собою видный, роста высокаго, красивой наружности, но въ старости пополнѣлъ, сдѣлался сутуловатъ, имѣлъ лице красноватое, покрытое угрями; долженъ стоять на ряду болѣе съ искусными царедворцами, нежели съ побѣдоносными вождями, по нерѣшительности своего нрава.

Графъ Михаилъ Федотовичь

КАМЕНСКОЙ.

Литог. М. Тюлева.

36-й

Генералъ-Фельдмаршалъ

Графъ Михаилъ Ѳедотовичь

КАМЕНСКОЙ,

=

Графъ Михаилъ Ѳедотовичь Каменской, сынъ Гофъ-Юнкера, служившаго Мундшенкомъ при Петрѣ Великомъ (*), родился 1738 года; обучался въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ и на четырнадцатомъ году своего возраста, началъ въ ономъ службу (1751 г.) Капраломъ; выпущенъ изъ Сержантовъ (1756 г.) въ полевые полки Поручикомъ; переведенъ (1757 г.) въ артиллерію тѣмъ же чиномъ; пожалованъ 1 Ян-

(*) Предки Каменскаго выѣхали въ Россію изъ Германіи въ XIII столѣтіи. Родоначальникъ ихъ *Ратша*, какъ у Бутурлиныхъ и у Мусиныхъ-Пушкиныхъ. — *См. III примѣчаніе въ 4 томѣ Исторіи Государства Россійскаго, Карамзина, издан. втор.*

варя 1758 года Капитаномъ; служилъ два года въ Французской арміи волонтеромъ (1758 и 1759 г.); участвовалъ въ походахъ соотечественниковъ въ Пруссію 1760 и 1761 г.); произведенъ въ Полковники и въ Генералъ-Квартирмейстеры-Лейтенанты (1762 г.); получилъ чинъ Бригадира въ 1767 году, на двадцать девятомъ году отъ рожденія. Тогда родовое имѣніе его простиралось до трехъ тысячь крестьянъ (*).

Пылкій, крутый нравъ Каменскаго, умъ бѣглый, проницательный, примѣрная храбрость — еще въ то время вывели его изъ круга людей обыкновенныхъ. Фридрихъ Великій, говоря объ немъ, въ 1765 году, съ своимъ Генераломъ Тауенцинымъ, называлъ Каменскаго: *молодымъ Канадцемъ, довольно образованнымъ* (**); Императрица Екатерина II дозволяла ему посѣщать Наслѣдника, который любилъ бесѣдовать съ нимъ о славныхъ подвигахъ Россіянъ, отличалъ его предъ прочими.

Когда возгорѣлась война съ Портою Оттоманской, въ 1769 году, Каменской, будучи Генералъ-Маіоромъ и предводительствуя авангардомъ, участвовалъ, 29 Августа, въ разбитіи Княземъ Голицынымъ Верховнаго Визиря Молдованжи-Паши и Крымскаго Хана, въ занятіи Хотина; награжденъ орденомъ Св. Анны. Вслѣдъ за тѣмъ служилъ онъ подъ знаменами Графа Панина: явилъ опыты своего мужества при взятіи

(*) Изъ *Послужнаго списка, 1767 года.*

(**) *C'est un jeune Canadien, qui est pourtant assez policé.* — Записки Порошина.

штурмомъ Бендеръ (1770 г.); содѣйствовалъ сдачѣ Акермана; получилъ за военные подвиги орденъ Св. Георгія третьяго класса и, по старшинству, чинъ Генералъ-Поручика (1773 г.); разбилъ (17 Іюня) Турецкій корпусъ на островѣ предъ Журжею. Но блистательнѣйшею эпохой въ его жизни былъ 1774 годъ: разсѣявъ непріятельскій отрядъ при Абтату (11 Мая), онъ выгналъ (2 Іюня) изъ Базарджика Турецкій пяти тысячный авангардъ; одержалъ, (9 Іюня) при мѣстечкѣ Козлуджи, совершенную побѣду надъ сорока-тысячной арміею, которою предводительствовали: Янычарскій Ага, Рейсъ-Ефендій и многіе Паши: положилъ на мѣстѣ до трехъ тысячь человѣкъ; взялъ 40 пушекъ, 80 знаменъ; овладѣлъ богатымъ лагеремъ; отбросилъ (19 Іюня), близь Алибабы, Сераскира Дагистанлу Пашу къ Шумлѣ; истребилъ подвезенный провіантъ Туркамъ и, потомъ, пресѣкъ всякое сообщеніе Великаго Визиря съ Андріонополемъ, заперъ его въ собственномъ лагерѣ, заставилъ согласиться на предложенныя ему мирныя условія Графомъ Румянцовымъ. Высочайшія награды соотвѣтствовали заслугамъ искуснаго Полководца: онъ удостоился получить въ 1775 году ордена Св. Георгія втораго класса (10 Іюля) и Св. Александра Невскаго (28 Августа).

Въ 1783 году поручена Каменскому должность Генералъ-Губернатора Рязанскаго и Тамбовскаго, которую онъ исправлялъ около трехъ лѣтъ съ отличнымъ усердіемъ, пріобрѣтшимъ ему чинъ Генералъ-Аншефа (1784 г.). Возобновившаяся война съ Турціею заставила его снова обнажить мечь: поки-

нувъ въ Кишиневѣ и Чучуленѣ всю тяжелую артиллерію, подъ надлежащимъ прикрытіемъ и, раздѣливъ командуемую имъ дивизію на три колонны, Каменской, не смотря на глубокій снѣгъ и суровую погоду, выступилъ 19 Декабря (1788 г.) къ деревнѣ Гангурѣ, откуда непріятель безпокоилъ передовые наши посты. Колонна Генералъ-Маіора Лассія первая пришла къ назначенному пункту и была немедленно атакована сыномъ Татарскаго Хана Мегметъ-Гиреемъ; но Каменской, ведшій среднюю, ударилъ на противниковъ съ лѣвой стороны и въ тылъ, опрокинулъ ихъ, гналъ до Сакулецъ. Мегметъ-Гирей палъ на мѣстѣ битвы и съ нимъ около ста Турокъ и Татаръ. Пользуясь пораженіемъ непріятеля, Каменской устремился на него и въ Сакульцахъ, съ одною конницею; обратилъ въ бѣгство къ деревнѣ Манбетъ; положилъ на мѣстѣ до трехъ сотъ человѣкъ; взялъ въ плѣнъ восемьдесять семь; отнялъ четыре пушки и шесть знаменъ. Онъ отослалъ къ Хану тѣло убитаго сына его, писалъ къ нему: «что препровождаетъ оное для погребенія по ихъ «обрядамъ, и что сдѣлалъ это не какъ Рускій «Генералъ, но какъ отецъ, котораго дѣти могутъ «подвергнуться такой же участи.» — Ханъ благодарилъ за присылку драгоцѣнныхъ остатковъ и утѣшалъ себя въ письмѣ: *что сынъ его умеръ, храбро защищая права своего Государя.* Событіе, дѣлающее честь обоимъ Полководцамъ; но, съ сожалѣніемъ, должно упомянуть здѣсь объ истребленныхъ въ то время огнемъ и мечемъ двухъ селеніяхъ, Гангурѣ и Сакульцахъ. Невинные младенцы

и немощныя жены подверглись этой жалкой участи. За кровавую побѣду, Каменской награжденъ орденомъ Св. Владиміра первой степени (1789 г.). Онъ участвовалъ въ томъ же году въ осадѣ Бендеръ.

Среди успѣховъ нашего оружія, скончался Главнокомандовавшій Князь Потемкинъ-Таврическій (1791 г.), въ тридцати семи верстахъ отъ Яссъ, отправивъ въ тотъ день нарочнаго въ Крымъ къ Генералу Каховскому (*), которому ввѣрилъ свою армію. Тогда Каменской остался старшимъ въ главной квартирѣ, собралъ Генералитетъ, объявилъ оному о кончинѣ Фельдмаршала и принялъ команду. Черезъ нѣсколько дней явился Каховской, предъявилъ полу-

(*) Каховской, Михайла Васильевичь, въ Государствованіе Императрицы Екатерины II служилъ, сначала, Генералъ-Квартирмейстеромъ; потомъ управлялъ Могилевскою и Витебскою губерніями; предводительствовалъ отдѣльнымъ корпусомъ въ Крыму; пожалованъ Генералъ-Аншефомъ, кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго; вывелъ армію, по кончинѣ Потемкина, изъ областей Турецкихъ; неожиданно вторгся въ Польшу (1792 г.): разбилъ отрядъ мятежныхъ войскъ при Мурахвѣ, истребилъ главныя силы ихъ при Любарѣ и Городищѣ; награжденъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго; званіемъ Генералъ-Губернатора Нижегородскаго и Пензенскаго, съ подчиненіемъ ему войскъ, расположенныхъ въ Тавридѣ. Императоръ Павелъ I переименовалъ его въ Генералы отъ инфантеріи, возвелъ въ Графское достоинство Россійской Имперіи и вскорѣ уволилъ отъ службы. Онъ скончался въ 1800 году, на 67 отъ рожденія.

ченный имъ ордеръ отъ Главнокомандовавшаго. Возникла переписка между обоими Генералами. Тщетно Михаилъ Ѳедотовичь ссылался на старшинство свое: противникъ его превозмогъ, утверждая права на волѣ уполномоченнаго Государынею. Кратковременный раздоръ этотъ принятъ съ негодованіемъ Екатериною II, которая нашла дѣйствія Каменскаго произвольными, несовмѣстными съ закономъ (*). Онъ устранился отъ службы.

По вступленіи на Престолъ Императора Павла I (1796 г.), Михаилъ Ѳедотовичь пожалованъ былъ, 24 Ноября, Командиромъ Финляндской дивизіи, съ переименованіемъ въ Генералъ отъ инфантеріи; ше-

---

(*) Государыня въ рескриптѣ своемъ Каховскому, отъ 5 Ноября 1791 г., помѣстила между прочимъ: «Изъ донесенія вашего отъ 17 Октября извѣстились Мы съ «неудовольствіемъ о странныхъ поступкахъ Генерала «Каменскаго, который, по кончинѣ Главнокомандовавшаго арміею Нашею Генералъ-Фельдмаршала Князя «Потемкина-Таврическаго, собиралъ Генералитетъ для «сужденія о такомъ дѣлѣ, въ коемъ воля покойнаго «Фельдмаршала, изображенная въ данномъ вамъ ордерѣ, долженствовала служить закономъ, пока Указомъ «Нашимъ рѣшить благоволимъ. Весьма благоразумно «опровергли вы оное сильнымъ и убѣдительнымъ представленіемъ помянутому Генералу, письменно вами «учиненнымъ; и если не отказали вы ему формально «отъ команды, имѣя право, по данному повелѣнію, «взять оную тотчасъ по прибытіи вашемъ въ главную «квартиру: то сіе относимъ единственно къ вашей «умѣренности.»

фомъ Рязанскаго мушкатерскаго полка; награжденъ въ слѣдующемъ году орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго (4 Марта), жезломъ Фельдмаршальскимъ (5 Апрѣля), въ день коронованія Государя, и Графскимъ достоинствомъ Россійской Имперіи, и вскорѣ, *за слабостію здоровья*, отставленъ, по прошенію, отъ службы (24 Дек. 1797 г.), съ ношеніемъ армейскаго мундира.

Объявлена была война Франціи и Графъ Каменской, съ званіемъ Члена Государственнаго Совѣта, получилъ отъ Императора Александра I (1806 г.) предводительство надъ арміею, какъ Полководецъ опытный, состарѣвшійся во браняхъ. Выборъ этотъ обрадовалъ всѣхъ Россіянъ. Знаменитый лирикъ нашъ Державинъ привѣтствовалъ природнаго Вождя прекрасными стихами, въ которыхъ называлъ его: *булатомъ, обдержаннымъ въ бояхъ, оставшимъ мечемъ Екатерины, камнемъ и именемъ и духомъ*; предвѣщалъ ему побѣду; но послѣдовавшія событія не оправдали этого ожиданія. 13 Декабря, на канунѣ Пултускаго сраженія, Графъ Каменской, по приключившейся ему болѣзни, сложилъ съ себя командованіе арміею, поручилъ оную старшему Генералу и уѣхалъ въ Остреленку, донеся о томъ Государю. Личное неудовольствіе было причиною толь неожиданнаго поступка. Уважая старость и заслуги, Императоръ великодушно простилъ порывъ оскорбленнаго самолюбія.

Живучи въ деревнѣ, Графъ Михаилъ Ѳедотовичь носилъ всегда куртку на зайчьемъ мѣху, покрытую голубою тафтой, съ завязками; желтыя мундирныя

штаны изъ сукна, ботфорты, а иногда коты, кожаный картузъ; волоса связывалъ сзади веревочкою, въ видѣ пучка; ѣздилъ въ длинныхъ дрожкахъ цугомъ съ двумя форейторами; лакей сидѣлъ на козлахъ: они имѣли приказаніе не оборачиваться назадъ, но смотрѣть на дорогу. Этимъ воспользовался убійца, поджидавшій Фельдмаршала въ лѣсу за деревомъ: однимъ ударомъ топора разсѣкъ онъ черепъ его и половину языка, 12 Августа 1809 года. Трогательно описалъ смерть вождя могущихъ славный пѣвецъ нашъ Жуковскій.

Графъ Михаилъ Ѳедотовичь Каменской былъ малаго роста, сухощавъ, широкъ въ плечахъ, крѣпкаго сложенія; лице имѣлъ кругловатое, пріятное, свѣжее, брови густыя; въ обхожденіи страненъ и вмѣстѣ ласковъ; любилъ говорить на отечественномъ языкѣ. Горячій, нетерпѣливый нравъ замѣнялся въ немъ примѣрною неустрашимостью, пламеннымъ стремленіемъ къ славѣ, вѣрою и вѣрностію къ Церкви и Престолу. Суворовъ отзывался о Каменскомъ: *что онъ зналъ тактику*. Сегюръ въ своихъ Запискахъ хотя и называетъ его вспыльчивымъ, жестокимъ, но вмѣстѣ отдаетъ справедливость храбрости этого Полководца, который — какъ самъ изъяснялся — *никогда не боялся смерти*. Онъ покровительствовалъ безсмертному стихотворцу нашему Богдановичу и издалъ въ Москвѣ, 1778 года, первую книгу поэмы его: *Душенька*. Имя Каменскаго, какъ одного изъ главныхъ виновниковъ Кайнарджійскаго мира, не умретъ въ потомствѣ.

У Графа Михаила Ѳедотовича было два сына,

оба Генералы отъ инфантеріи: старшій, оставившій потомство, Графъ Сергій Михайловичь, кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Георгія втораго класса и Св. Анны, овладѣлъ, въ 1810 году, Базарджикомъ, взялъ въ плѣнъ Сераскира Пегливана Пашу и около 2000 чел.; разбилъ подъ Шумлою тридцати-тысячный корпусъ Турецкій, обратилъ его въ бѣгство, положилъ на мѣстѣ до 6000 чел.; скончался въ 1835 году. Меньшой, Графъ Николай Михайловичь, кавалеръ орденовъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Св. Георгія втораго класса, Св. Владиміра первой степени и Св. Анны — заслужившій, въ молодыхъ лѣтахъ, отъ Суворова, на Альпійскихъ горахъ, названіе *стараго Генерала*, прославилъ имя свое въ Финляндіи (1808 г.) двумя блистательными побѣдами, при Кауртанѣ и у Оровайса; потомъ, командуя Дунайской арміею (1810 г.), покорилъ Базарджикъ, Силистрію, Никополь; покушался взять приступомъ Рущукъ, но принужденъ былъ отступить съ потерею убитыми и ранеными до 8000 чел.; загладилъ, вслѣдъ за тѣмъ, неудачу свою пораженіемъ Сераскира Кушанца-Али при Батынѣ, гдѣ овладѣлъ 14 пушками и взялъ въ плѣнъ пять тысячь человѣкъ, положивъ на мѣстѣ, ранеными и убитыми, до 10,000 чел.; принудилъ Рущукъ и Журжу сдаться на капитуляцію и, среди побѣдъ, скончался въ 1811 году, послѣ продолжительной, тяжкой болѣзни, на 35 году отъ рожденія.

Останки Фельдмаршала Графа Каменскаго преданы землѣ въ церкви принадлежавшаго ему села

лѣтъ посвятилъ онъ себя военной службѣ, былъ записанъ въ гвардію на тринадцатомъ году отъ рожденія (1747 г.); участвовалъ въ славной войнѣ Россіянъ съ Пруссаками; пожалованъ Камеръ-Юнкеромъ Высочайшаго Двора Императрицею Екатериною II, въ день Ея коронованія (1762 г.), будучи Секундъ-Ротмистромъ конной гвардіи; произведенъ черезъ семь лѣтъ въ Дѣйствительные Камергеры (1769 г.); служилъ (1771 г.) во второй арміи подъ знаменами тестя своего Князя Долгорукаго, завоевавшаго Крымъ; награжденъ, за оказанную храбрость въ разныхъ сраженіяхъ, орденами Св. Георгія 3 класса и Св. Анны; прекратилъ мятежъ въ Воронежѣ (1774 г.), куда высланъ былъ *Крымскимъ* съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ, двумя карабинерными, тремя эскадронами драгунъ и десятью гусарскими; награжденъ въ день торжества замиренія съ Турками

ленскѣ, въ Казани (1732 г.) и въ Эстляндіи (1734); пожалованъ: Президентомъ Коммерцъ-Коллегіи (1736); Сенаторомъ (1739 г.), съ оставленіемъ подъ его начальствомъ Коммерцъ-Коллегіи и Канцеляріи конфискацій, также съ подчиненіемъ ему вновь учрежденной Коллегіи Экономіи; кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго (1740 г.). Дружба съ Кабинетъ-Министромъ Волынскимъ погубила его: по доносу Бирона, лишенъ онъ (27 Іюня) чиновъ, знака отличія, Графскаго достоинства и, послѣ жестокой пытки, *съ отрѣзаніемъ языка* сосланъ въ Соловецкой монастырь, Архангельской губерніи, *за дерзкія* — будто-бы—*рѣчи*. Императрица Елисавета Петровна возвратила его изъ ссылки и приказала жить въ Симбирской деревнѣ.

Дюкъ Викторъ-Францискъ

БРОЛЬО.

Литог. М. Гюлева.

мени Полководецъ: положилъ на мѣстѣ 6,000 человѣкъ; взялъ пять пушекъ, 2,000 чел. въ плѣнъ. Въ числѣ убитыхъ находился Принцъ Изенбургскій. Императоръ возвелъ Брольо въ достоинство Имперскаго Князя; Лудовикъ XV прислалъ ему Маршальскій жезлъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Брольо вступилъ въ Геттингенъ; взялъ приступомъ Минденъ: принудилъ Генерала Застрова и 1,500 чел. положить оружіе (1759 г.); снова занялъ Гессенское Княженіе (1760 г.) и Ганноверское, гдѣ расположился на зимнихъ квартирахъ.

Въ слѣдующемъ году (1761), Принцъ Фердинандъ, подкрѣпленный Пруссаками, заставилъ Брольо отступить къ Франкфурту; но онъ, вскорѣ, напалъ близь Гринберга (9 Марта) на наслѣднаго Принца, племянника Фердинанда, разсѣялъ его войска, взялъ болѣе 2,000 чел. въ плѣнъ, отнялъ 13 орудій; принудилъ Ганноверцевъ оставить Гессенскія владѣнія; потомъ присоединился къ арміи Принца Субиза; напалъ, 3 Іюля, подъ Виллингсгаузеномъ, на правое крыло Фердинанда; имѣлъ, сначала, поверхность, но въ слѣдующій день, не получивъ достаточнаго подкрѣпленія отъ Субиза, принужденъ былъ отступить въ большомъ безпорядкѣ.

Между обоими Военачальниками произошло несогласіе: Субизъ пользовался покровительствомъ г-жи Помпадуръ, любовницы Лудовика XV и умѣлъ сложить всю вину на Брольо, подъ предлогомъ, будтобы, послѣдній, желая присвоить себѣ всю славу побѣдителя и увѣренный въ успѣхѣ, не сообщилъ ему о своемъ намѣреніи атаковать непріятеля. Тщетно

противникъ увѣрялъ: что Субизъ, побуждаемый завистію, выдалъ его на жертву врагамъ. Правительство обвинило Брольо: онъ былъ лишенъ команды, удаленъ въ деревню; но и въ изгнаніи сохранилъ любовь и уваженіе соотечественниковъ (*).

По прошествіи нѣкотораго времени, Брольо рѣшился обратиться къ виновницѣ его паденія. Г-жа Помпадуръ, помня какъ герой Бергенскій присылалъ ей реляціи о своихъ побѣдахъ, исходатайствовала ему позволеніе жить въ Парижѣ. Въ числѣ защитниковъ его у Двора находился Испанскій Посолъ; но Брольо, получивъ свободу, утратилъ прежнее значеніе и покорился обстоятельствамъ.

Кончина Лудовика XV (1774 г.) вывела Дюка Брольо на скользкое поприще царедворцевъ: ему ввѣрены были, потомъ, войска. Онъ поссорился съ военнымъ Министромъ, Дюкомъ Шоазелемъ, и во второй разъ лишенъ команды.

Смутное время революціи, при самомъ началѣ, сблизило несчастнаго Короля съ вѣрнымъ подданнымъ: Брольо наименованъ былъ военнымъ Министромъ, начальникомъ войскъ, назначенныхъ для усмиренія мятежной столицы; предложилъ Лудовику удалиться съ семействомъ въ Мецъ; вызывался проводить его въ сохранности; но Король предпочелъ совѣтъ друга своего, Дюка Ліанкура, и, распустивъ

(*) Тогда представляли въ Парижѣ трагедію Вольтера *Танкредъ* и стихъ: *C'est le sort d'un héros d'être persécuté* (участь героя терпѣть преслѣдованіе) извлекъ общее рукоплесканіе въ честь невиннаго изгнанника.

солдатъ, предалъ себя *народному собранію* (1789 г.). Графъ д'Артуа удалился изъ Франціи въ сопровожденіи Брольо, съ которымъ Лудовикъ принужденъ былъ разстаться, желая избавить его отъ суда. Вскорѣ добродѣтельный Монархъ кончилъ жизнь на эшафотѣ.

Тщетно Брольо старался вторгнуться во Францію съ отрядомъ эмигрантовъ. Онъ отправился въ Россію въ числѣ многихъ соотечественниковъ его, искавшихъ покровительства Императора Павла и переименованъ въ Генералъ-Фельдмаршалы нашихъ войскъ 26 Октября 1797 года. Брольо имѣлъ тогда 79 лѣтъ, но пылалъ еще усердіемъ и — какъ изъяснялся объ немъ Лудовикъ XVIII — *съ старой опытностью, соединялъ молодую храбрость.* Потерявъ надежду быть полезнымъ законному своему Монарху, почтенный военачальникъ испросилъ увольненіе (1799 г.) и мирно кончилъ дни свои въ Мюнстерѣ 1804 года, на 86 отъ рожденія.

Дюкъ Викторъ-Францискъ Брольо, пылкій, слишкомъ откровенный, отличался непоколебимою вѣрностью къ Престолу, примѣрною неустрашимостью; имѣлъ умъ образованный, ловкое, пріятное обращеніе въ обществахъ; былъ не всегда счастливъ на бранномъ полѣ, но побѣдами своими прославилъ оружіе единоземцевъ, которые отдаютъ полную справедливость военнымъ его доблестямъ.

Конецъ второй части.

HW 25SB 3

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

JAN 28 1969 ILL
2274 483

JUN - 8 '70 H
3 Cancelled
2720

OCT 23 1971
CANCELLED

Рис. Пе. Ивановъ

Графъ Михаилъ Федотовичъ

КАМЕНСКОЙ.

Литог. М. Тюлева.